

РАСИН
СОЧИНЕНИЯ

Ж.РАСИН
СОЧИНЕНИЯ

12

J. R A C I N E

A C A D E M I A
1937

Ж. Р А С И Н
СОЧИНЕНИЯ

В ДВУХ ТОМАХ

ОЧЕРК А. ФРАНСА

ТОМ ВТОРОЙ

ACADEMIA
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

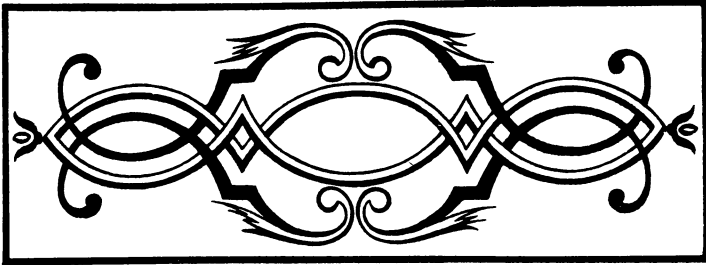
*Переплет, титульные страницы,
заставки и концовки
по рисункам А. М. Сурикова*

ИФИГЕНИЯ
В
АВЛИДЕ

IPHIGENIE EN AULIDE
(1674)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нет у поэтов более прославленного сюжета, чем жертвоприношение Ифигении; однако не все они сходятся в изложении важнейших обстоятельств этого жертвоприношения. Одни, как Эсхил в «Агамемноне», как Софокл в «Электре», а после них Лукреций, Гораций и многие другие, считают, что кровь Ифигении, дочери Агамемнона, действительно была пролита и что она умерла в Авлиде. Стоит только прочесть самое начало книги Лукреция:

Как в Авлиде случилось, что жертвенник девы Дианы
Гнусно невинною кровью Данаев вожди осквернили
Ифигении...

И Клитемнестра у Эсхила говорит, что только что умерший Агамемнон, муж ее, встретится в аду с дочерью своей Ифигенией, которую он некогда принес в жертву.

Другие представляли дело так, будто Диана, сжалившись над юной царевной, похитила ее и унесла в Тавриду в тот самый миг, когда ее должны были принести в жертву, и что богиня заменила ее ланью или какой-то другой подобной же жертвой. Этому мифу следовал Еврипид, и Овидий включил его в число «Метаморфоз».

Существует и третье мнение об Ифигении, не менее древнее, чем два предыдущих. Многие писатели, и среди них Стезихор, один из самых славных и самых древних лирических поэтов, писали, что действительно царевна, носившая это имя, была принесена в жертву, но что эта Ифигения была дочерью Елены от Тезея. Елена, говорят эти писатели, не решилась признать ее своей дочерью, боясь сообщить Менелаю о том, что она была в тайном браке с Тезеем. Павзаний приводит и доказательства, и имена поэтов, державшихся этого мнения, и добавляет, что таково же было общее убеждение всех жителей Аргоса.

Наконец Гомер, отец поэтов, настолько был далек от мнения, будто Ифигения, дочь Агамемнона, была принесена в жертву в Авлиде или увезена в Скифию, что у него в девятой песне «Илиады», то есть почти спустя десять лет после прибытия греков под Трою, Агамемнон предлагает Ахиллу брак со своей дочерью Ифигенией, оставленной, по его словам, в его доме в Микенах.

Я привел все эти столь различные мнения, и в особенности указания Павзания, потому, что этому автору я обязан прекрасным сценическим образом — Эрифилы, без которого я никогда не решился бы написать эту трагедию. Какое впечатление произвело бы оскверняющее сцену ужасное убийство столь добродетельного и милого существа, какой следует представлять Ифигению? И что дала бы развязка моей трагедии при помощи богини и сценических механизмов или при помощи превращения, которое могло вызывать известное доверие: еще во времена Еврипида, но было бы совершенно нелепым и неправдоподобным в наши дни?

Я могу, следовательно, сказать, что был счастлив найти у древних другую Ифигению, которую мог представить себе такой, какой она мне нравилась: подвергшись несчастью, в которое она, как ревнивая лю-

бовница, хотела ввергнуть свою соперницу, она заслуживает возмездия, но в то же время отчасти достойна и сострадания. Тем самым, развязка вытекает непосредственно из пьесы; нужно только увидеть ее на сцене, чтобы понять, какое удовольствие доставляю я зрителю, спасая в конце добродетельную царевну, внушившую ему, по ходу действия трагедии, такое участие к себе, причем я спасаю ее иным путем, а не чудом, которого зритель не мог бы допустить, потому что не мог бы в него поверить.

Путешествие Ахилла на Лесбос, которым этот герой завладел и откуда он похитил Эрифилу прежде чем приехать в Авлиду, не менее обосновано. Евфорион Колхидский, очень известный у древних поэт, о котором Вергилий и Квинтилиан упоминают с уважением, говорит об этом путешествии на Лесбос. В одной из своих поэм он писал по поводу Парфения, что Ахилл завоевал этот остров прежде, нежели соединился с войском греков, и что он встретил здесь одну царевну, которая влюбилась в него.

Вот главное, в чем я несколько отклонился от хода действия и сюжета Еврипида. В отношении страстей я старался следовать ему более точно. Я признаюсь, что обязан ему изрядным числом мест, вызвавших в моей трагедии наибольшее одобрение. Я в этом признаюсь тем охотнее, что эти одобрения утвердили меня в уважении и почтении, какое я всегда питал к произведениям древности. По воздействию, которое оказывало на наш театр все то, в чем я подражал Гомеру или Еврипиду, я с удовольствием убедился, что здравый смысл и разум были одинаковы во все века. Вкус Паризжа оказался сходным со вкусом Афин; мои зрители были взволнованы тем же, что исторгало некогда слезы у наиболее просвещенного народа Греции и что заставляло их считать Еврипида «наиболее трагическим» среди поэтов, а именно тем обстоятельством, что он уди-

вительно умел вызывать сострадание и ужас, являющиеся подлинными эффектами трагедии.

Это-то и заставляет меня удивляться, что новейшие писатели обнаружили столько отвращения к этому великому поэту в суждениях, высказанных ими о его «Альцесте». Здесь речь идет не об «Альцесте», но я истине слишком многим обязан Еврипиду, чтобы не позаботиться о его памяти и не воспользоваться случаем примирить его с этими господами; я убежден, что они относятся к нему так плохо лишь потому, что не прочли как следует произведения, которое вызвало их осуждение. Я беру самое значительное из их возражений, дабы показать, что я прав, говоря так. Я сказал: *самое значительное из их возражений*, ибо они повторяют его на каждой странице, не предполагая даже, что им можно ответить.

В «Альцесте» Еврипида есть чудесная сцена, в которой Альцеста, умирая и уже не владея собой, прощается с супругом. Адмет в слезах просит ее мужаться и не предаваться отчаянию. Альцеста, у которой перед глазами стоит образ смерти, говорит ему:

Уж вот они... вот... на воде...
 Челнок двухвесельный, и там
 Меж трупов Харон-перевозчик,
 На руль налегая, зовет он...
 «Что медлишь? — кричит. — Торопись,
 Тебя только ждем мы... Скорее!»*

Я хотел бы иметь силу выразить всю прелесть оригинала; но, во всяком случае его смысл таков. А эти господа поняли их так: им попалось в руки жалкое издание Еврипида, в котором издатель забыл поставить латинскими буквами сбоку этих стихов *Аль.*, что означало бы, что их произносит Альцеста, а сбоку следующих стихов забыл поставить *Ад.*, что означало бы, что

* Перевод И. Анненского.

отвечает Адмет. Поэтому им пришла в голову самая нелепая мысль: они вложили в уста Адмета и те слова, которые ему говорит Альцеста, и те, которые ей говорит Харон. Поэтому у них выходит, будто Адмету, находящемуся в полном здравии, кажется, что он уже видит пришедшего за ним Харона, и вместо того, чтобы Харон, как у Еврипида, в нетерпении торопил Альцесту идти к нему, эти господа заставили испуганного Адмета торопить Альцесту умереть, из боязни, что Харон возьмет его самого. *Он увещивает ее* — соответственно такому пониманию — *мужаться, не быть трусливой и умереть охотно: он прерывает прощание Альцесты, чтобы сказать ей, что ей надо торопиться умереть. По их мнению, он чуть ли не сам ее убивает.*

Такое чувство показалось им весьма *низменным*, и они правы: нет человека, которого бы это не покорило. Но как могли они приписать это Еврипиду? Действительно, если *Аль.*, не наличествующее во всех прочих изданиях, изобличает лишь злосчастного издателя, введшего их в заблуждение, то продолжение этих четырех строк, и вообще вся речь, произносимая Адметом в этой сцене, более чем достаточны, чтобы воспрепятствовать впасть в столь безрассудную ошибку: ибо Адмет, весьма далекий от того, чтобы торопить Альцесту умереть, напротив, восклицает: «Все смерти, вместе взятые, были бы для него менее жестоки, нежели видеть ее в том состоянии, в каком он ее видит. Он заклинает ее взять его с собою; он не может жить, если она умрет; он живет ею, он дышит для нее».

Не более удачны другие возражения. Говорят, например, что Еврипид сделал из Адмета и Альцесты двух *престарелых супругов*; что он старый муж, а она уже в летах. Еврипид позаботился ответить им одним единственным стихом, в котором он сообщает устами хора, что Альцеста, совсем юная, едва расцветшая, умирает за своего молодого супруга.

Они упрекают Альцесту еще за то, что у нее якобы двое взрослых детей, ожидающих брака. Как не прочли они противоположного в сотне мест, и прежде всего в прекрасном рассказе, рисующем умирающую Альцесту возле своих двух маленьких детей, которые ее хватают, рыдая, за платье и которых она берет на руки одного за другим, чтоб поцеловать?

Все остальное в их замечаниях имеет примерно такую же убедительность. Но я думаю, что и сказанного довольно для оправдания моего автора. Я советую этим господам не судить больше столь легкомысленно о творениях древних. Человек, подобный Еврипиду, заслуживает по меньшей мере того, чтоб его изучили, если уж существует желание его осудить; им следовало бы вспомнить мудрые слова Квинтилиана: «Надо быть крайне осмотрительным и сдержанным в суждениях о творениях великих людей, из опасения, как бы с нами не случилось того, что случилось со многими, которые осуждали то, чего не понимали; и если надо впасть в какую-либо крайность, то не лучше ли грешить восхищением перед всем в их писаниях, чем порицанием в них многого?»

Действующие лица

А г а м е м н о н .

А х и л л .

У л и с с .

К л и т е м н е с т р а — жена Агамемнона.

И ф и г е н и я — дочь Агамемнона.

Э р и ф и л а — дочь Елены и Тезея.

А р к а с }
Е в р и б а т } слуги Агамемнона.

Э г и н а — служанка из свиты Клитемнестры.

Д о р и д а — наперсница Эрифилы.

С т р а ж а .

Действие происходит в Авлиде, в палатке Агамемнона

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

Агамемнон, Аркас

Агамемнон

То Агамемнон, друг! — Твой царь стоит у ложа.
То голос мой звучит, в ночи твой сон тревожа.

Аркас

Властитель, это вы! Какие нужды вас
С постели совлекли в передрагсветный час?
Лишь слабый луч на вас ложится среди ночи,
Лишь ваши да мои не спят в Авлиде очи.
Иль в тихом воздухе вы уловили гул?
Иль ветер спасительный из ночи к нам дохнул?
Но тихо все: спит стан, Нептун и ветры в небе.

Агамемнон

Блажен, кому в удел дарован скромный жребий,
Кто царственным ярмом не взыскан от богов
И кто влачить свой век в неизвестности готов...

Аркас

От вас ли, господин, такую речь я слышу?
Как? Милостью своей и почестью высшей

Вас одарив, могли ль вас боги оскорбить
Так зло, чтоб к их дарам в вас ненависть вселить?
Счастливый царь, отец, супруг и сын Атрея,
Вы, лучшей областью всей Греции владея,
Неся в своей крови Юпитерову кровь,
С богами чрез жену вы породнились вновь.
И, наконец, Ахилл, оракулом хвалимый,
Что чудеса ему сулит неисчислимо,
Ждет вашей дочери, чтоб свадебный чертог
Он осветить огнем горящей Трои мог.
С каким триумфом мне сравнить, с какою славой
Тот вид, что берег наш открыл вам величаво,
Те тысячи судов, где двадцать ждет царей
Лишь ветра, чтоб вели вы их рукой своей?
Да, правда, — штиль стоит меж подвигом и вами,
И ветры, скованы три месяца цепями,
На Илион вести мешают вам набег.
Но в стольких почестях вы — тоже человек.
Пока вы живы, рок, сменяясь непрестанно,
Не может обещать вам счастья без изъяна,
И близок час... Но что написано в письме?
О чем, мой государь, вы плачете во тьме?
Ореста ль колыбель осиротеет вскоре?
Об Ифигении, о Клитемнестре ль горе?
Благоволите мне открыть, что пишут вам...

А г а м е н н о н

О, нет! Ты не умрешь, — согласишься я не дам!..

А р к а с

Властитель...

А г а м е н н о н

Пред тобой не утаю смятенья.
Суди, могу ли я искать отдохновенья?

В Авлиде — помнишь? — строй собравшихся судов
 С попутным ветром в путь пуститься был готов.
 Уж отплывали мы; горя желаньем боя,
 Мы кличем боевым грозили стенам Трои.
 Но чудо странное прервало радость ту:
 Нас благосклонный ветер покинул вдруг в порту.
 Остановились мы; ненужное кормило
 Напрасно лоно вод недвижных бороздило...
 И, чудом потрясен, оборотил свой взгляд
 Я к божеству тому, которое здесь чтят:
 Призвал я Нестора, Улисса, Менелая,
 И, жертву на алтарь священный возлагая,
 Я спросил его. Какой ответ, Аркас!
 Как повторю слова, что мне принес Калхас:
 «Вы не увидите желанной Трои стены,
 Покамест, жизнь свою Диане подаря,
 Дитя, в чьих жилах кровь Елены,
 Не ляжет жертвою на плиты алтаря.
 Пусть Ифигении во храме кровь прольется —
 И ветра парус ваш дождется».

А р к а с

Как? Вашу дочь?

А г а м е м н о н

Увы! Меня поймешь ты, друг! —
 Я ощутил, как кровь во мне застыла вдруг,
 И, голос потеряв, обрел его не ране,
 Чем он свой путь пробил сквозь тысячу рыданий.
 Не внемля ничему, богов я проклинал.
 Я ослушанья им обет во храме дал.
 Зачем же от него опять я отказался?
 Свои войска тогда я распустить собрался.
 Притворно на моей сказавшись стороне,
 Улисс излиться дал тех первых чувств волне.

Но вскоре, возвратясь к своей игре лукавой,
Стал обольщать меня отечеством и славой,
Толпой племен, царей, мою признавших власть
И царством Азии, что нам должно подпасть.
Забыв для дочери державу и народы,
В бесславьи ли влачить мне старческие годы?
Я, правда, был и сам (и этим я смущен!)
Величием своим и властью упоен;
Мой сан царя царей, что правит всей Элладой,
Мне сердце расслаблял надменною усладой,
И, мстя мне за права кровавых алтарей,
Едва касался сон тоскующих очей,
Мне боги начали из ночи в ночь являться,
За жалость грешную бичуя святотатца.
В ответ на мой отказ, я видеть стал в тоске
Их с грозной молнией в протянутой руке.
Аркас, я сдался; вняв Улисса убежденью,
Обрек, в рыданиях, я дочь свою мученью.
Чтоб выхватить ее из материнских рук,
К уловке гибельной пришлось прибегнуть, друг!
Я перенял язык влюбленного Ахилла
И в Аргос написал: чтоб свидеться-де с милой
И с нею в брак вступить он до отплытья мог, —
Ускорить молит он ее приезда срок.

А р к а с

А не страшит ли вас Ахилл нетерпеливый?
Герой, в ком честь и ум так бдительны и живы,
Безрепотно свое отдаст ли имя он,
Чтоб с помощью его удар был нанесен?
Ужель он вашу дочь лишит допустит жизни?

А г а м е м н о н

Ахилл отсутствовал; в те дни его отчизне
Грозил сосед. Пелей, отец его, в тот час

*

Его призвал к себе, — ты помнишь сам, Аркас.
Отсутствие его, казалось нам сначала,
Из-за войны могло продолжиться не мало.
Но кто в неистовстве уймет летящий шквал?
Ахилл стремительно победу одержал, —
И, прозвище свое вновь оправдав воочью,
К нам неожиданно явился этой ночью.
Но узами прочней удержана рука:
Дочь, что на смерть свою спешит издалека,
Не зная ничего про приговор суровый, —
Что, может быть, меня благодарить готова,
Дочь... Нет, не кровь свою, чей так священен зов,
Не молодость ее оплакать я готов, —
Но добродетелей прекраснейших сплетенье,
Ее любовь ко мне, ее благоговенье
(Награды от меня достойное иной),
Что в ней незыблемо живет передо мной.
О небо! Верить ли, чтоб твой закон всевластный
Потребовать от нас мог жертвы столь ужасной!
Нет! Испытать меня оракул твой желал, —
За послушанье бог меня бы покарал.
Ты должен оправдать, Аркас, мое доверье:
Усердья и ума жду от тебя теперь я.
Царицей в Спарте был ты оценен вполне:
Она тебя служить приставила ко мне.
Бери ж письмо, спеши увидеться с царицей,
К Микенам пусть твой путь быстрее устремится.
Царице дай письмо, не медли на пути,
И продолжать ей путь в Авлиду запрети.
Пусть будет дан тебе здесь проводник надежный,
Затем что если дочь сюда неосторожно
Прибудет, — ей конец: Калхас ее здесь ждет,
Он плач наш заглушит, богам уста откнет,
И греки в ужасе потребуют свершенья
Богам угодного, жестокого веленья.
Все те, кто славою моей уязвлены,

Подымут происки, желаньями полны,
Чтоб власть мою отнять, что так их раздражает...
Спаси ж ее, Аркас! — Но бойся, чтоб твой пыл
Ей тайны гибельной нескромно не раскрыл.
О, если б утаить от дочери могли мы
Грозу, что на нее навлек отец любимый!
Не дай услышать мне разгневанную мать;
Скрепи словами то, что я даю им знать.
Чтоб мать и с нею дочь склонить на возвращенье,
Пишу я, что Ахилл переменял решенье,
И лишь с концом войны, с возвратом наших сил,
Он совершит тот брак, с которым так спешил.
А от себя добавь, что в действиях Ахилла
Повинна, говорят, младая Эрифила,
Та пленница его, лесбийка, что свой плен
При дочери моей проводит средь Микен.
Вот все, что надобно. Об остальном — молчанье.
Уже встающий день нам шлет свое сиянье.
Но, чу! Я слышу шум. Шаги... Сюда идут...
Ахилл!.. Спеши же в путь!.. Ах! И Улисс уж тут!.

Явление второе

А г а м е м н о н, А х и л л, У л и с с

А г а м е м н о н

Ужель так скор был шаг победы торопливой,
Что вот уже прибыть в Авлиду вновь смогли вы?
О, если таковы деянья сил младых,
Какие ж подвиги в грядущем сменят их?
То, что другим дала деяний громких слава,
Ахиллу праздному — случайная забава:
Шутя, в Фессалии был мир им водворен,
И им одним, без войск, был Лесбос покорен!

А х и л л

Для слабых дел моих хвалы те слишком щедры!
 Молю, чтоб небеса, нам ниспославши ветры,
 Скорей расширили простор для этих сил,
 Которые ваш дар столь мощно поощрил!
 О государь, ужель поверить впрямь могу я
 Молве, которой я в Авлиде внял, ликуя?
 Моих стремлений вы приблизили успех?
 И я меж смертными теперь счастливей всех?
 Прибыть должна к вам дочь, чтоб мог я здесь, на месте,
 Обеты брачные принести моей невесте?

А г а м е м н о н

Кто? Дочь моя? Сюда? Откуда эта весть?

А х и л л

Чем в изумленье мог вас этот слух привести?

А г а м е м н о н (*Улису*)

О небо! Знает он о той уловке лживой...

У л и с с

Царь, Агамемнон вам дивится справедливо.
 Забыли ль вы беду, что налегла на нас?
 Клянусь, для брака вы не тот избрали час!
 Меж тем как кораблям еще закрыто море,
 Истощены войска и вся Эллада в горе;
 Меж тем как, чтоб склонить богов на милость вновь,
 Быть может, кровь нужна, избраннейшая кровь, —
 Ахилл, один Ахилл, из всех стремится к счастью?
 Иль в миг, когда войска подавлены напастью,

Водитель эллинов дерзнет, гнева богов,
Готовить блеск торжеств и свадебных пиров?
Ах, это ль скорбь души? Исполнена едва ли
За грехов и страну она большой печали...

А х и л л

В равнинах Фригии покажут пусть дела,
Кому из нас сильней страна отцов мила!
Пока ж у вас есть срок придумывать наветы,
Свободно можете вы приносить обеты,
И кровью наполнять благие алтари,
И чрево жертв взрезать, ища ответ внутри;
Калхасу я готов довериться заране:
Пусть смысл безветрия поймет из предсказаний.
Но здесь преграды нет, чтоб мой ускорить брак!
Не может прогневить бессмертных он никак...
Не праздность прихоти во мне рождает пламя!
Я тотчас с вашими соединюсь войсками.
Мне было б горестно, когда бы не Ахилл
На илионский брег всех ранее вступил.

А г а м е м н о н

О небо! Для чего столь славные герои
Завистливо тобой отведены от Трои?
Затем ли явлен мне столь благородный пыл,
Чтоб от него я взор со скорбью отвратил?

У л и с с

О Зевс! Что слышу я?

А х и л л

Что вы сказать решились?

А г а м е м н о н

Судьба велит, чтоб мы отсюда удалились;
Мечта бесплодная томила долго нас,
И ветра ждали мы, но в нем нам дан отказ.
Нет знаменьям числа... Увы! За Троию — боги,
И гнев их преградил нам в Азию дороги!

А х и л л

Их гнев? Но из каких он явствует примет?

А г а м е м н о н

О вашем жребии известен вам ответ?
К чему самообман? Ведь знаете вы сами:
Победу Греции связали боги с вами.
Увы! За торжество нам ведома цена:
В полях троянских вам могила суждена.
Счастливей век везде сужден вам благосклонно;
Но будет скошен он в боях у Илиона.

А х и л л

Царям, что здесь сошлись отмстить за вашу честь,
Придется ли позор отсель навек унести?
Супруг одной сестры, согласие вы дадите ль,
Чтоб страсть к другой сестре насытил обольститель?

А г а м е м н о н

Но вашей доблестью, опередившей нас,
Не до конца ли мы отомщены сейчас?
Кто Лесбос разгромил? Или лесбийцев горе
Не поселило страх во всем Эгейском море?

Был в Трое зрим огонь; и до ее портов
Доплыли по волнам останки мертвецов.
Кто не оплакал в ней судьбы другой Елены,
Что вами пленницей отослана в Микены?
Дитя прекрасное, от нас хранит она
Ту тайну, что в душе ее затаена.
Но в гордой немоте — ее же обличенье:
То вмятая печать высокого рожденья.

А х и л л

Нет, слишком хитростно сплетенье этих слов!
Заране не узнать намерений богов.
Мне ль удержать свой шаг перед угрозой тщетной?
Мне ль славой пренебречь, свернув с тропы победной?
Да, парки предрекли так матери моей
В тот час, как смертный муж возлег на ложе с ней,
Что я смогу избрать меж долголетьем темным
И кратким бытием, но славным, но огромным.
И если мрак могил взаправду ждет меня,
То стану ль, родину собой беремья,
Дрожа за кровь свою, мне данную богиней,
Вблизи отца стареть в неизвестности отныне?
Иль славного пути беречься мне всегда
И, безыменному, погибнуть без следа?
Нет! Стыдно нам искать препятствия заране;
Где призывает честь, излишне предсказанье!
Мы знаем, что в руках бессмертных наши дни,
Но славою своей владеем мы одни.
Пусть не внушают нам веленья их тревоги:
Помыслим сами стать бессмертными, как боги.
Пусть действует судьба, — скорей же поспешим
Туда, где подвиг нас приблизить может к ним;
Нас Троя ждет — туда, вещаньям не внимая,
Я тороплюсь, богов о ветре заклинаю;
Когда б мне одному пришлось осаду весть,

Патрокл и я за вас осуществили б мечь.
 Но Троя, государь, вам предана богами,
 И честь моя лишь в том, чтоб следовать за вами.
 Уж я не тороплюсь, чтоб брак венчал мой пыл,
 Затем что он меня отсюда б удалил;
 Нет, мне любовь велит радеть о вашей чести,
 Подать пример войскам, остаться здесь, на месте,
 И запрещает мне покинуть вас в тот час,
 Когда трусливые хотят ослабить вас.

Явление третье

Агамемнон, Улисс

Улисс

Итак, чтобы идти на Илион войною,
 Продолжить он поход готов любой ценою...
 Напрасно, видимо, нас пыл его страшил:
 Он сам оружие против себя вручил.

Агамемнон

Увы!

Улисс

Глубокий вздох... Какое в нем значенье?
 Отцовской крови ли я вижу возмущенье?
 Поколебала ль вас так сильно эта ночь?
 Иль сердце плачется? Но рассудите: дочь
 Элладе вы должны; пред нами же обетом
 Вы связаны. Калхас, что ведает об этом,
 Всем, кто стремится знать решение богов,
 В недалеком будущем сулит возврат ветров.
 Иль думаете вы, что, если предсказанья
 Не оправдаются,— он сохранит молчанье?

И что богов во лжи изобличит Калхас
Скорей, чем обвинит перед войсками вас?
Проведав, что виной всему лишь жертва эта,
Что, если эллины потребуют ответа?
Страшитесь, чтоб народ, в неистовстве своем,
Не начал выбирать меж небом и вождем!
Не вы ли, наконец, настойчиво и рьяно
Сзывали нас, царей, на Ксантские поляны?
Не объезжали ль вы дворцы ахейских стран,
Напомнить нам обет, что некогда был дан,
Когда любой из нас, соперник Менелая,
К отцу Елены шел, ее руки желая?
Клялись мы: кто б из нас с ней ни вступил в союз,
Защитниками стать его семейных уз,
И, если кто урон его нанес бы чести,
Сулили дерзкого обречь мы нашей мести.
Но клятву, что в те дни внушила нам любовь,
Теперь без вас бы мы не повторили вновь,
Лишь вы, от новых чувств решившись нас отринуть,
Нас всех заставили детей и жен покинуть.
И вот со всех концов сошлись мы; наша честь
Велит нам лишь одно: расплату Трое несть.
Когда все эллины признать вас захотели
Вождем единственным в таком великом деле,
Когда цари, приняв без спора вашу власть,
Сошлись, готовые за вас в сраженьи пасть, —
Лишь Агамемнон сам той славы небывалой
Не хочет, подвига страшась уж от начала;
Немного крови он боится здесь пролить,
И, видно, стал вождем, чтоб войско распустить.

А г а м е м н о н

Ах! Не над вами, царь, несчастья нависли!
Легко вам изъяснять возвышенные мысли.
Но если Телемак пред вашим взором, царь,

В повязке жертвенной всходил бы на алтарь, —
 О, скоро бы тогда, пред страшной той картиной,
 Сменили пышность слов вы горькою кручиной,
 И муки испытав, подобные моим,
 Вы б кинулись тогда между жрецом и им!
 Вам ведомо, Улисс, что дал я обещанье,
 Что дочь, прибудь она, отдам я на закланье.
 Но если, вопреки всему, что сделать мог,
 В пути иль в Аргосе ее задержит рок, —
 Не мне тогда искать жестокого события...
 Помеху ту дерзну иначе объяснить я:
 И помощь я приму для дочери моей
 От бога кроткого, — он стражем будет ей.
 Влиянье ваше мной чрезмерно овладело,
 И я краснею...

Явление четвертое

Агамемнон, Улисс, Еврибат

Еврибат

Царь...

Агамемнон

Кто тут пришел? В чем дело?

Еврибат

Я был с царицею, но поспешил вперед, —
 Царица вашу дочь сейчас к вам приведет.
 Она уж близко; ей пришлось блуждать немало
 В той пуще, что от нас ваш лагерь укрывала.
 С трудом нам удалось на надлежащий путь
 Среди темноты лесов обратно повернуть.

А г а м е м н о н

О небеса!

Е в р и б а т

При них младая Эрифила,
Что в плен была взята оружием Ахилла.
Сюда спешит она, чтоб ей Калхас предрек,
Что в будущем сулит ей неизвестный рок.
Весть о прибытии их разнеслась мгновенно
И Ифигении красою несравненной
Поражены войска. Из их груди восторг
Мольбы несчетные за вашу дочь исторг.
Все на приехавших с почтением взирали,
«Что привело их к нам?» — вопрос мне задавали.
И утверждали все, что, если на престол
Впервые меж людей столь славный царь взошел,
Столь щедро милостью осыпанный богами, —
То также нет отца, кто б мог сравниться с вами.

А г а м е м н о н

Довольно, Еврибат, оставьте нас. Я сам
Распоряжения о встрече их отдам.

Явление пятое

А г а м е м н о н, У л и с с

А г а м е м н о н

О небеса! Итак, возжаждавши отмщенья,
Вы тщетные мои сломили ухищренья.
О, если бы сейчас горячих слез поток
В моих страданиях меня утешить мог!..

О тяжкий рок царей! На нас кладут оковы
И мнение людей и гнет судьбы суровой.
Толпятся без числа свидетели вокруг;
Но плакать нам нельзя — и злее тягость мук.

У л и с с

Увы, я так же слаб, как все мы без изъятия;
Я сам отец, и стал не меньше б вас страдать я.
Ударом потрясен, что ныне вас постиг,
К слезам, а не к хуле я близок в этот миг.
Но отняты у нас законные предлоги;
К Калхасу привели уже их жертву боги.
Он знает все, он ждет, и, коль промедлить час,
Он сам придет сюда, чтоб взять ее у вас.
Пока ж мы здесь вдвоем, — пусть слезы безудержно
Прольются, рождены любовью вашей нежной.
Оплачьте ж эту кровь; но лучше пусть в упор
Ту честь, что от нее родится, зрит ваш взор.
Взгляните: Геллеспонт, под веслами вспененный,
Коварный Илион, огнем опустошенный...
Его народ в цепях, Приам — у ваших ног,
Елена, в мужний вновь введенная чертог;
Все эти корабли с венчанными кормами,
Сюда в Авлиду вновь вернувшиеся с вами,
И ждущие нас все восторги торжества,
И будущих веков немолчная молва.

А г а м е м н о н

Я вижу: тщетно все; ничто мне не поможет.
Раз боги требуют невинной крови — что же?
Не долго жертва ждать себя заставит вас!
Ступайте ж; но пускай пока молчит Калхас;
Пусть втайне мрачное готовится событие,
Чтоб мог от алтаря царицу отстранить я.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Э р и ф и л а, Д о р и д а

Э р и ф и л а

Не будем им мешать, Дорида, и уйдем.
С супругом и отцом оставим их втроем.
Чтоб радость их могла явить себя на воле,
Их предоставим — ей; меня же — прежней боли.

Д о р и д а

К чему вам, госпожа, страданья растравлять
И вечно повода к рыданиям искать?
Я знаю — пленнице ничто кругом не мило,
И если мы в цепях, веселье нам постыло.
Но в час, когда пришлось, наперерез волнам,
За победителем покорно влечься нам,
И, сидя на корме, невольницею бледной,
Вы видели вблизи убийцы взор победный, —
Мне, право, кажется, что слезы ваших глаз
Не орошали все ж так щедро, как сейчас.
А ныне все вокруг улыбкой вас встречает,
Вас Ифигения подругой почитает,
Она жалеет вас, вы для нее — сестра:
Судьба и в Трое к вам была б не столь добра.

Ее призвал отец, влекло и вас к Авлиде;
И вот вы здесь, вас чтут, с царевной вместе видя...
Но явно хочет рок, непостижимый мне,
Чтоб с каждым часом боль терзала вас вдвойне.

Э р и ф и л а

Иль хочется тебе, чтоб грустной Эрифиле
Их ликования унынья не вселили?
Иль горести мои исчезнут без следа
От вида тех отрад, которым я чужда?
Пусть Ифигению отец ее ласкает,
Пускай в ней мать свою надежду полагает;
А я, средь напастей и вечных бед моих,
Еще с младенчества живя среди чужих,
Для всех ненужная, была всегда одна я,
Улыбки ни отца, ни матери не зная.
Кто я — не ведаю, и — в довершение бед —
На тайну ту кладет оракул свой запрет.
Он мне готов открыть, кто дней моих виною, —
Но, не погибнув, я той тайны не открою.

Д о р и д а

Все до конца узнать стараться вы должны:
Слова оракула — они всегда темны.
За прежним смыслом — смысл встает нередко новый,
За ложным именем отыщете свое вы.
Вот и опасность вся, что может вам грозить.
Лишь имя ложное вы можете стубить, —
Ведь подлинное вам сменили с колыбели.

Э р и ф и л а

Другие вести мне о нем не долетели.
Свидетель той поры, отец твой, никогда

Мне не давал узнать, что было в те года.
В той Трое, что меня приветствовать готова,
Почет, он говорил, мне б возвращен был снова.
И имя, и мой сан вернулись бы мне вновь.
Славнейших из царей в себе нашла б я кровь.
К великой Трое я свой путь уже стремилась, —
Но рок на Лесбос плет жестокого Ахилла.
Все обращает в прах, все побеждает он,
Под грудой мертвых тел отец твой погребен,
И вот, навек себе неведома отныне,
Взамен всех почестей презренной став рабыней, —
Хоть гордость крови я стараюсь удержать,
Той крови, что нельзя уже мне доказать.

Д о р и д а

О, как должна рука казаться вам сурова,
Что отняла у вас свидетеля такого!
Но здесь зато Калхас, о ком гудит молва,
Кому открыты все решенья божества.
С ним небо говорит; наставленный богами,
Он знает все, что есть, все, что случится с нами,
Равно как знает, кем была вам жизнь дана!
Для вас Авлида вся защитников полна.
И вам недолго ждать, чтоб, став женой Ахилла,
Вас Ифигения в своем дворце укрыла.
Она при мне клялась вам в этом наперед:
Вот—дар, которого она от мужа ждет.

Э р и ф и л а

Среди всех бед моих (прими мое признание)
Страшней чем этот брак нет для меня страданья!

Д о р и д а

Возможно ль, госпожа?

Э р и ф и л а

Не ясно ли тебе?
 Нет облегчения мне в бедственной судьбе.
 Внемли же и дивись, как я живу на свете!
 Безродной, пленной быть — ничтожны беды эти!
 Тот, кто безжалостно лесбийцев поразил,
 Тот, кто беду принес тебе и мне, — Ахилл! —
 Кто в плен меня увел своей рукой кровавой,
 Кто отнял у меня мой сан, семью и славу,
 Кто должен быть не мил мне именем одним, —
 На свете больше всех он мной один любим!

Д о р и д а

Возможно ль!

Э р и ф и л а

Я себе давала обещанье,
 Что слабость навсегда похороню в молчаньи.
 Но правда рвется вон, отыскивая путь
 Излиться пред тобой и вновь уста замкнуть.
 Не спрашивай меня, какими я мечтами,
 Какой надеждою свое питаю пламя...
 О, я не тешилась мечтой, когда Ахилл
 К моим страданиям сочувствие явил.
 Я знала: небеса с жестоким сладострастьем
 Собирают надо мной несчастье за несчастьем.
 Не буду вызывать я в памяти тот час,
 Что в Лесбосе тогда в оковы бросил нас.
 В руках безжалостных, добыча похищенья,
 Лежала долго я без жизни, без движенья.
 Но вот раскрыла я глаза свои с тоской,
 И, окровавленной удержана рукой,
 Вся содрогнулась я... Как встретить мне, несчастной,
 Убийцы-дикаря лик ярый и ужасный?

Я на корабль вошла и был мне страшен он,
Как прежде — от него был взор мой отвращен.
Но вот взглянула я: нет, ярости жестокой
Следов в нем не было!.. Где взять слова упрека?
Ах! Сердце на меня восстало в этот час!
Могла лишь плакать я, но весь мой гнев угас...
Ахиллу в руки я дала себя, Дорида:
Он мил мне, — будь вокруг нас здесь Лесбос иль Авлида!
Царевна тщетно мне защиту хочет дать
И бдительной рукой мою тоску унять.
Озлоблена судьбой, мне давшей только муку,
Готова я принять протянутую руку
Затем лишь, чтоб вражду свою вооружить
И Ифигению вернее поразить.

Д о р и д а

Чего вы сможете такой враждой добиться?
Не лучше ль было вам в Микенах затвориться,
Вдали от горестей, что стерегли здесь вас,
Борясь за то, чтоб пыл, томивший вас, угас?

Э р и ф и л а

Не властна я в себе... И сколько бы печали
Мне эти берега теперь ни доставляли, —
Я делаю лишь то, что повелел мне рок.
Я знаю, — в путь меня сокрытый голос влек.
Казалось, возле них я буду не напрасно:
Я зло внесу в их жизнь своей судьбой несчастной.
О, как желала б я, чтоб бед моих хоть часть
Смогла бы на чету счастливую упасть!
Вот что меня влекло сюда, а не стремленье
Узнать, кто грустное мне даровал рожденье...
Теперь судьбу мою определит их брак.
Коль будет он свершен — все кончено... коль так,

*

Должна погибнуть я; и с этой смертью скорой
 Во тьме могилы я укрою гнет позора,
 Узнав лишь в этот миг, кто мне отец и мать,
 Которых злой мой рок не смог не запятнать.

Д о р и д а

Мне жаль вас, госпожа... Я слов найти не смею...

Э р и ф и л а

Вот Ифигения и Агамемнон с нею.

Явление второе

А г а м е м н о н, И ф и г е н и я, Э р и ф и л а, Д о р и д а

И ф и г е н и я

Куда спешите вы? Что вынуждает вас
 От нашей нежности стремиться прочь тотчас?
 Поспешность эта чем могла бы объясниться?
 Чтоб радость первую могла излить царица,
 Молчала я... Черед не мне ль пришел сейчас?
 Иль радость не должна я выказать при вас?
 Могу ль...

А г а м е м н о н

Меня обнять? Да! Любит неизменной
 Любовью вас отец.

И ф и г е н и я

Она мне драгоценна!
 Какое счастье, что я узреть смогла

Ту славу, что свой блеск над вами излила!
Какой почет и власть! Уже из отдаленья
Я не могла вестям внимать без изумленья;
Но то, что здесь сейчас предстало предо мной,
Мне душу радостью наполнило двойной...
Как любят греки вас! Как ваше чтут главенство!
А я, я — ваша дочь... Вот в чем мое блаженство!..

А г а м е м н о н

Отца счастливее судьба должна б вам дать.

И ф и г е н и я

Какого счастья вам себе еще желать?
Какому из царей досталась честь такая?
Мне мнится, что богам хвалы вознестъ должна я.

А г а м е м н о н

Ужель несчастье ей раскрыть подходит час?

И ф и г е н и я

Отец, вздохнули вы... Бежите вы от нас!
Вы взорами по мне скользите еле-еле...
Уехать из Микен не вы ль нам повелели?

А г а м е м н о н

Дитя, для вас всегда равно мой нежен взор.
Сменились лишь места и времена с тех пор...
Но радость мне мрачит жестокая тревога.

И ф и г е н и я

Забудьте сан, отец, хоть для меня немного!
Нас расставанье ждет — быть может на года...

О, будьте мне отцом, не чувствуя стыда!
Вот перед вами здесь царевна молодая:
Любовью вашу хвалилась иногда я,
Рассказывала ей, как любите вы дочь,
И обещала ей всем, чем смогу, помочь.
Что ей помыслится про ваш прием холодный?
Иль тешила ее надеждой я бесплодной?
Когда б мой царь чело от скорби прояснил...

А г а м е м н о н

О дочь моя...

И ф и г е н и я

Отец, продолжьте речь.

А г а м е м н о н

Нет сил!

И ф и г е н и я

Погибни же, Парис, принесший эти беды!

А г а м е м н о н

И мы рыданиями оплатим честь победы.

И ф и г е н и я

О, только б небеса хранили ваши дни!

А г а м е м н о н

С недавних пор ко мне безжалостны они.

И ф и г е н и я

Калхас им пыльное готовит приношенье.

А г а м е м н о н

Смягчу ли ранее я их ожесточенье?

И ф и г е н и я

Как скоро?

А г а м е м н о н

Ах, скорей, чем я желал бы сам.

И ф и г е н и я

Смогу ль молитвами я приобщиться к вам?
Семью счастливую вы соберете ль в храме?

А г а м е м н о н

Увы!

И ф и г е н и я

Молчите вы?

А г а м е м н о н

Вы будете там с нами.

Прощайте.

Явление третье

И ф и г е н и я, Э р и ф и л а, Д о р и д а

И ф и г е н и я

Он ушел... Что думать я должна?
Неясным ужасом душа потрясена.
Беду безвестную предвижу я в тревоге...
Вам ведомо, молю вас за кого я, боги!

Э р и ф и л а

Как? холод небольшой среди таких тревог
В подобный трепет вас уже повергнуть мог?
Каким же, если так, слезам обречена я,
Я, что брожу всю жизнь, родителей не зная,
Повсюду чуждая, которую навряд
И при рождении приветил нежный взгляд.
Пусть нежный ваш привет отверг отец сурово,
Но сердце матери его принять готово!
Пусть даже вас постиг бы холод их двоих, —
Нет слез, которых бы не смог стереть жених!

И ф и г е н и я

Не защищаюсь я; против любви Ахилла
Мне трудно устоять надолго, Эрифилла.
Честь, слава, доблесть в нем, мой долг, приказ отца
Ему мою любовь вручили до конца...
Но и его понять, однако, не могу я:
Царь, ждавший здесь меня, так горячо тоскуя,
Что эти не желал оставить берега, —
К кому меня отец призвал издалика, —
Он не торопится теперь навстречу милой,
Как я надеялась, когда сюда спешила.
Уже два дня, как я, вблизи от этих мест,
Таких желанных мне, кидала взор окрест,
Его ища везде, робея и страдая
Авлиду мерил взгляд, пути пересекая;
Полет моей души меня опередил:
Во всем, что вижу я, мне чудился Ахилл!
Вот наконец я здесь, не встретясь с ним в дороге;
На лица чуждые едва смотрю в тревоге.
Один лишь он нейдет. Отца печален вид,
И об Ахилле он со мной не говорит,

Что с ним? Кто объяснить мне может тайну эту?
 Отца и милого так холодны приветы...
 Тревоги бранные ужель изгладить вновь
 Могли во всех сердцах и нежность, и любовь?
 Нет! Оскорблю ль его неправым подозреньем?
 Ведь для меня сюда пришел он с ополченьем!
 Из всех, кто клятву ту отцу Елены дал,
 Лишь он один в толпе влюбленных не стоял.
 Меж греков он один дал бескорыстно слово,
 Идти на Илион из-за меня готовый;
 Он, в упоении наградой дорогой,
 Желает плыть туда, как муж любимый мой.

Явление четвертое

К л и т е м н е с т р а, И ф и г е н и я, Э р и ф и л а,
 Д о р и д а

К л и т е м н е с т р а

Должны мы, дочь моя, бежать отсюда вместе,—
 И вашей, и моей касается то чести.
 Понятно, почему отец ваш хмур, смущен,
 И словно нехотя нас здесь встречает он.
 Чтоб отвратить от нас отказа униженье,
 С Аркасом он письмо послал в предупрежденье.
 Пока блуждали мы, нас миновал Аркас,
 И мне послание вручил он лишь сейчас.
 Уедем же! Мы здесь оскорблены жестоко.
 Отложен брак,— Ахилл другого ищет срока
 И хочет, отстранив дарованную честь,
 На возвращение венчанье перенести.

Э р и ф и л а

Возможно ль?

К л и т е м н е с т р а

Вижу, кровь ударила в лицо вам!
 Замкнемся ж в мужестве надменном и суровом.
 Неблагодарного, одоббив брак такой,
 В Аргосе к вам ввела я собственной рукой
 И, вняв молве о нем, я верила доньше
 Тому, что с вами в брак вступает сын богини.
 Но малодушного раскаянья позор
 В нем отрицает кровь богини с этих пор;
 Так вспомним же и мы свое происхожденье!
 Последним из людей он будет в нашем мненье.
 Не станем медлить: пусть не мыслит, что любовь
 Велит вам ждать, чтоб страсть в нем возродилась вновь.
 Легко расторгнем брак, забудем про Ахилла!
 Я вашего отца о том уж известила,
 И жду его лишь с тем, чтоб попрощаться нам.
 Распоряженья все к отъезду я отдам.

(К Эрифиле)

А вас с собою взять не нахожу возможным!
 Мы оставляем вас рукам вполне надежным,
 Все ваши замыслы теперь ясны для нас:
 Тот, для кого вы здесь,— как видно, не Калхас!

Явление пятое

И ф и г е н и я, Э р и ф и л а, Д о р и д а

И ф и г е н и я

Какое эта речь во мне родит смятенье!
 Возможно ль, чтоб Ахилл переменял решение?
 В бесславный я должна готовиться отъезд.
 Не для Калхаса вы искали этих мест...

Э р и ф и л а

Царевна, ваша речь мне, право, непонятна.

И ф и г е н и я

Вы в ней поймете то, что вам понять приятно.
Судьбой-обидчицей супруга лишена,
Ужель без вас в беде останусь я одна?
В Микенах ждать меня вы не могли решиться...
С царицею ль без вас в дорогу мне пуститься?

Э р и ф и л а

Калхаса нужно бы сперва мне увидеть.

И ф и г е н и я

А что мешает вам за ним сейчас послать?

Э р и ф и л а

Но в Аргос вы должны отбыть спустя мгновенье.

И ф и г е н и я

Порой способен миг рассеять все сомненья.
Но видно убеждать мне вас — напрасный труд.
Те мысли, что гнала я от себя, не лгут.
Бойтесь вы, чтоб я здесь не осталась дале...

Э р и ф и л а

Боюсь?.. Изменницу во мне вы увидали?..
Мне ль победителю жестокому любовь
Вручить в обмен за всю им пролитую кровь?

Убийце, кто принес на Лесбос смерть и пламя,
Кто мне...

И ф и г е н и я

Изменница, любим, любим он вами!
Злодейства, что сейчас рисуете вы мне,
Те руки, что в крови вы видели, в огне
Ваш Лесбос: пепел, смерть, пожар, опустошенье...
Все в вашем сердце — лишь любви напечатленье!
К воспоминаниям нет ненависти в вас!
Вам сладко говорить о них со мной сейчас!
Я правду чуяла среди притворных жалоб.
Когда б я вникла в них — давно все разгадала б.
Но не хотела я с очей повязку снять:
Чуть сдвинув, их прикрыть спешила я опять.
Вы любите его! Соперницу в объятья
К себе доверчиво поторопилась взять я!
Я дружбу ей несла; я тщила, чтоб Ахилл
Свою защиту ей, изменник, подарил.
И вот награждена теперь за все сторицей,
Влачась за вашу победной колесницей.
Я б вам могла простить, что так корыстны вы,
Что сердце вы его похитили, — увы! —
Но что в глубь Греции вы дали мне коварно
Зайти, молча о том, что ждет неблагодарный
Здесь лишь затем, чтоб мне расставить западню
И бросить... — в том я вас, изменница, виню!

Э р и ф и л а

Такие имена мне ранят слух не мало,
Еще ни разу я досель им не внимала.
Хоть тяжко гнев богов преследует меня,
Все ж он меня щадил, от них мой слух храня.
Но ведь любовники всегда несправедливы...
Что скрыла я? За что меня б винить могли вы?

Иль тот, кому Атрид свою дарует кровь,
К неизвестной девушке мог предпочесть любовь, —
К той, что в своей судьбе одно лишь уяснила:
Что в ней течет та кровь, что ищет меч Ахилла?

И ф и г е н и я

Над скорбию моей вам лестно торжество.
Еще не охватить мне горя моего.
Вы сопоставили мой блеск и ваши беды,
Чтоб слаще был вам плод несправедливой победы.
Но с этой радостью вам лучше не спешить.
Вы Агамемнона решились оскорбить.
Но вождь Эллады мне — отец. Мои мученья
Он будет чувствовать больнее, без сравненья.
Предвидя скорбь мою уже печален он.
Не слышала ли я подавленный им стон?
И что ж, — в нем холодность поспешно осуждая,
Дерзнула в жесткости его винить тогда я!

Явление шестое

А х и л л, И ф и г е н и я, Э р и ф и л а, Д о р и д а

А х и л л

Ужели вправду я, царица, вижу вас!
Весь лагерь обвинил в ошибке я сейчас.
Вы здесь? Возможно ли? Зачем вы в этом месте?
Ведь ваш отец мне дал совсем иные вести!

И ф и г е н и я

Не беспокойтесь, царь. Мы ненадолго тут.
Желанья ваши в нас согласие найдут.

Явление седьмое

А х и л л

Она бежит меня... Не сон ли то, о боги?
Она бежит меня, и я в тоске, в тревоге...

(Эрифиле)

Царевна, я боюсь, чтоб гнев у вас Ахилл,
Представший здесь опять, в душе не разбудил...
Но если от врага вы примете моление,
Но если к пленнице являл он сожаленье, —
Поведайте ему о том, какая цель
Сюда влекла их... Вам ведь ведомо...

Э р и ф и л а

Ужель

Вы, государь, того не знаете?.. Не вы ли,
Разлуки не стерпев, их вызвать поспешили?

А х и л л

Ошиблись вы: прошло уж тридцать дней с тех пор
Как видел этот брег в последний раз мой взор.

Э р и ф и л а

Как! Значит, в том письме не вашей страсти сила,
В Авлиду их зовя, рукой царя водила?
Как! Разве дочь его, вас прелестью пленя...

А х и л л

Влюбленней, чем всегда, вы видите меня!
И если б в действиях я слушался желаний,

То в Аргос встретить их я б поспешил заране.
О Ифигения! Какой свершил я грех?
Не вижу разве я вражды в глазах у всех?
Иль в речи хитростной, построенной с искусством,
Пытаясь в бой вступить с моим горячим чувством,
Мне не твердил Улисс, и Нестор, и Калхас,
Чтоб ради славы я отверг любовь тотчас?
Какой тут заговор против меня затеян?
Иль, сам не ведая, я армией осмеян?
Пойду к ним: вырву я загадки той ответ!

Явление восьмое

Э р и ф и л а, Д о р и д а

Э р и ф и л а

Стыду убежища ужель, о боги, нет?
Надменная, тебе ль роптать? Ведь ты любима.
Триумф твой тяжек мне, обида — нестерпима.
А впрочем, — иль мои помрачены глаза,
Иль им видна уже грядущая гроза.
Так, вижу — счастье их неверно и тревожно:
Лгут Ифигении, хитрят с Ахиллом ложно,
В тоске Агамемнон... Мне унывать не срок!
Коль с яростью моей в союз вступает рок,
Должна использовать я их двойную силу,
Чтоб не рыдать одной и, мстя, сойти в могилу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Агамемнон, Клитемнестра

Клитемнестра

Уж отъезжали мы, и гнев стремился мой
Ахилла и ваш стан оставить за собой.
Спешила дочь моя умчатым свой стыд в Микены...
Но поразил его такой отъезд мгновенный.
Он нас остановил. Кто б усомниться мог,
Услышав стольких клятв стремительный поток?
Ускорить жаждет он, а не замедлить сроки,
Он ищет вас, мой царь; кипит в нем гнев жестокий;
Чтоб с наглым слухом мог расправиться Ахилл,
Стремится он узнать, кто ту молву пустил.
Верните радость нам, рассейте все сомненья!

Агамемнон

Довольно: признаю я наше заблужденье,
Ахиллу веру дать согласен я вполне
И с вами радуюсь, как то доступно мне.
Калхас скрепит их брак, как вы того хотите.
Скорее к алтарю вы дочь свою пошлите.
Я буду ждать ее. Однако до тех пор
Хотел бы повести я с вами разговор.

Вы видите, куда приехали вы с нею;
Здесь все посвящено войне, не Гименею:
Гудящий лагерь, рой матросов и солдат,
Алтарь, щетиной стрел и дротиков космат, —
Все это зрелище пригодно для Ахилла,
Но лишено всего, что вам могло б стать мило.
Не нужно, чтоб царя супругу столько глаз
Узрели там, где все унизило бы вас.
Прошу вас, моему доверьтесь пониманью:
Пусть дочь со свитою придет без вас к венчанью.

К л и т е м н е с т р а

Как! Дочь мою не я супругу передам
И положу не я конец своим трудам?
Я, проводив ее чрез все пути Эллады,
Ее до алтаря довести лишусь отрады?
Иль от Калхаса я должна быть дальше вас?
Но кто представит дочь супругу в брачный час?
И торжеством кому руководить скорее,
Чем матери?

А г а м е м н о н

Вы здесь не во дворце Атрея, —
Вы в лагере!

К л и т е м н е с т р а

Где чтут послушно ваш приказ,
Где судьбы Азии зависят лишь от вас,
Где сын Фетиды, мать во мне признать готовый,
И мужи Греции ждут вашего лишь слова.
Где ж можно мне найти блистательней чертог,
Что проявить полней мое величье мог?

А г а м е м н о н

Я именов богов, истоков нашей крови,
 Прошу вас этот дар принести моей любви.
 Причины есть...

К л и т е м н е с т р а

Прошу и я во имя их
 Не прятать радости такой от глаз моих.
 Не нужно за меня краснеть вам пред войсками.

А г а м е м н о н

Что ж! Я надеялся, — вы согласитесь сами.
 Но, если к доводам вы глухи, раз мольба,
 И та в моих устах над вами так слаба, —
 Вы слышали, о чем я вас просил, царица:
 Я этого хочу, вам должно подчиниться.
 Так повинуйтесь!

Явление второе

К л и т е м н е с т р а

Что понудило царя
 Меня жестоко так отвести от алтаря?
 Иль в новом сане он меня дерзнул стыдиться,
 Иль недостойна я с ним рядом появиться?
 Или к всевластию еще не приучен,
 Сестру Елены скрыть считает нужным он?
 Мне — прятаться? Какой свершен проступок мною?
 Кто станет мне чело клеймить ее виною?
 Ну, что ж! Он хочет так, — я покорюсь ему.
 Дитя, ты счастлива, — награда вот всему!
 Нам небом дан Ахилл. Мне сердце усладила
 Мысль, что отныне ты... Но, чу! Шаги Ахилла.

Явление третье

А х и л л, К л и т е м н е с т р а

А х и л л

Усилия мои мне удались вполне,—
Царь нужным не почел дать объясниться мне.
Поверил клятвам он; не слушая ни слова,
Он дал мне поцелуй, скрепляя брак наш снова.
Он кроток был со мной. Но он сказал ли вам,
Какое счастье вы принесли войскам?
Смягчился гнев небес и, по словам Калхаса,
С богами примирит он нас в течение часа.
И ветры, и Нептун к нам слух преклонят вновь,
Едва из-под ножа прольется жертвы кровь.
По слову вещему и парус уж расправлен,
Уж корабельный руль на Илион направлен.
Хоть, вняв моей любви, должны бы небеса
Недвижными еще оставить паруса,
Хоть будет для меня печален час прощальный
С тем берегом, где зажгу я факел свой венчальный,—
Мне ль не приветствовать счастливый случай тот,
Что вражьей кровью мне скрепить наш брак дает,
И схоронить меж глыб разрушенной твердыни
Бесчестье имени, мне сродного отныне?

Явление четвертоеА х и л л, К л и т е м н е с т р а, И ф и г е н и я, Э р и ф и л а,
Д о р и д а

А х и л л

Царевна, ваш отец на наш согласен брак.
К блаженству моему вы подадите ль знак?
Идем. Примите жизнь, что вашей стать готова.

*

И ф и г е н и я

Нет, прежде чем идти, хочу сказать вам слово.
 Царица разрешит мне попросить у вас
 Залог любви... Ужель услышу я отказ?
 К царевне молодой прошу я снисхожденья,
 На чьем челе — печать высокого рожденья.
 Вседневно льют глаза ее потоки слез;
 Ее ль вам бед не знать? Вы — тот, кто их принес.
 И даже я (к чему ведет досада злая!) —
 Жестоко оскорбить несчастную смогла я.
 Как жаль, что не могу я помощью прямой
 Исправить и стереть упрек неправый мой!
 Замолвить слово лишь о ней могу, не боле.
 Вы властны тут один. Она у вас в неволе.
 Отдайте лишь приказ, и эти цепи с рук,
 Которых так мне жаль, падут на землю вдруг.
 Начните ж милостью вы этот день счастливый!
 Когда б свободной стать ей снова помогли вы...
 О, если б знать, что я стою у алтаря
 С царем, кто властвует, не ужас лишь творя,
 Чьей славе не один восторг объятий ведом, —
 Но с тем, кто для жены смягчиться даст победам
 И, горем пленников обезоружен, сам
 Тем уподобится, кем создан он, — богам.

Э р и ф и л а

Избавьте, царь, меня от муки несравненной;
 В войне на Лесбосе я стала вашей пленной;
 Но столько злобных прав имеет ли война,
 Чтоб новым мукам здесь была я предана?

А х и л л

Как? Вы...

Э р и ф и л а

О, не скажу об остальном ни слова, —
Но может ли судьба ко мне быть так сурова,
Чтоб вечно направлять мой истомленный взгляд
На счастье тех, что здесь меня в цепях томят?
Я слышу, как грозят моей отчизне милой,
Я вижу, как войска к ней рвутся с гневной силой,
Как брачный факел ваш, венчанием невзгод,
Огнем губительным родную Трою жжет.
Дозвольте, государь, покинуть мне Авлиду,
Чтоб жить от вас вдали, потерянной из виду,
В тоске, в безвестности влачить свой тяжкий рок
И скорбь, что до конца прочесть ваш взор не смог.

А х и л л

Царевна, тронут я. Идите ж вслед за нами, —
Ахилл свободу вам вернет перед войсками.
И если счастье несет нам этот час,
То пусть свободу он дарует и для вас.

Явление пятое

А х и л л, К л и т е м н е с т р а, И ф и г е н и я, Э р и ф и л а,
А р к а с, Э г и н а, Д о р и д а

А р к а с

К обряду все уже готово, о царица.
Царь ждет лишь дочь свою, чтоб мог он совершиться.
За ней я прихожу, — иль прихожу, верней,
У вас, о государь, искать защиты ей.

А х и л л

Как вас понять, Аркас?

К л и т е м н е с т р а

О Зевс! Что мне открыто?

А р к а с (*Ахиллу*)

Кто, кроме вас, бы мог еще ей стать защитой?

А х и л л

Против кого?

А р к а с

Назвать его найдется ль сил.

Ах, тайну я его, пока лишь мог, хранил,
Но вот уж сталь, огонь, повязка — наготове:
И, пусть бы то моей потребовало крови, —
Хочу вам...

К л и т е м н е с т р а

Я дрожу... Скажите все, Аркас.

А х и л л

Не бойтесь никого. Мы правды ждем от вас.

А р к а с

Вы ей супруг, мой царь, а вы ей мать, царица;
Страшиться же вести ее к отцу!

К л и т е м н е с т р а

Страшиться

Отца? Но почему?

А х и л л

Ему ль не доверять?

А р к а с

Ее у алтаря он ждет, чтобы заклатъ.

А х и л л

Он!

К л и т е м н е с т р а

Дочь свою!

И ф и г е н и я

Отец!

Э р и ф и л а

О небо!

А х и л л

Что за сила

Такую ярость к ней в нем слепо распалила?
Кто б мог без ужаса такую слышать речь?

А р к а с

Когда б хоть каплю в том сомненья мне сберець!
Калхас оракула о ней принес решенье,
Что ждет ее, презрев другие приношенья,
И боги, кем досель Парис был защищен,
Лишь за нее дают ветра и Илион.

К л и т е м н е с т р а

Убийство гнусное замыслено ль на небе?

И ф и г е н и я

О, в чем повинна я, что так суров мой жребий?

К л и т е м н е с т р а

Не странно больше мне веление царя,
Что жестко отстранил меня от алтаря.

И ф и г е н и я (*Ахиллу*)

Так вот он, этот брак, которого ждала я!

А р к а с

Его назначил царь, вас обмануть желая.
Обманут лагерь весь сейчас, подобно вам.

К л и т е м н е с т р а

О, к вашим, государь, я падаю стопам!

А х и л л (*поднимая ее*)

Царица!

К л и т е м н е с т р а

Что мне сан, докучливая слава!
На унижение дает мне горе право.
О, если бы мой плач вам тронуть сердце мог!
Так! Не краснея, мать лежит у ваших ног, —

Затем что отнята супруга у Ахилла.
Для этой ли судьбы я дочь свою вскормила?
Мы вас искали, царь, у этих берегов,
Но к горькой смерти лишь привел ее ваш зов.
О жизни ль должно ей теперь молить в боязни,
Склонясь у алтарей, уж прибранных для казни?
Вы у нее один, — от вас спасенья ждет;
Вы ей — отец, супруг, и боги, и оплот.
Я тяжкую печаль у вас в глазах читаю...
Я вас, о дочь моя, супругу оставляю.
Вас, государь, ее не покидать прошу,
С отцом коварным я увидеться спешу, —
Царю не совладать с разгневанною, мною.
Пусть жертвой небеса смягчит Калхас иною;
А если нож отвесть во мне не станет сил, —
Хочу, дитя, чтоб он сперва меня сразил!

Явление шестое

А х и л л, И ф и г е н и я

А х и л л

Недвижим я стою, и речь моя застыла.
Ко мне ль была та речь? И знают ли Ахилла?
Меня молить за вас считает нужным мать?
Царица мне могла колена обнимать?
Здесь плакали, меня сомненьями бесчестя,
Чтоб жалость пробудить во мне к моей невесте!
Кому же ваша жизнь бесценна, как не мне?
Ах, можно было б мне довериться вполне!
Мы связаны. — За вас в ответе я всецело.
Вас от угроз спасти мое прямое дело.
Но должен я итог до большего довести:
Защиты мало мне, — нужна злодеям месть,

Я покараю их, с их хитростями злыми,
Что против вас мое использовали имя.

И ф и г е н и я

Останьтесь, и к моим прислушайтесь словам.

А х и л л

Нет! Варвару себя я оскорбить не дам!
Его сестры отмстить спешил я поруганье,
Я голосом своим провел его избранье,
И двадцати царей главой был признан он,
И первый он войдет в покорный Илион,
Что одарит его богатством и почетом.
А я в награду всем моим трудам, заботам,
Хотел лишь одного: супругом вашим стать,
Добиться чести вам всего себя отдать.
И что ж? Не только он, обманщик и убийца,
Нарушить естество, нарушить дружбу тщится,
Не только хочет он, чуть вас сразит удар,
Мне сердца показать дымящегося пар, —
Венчальным торжеством скрыв жертвоприношенье,
Он именем моим зовет вас на мученье,
Он ждет, чтоб длань моя водила их ножом,
Чтоб из супруга стал я вашим палачом.
О, что постигло б вас в кровавом Гименее,
Когда бы прибыл я хотя б на день позднее?
Одна, на ярость их покинута, — увы! —
Меня у алтаря искали б тщетно вы,
И вас настиг бы нож, и вы бы горько стали
То имя проклинять, которым вас зазвали.
В своем предательстве, сулившем столько бед,
Перед лицом страны пусть он мне даст ответ.
Беречь супруга честь теперь должны вы сами,
И мысль моя должна одобрена быть вами:

Пусть изверг, что меня обидел тяжело,
Поймет, чье имя он употребил во зло.

И ф и г е н и я

О, из любви ко мне пусть ваше снисхождение
Заставит вас принять возлюбленной моление.
Пусть вашей нежности я в том увижу знак.
Ведь изверг тот, кому грозите вы, тот враг
Несправедливый, злой, убийца и мучитель, —
Какой он ни на есть — он все же мне родитель!

А х и л л

Родитель?.. Раз он мог тот замысел питать,
Я лишь убийцею могу его назвать!

И ф и г е н и я

Нет, нет, его считать отцом я продолжаю, —
Отцом, которого люблю я, обожаю!
Меня он любит сам; до нынешнего дня
Лишь знаками любви он осыпал меня,
И сердце с детских лет, возросшее в почтеньи,
Скорбит, когда ему наносят оскорбленье...
Так как же я могу, мгновенно все стерев,
Одобрить дерзостно неистовый ваш гнев?
Не ждите ж, чтоб его сама я поощрила...
Нет, нужно так любить, как вас я полюбила,
Чтоб злые имена выслушивать от вас,
Какими вы отца бесчестили сейчас.
Твердите вы: он — зверь, дочерней жаждет крови...
Но плачет, может быть, он, мне удар готова?
Какой отец на смерть охотно б дочь обрек?
К чему меня губить, когда б спасти он мог?
Я видела, — слеза вдоль щек его стекала...

Как обвинить его, не выслушав сначала?
Он столько ужасов уже в душе несет...
Иль вы еще враждой их отягчите гнет?

А х и л л

Как! К страхам подлинным у вас причин так много,
А сердце стеснено в вас лишь одной тревогой!
Тот изверг (как его мне иначе назвать!)
Рукой Калхасовой задумал вас заклать.
Когда ж моя любовь с его злодейством в споре, —
Вы только за него в смущении и в горе.
Мне замыкают рот, — злодея же вам жаль.
Я вам внушаю страх, а он — любовь, печаль...
Вот плод моих забот! В своей душе ужели
Другого места мне вы дать не захотели?

И ф и г е н и я

Жестокий! Не ясна ль моя любовь для вас?
Впервые ль ей даю прорваться я сейчас?
Вы видели: без слез, как будто безучастно
Внимала вести я смертельной и ужасной.
Не содрогнулась я... Но видели б в тот миг
Меня вы, царь, когда моих ушей достиг
Неверный слух о том, что вы мне изменили...
Каким отчаяньем мне душу истомили!
В каком смятении я потоком гневных слов
Клеймила, вне себя, и смертных, и богов!
Без слов вы поняли б, что вашу любовь
Я дорожу сильнее, чем собственною кровью.
Как знать, — не в гневе ли решили божества
Не дать мне брачного изведать торжества?
Увы! Мне чудилось, что пламень столь прекрасный
Над смертной долею меня возносит властно...

А х и л л

О, согласитесь жить, коль вами я любим!

Явление седьмое

А х и л л, К л и т е м н е с т р а, И ф и г е н и я, Э г и н а

К л и т е м н е с т р а

Спасите нас, иль мы беды не отвратим!
Страшась мой встретить взор, меня он избегает,
И доступ к алтарю мне стража преграждает:
Ее своей рукой расставил всюду он,
И путь туда для нас закрыт со всех сторон.
Он скрылся. Моего боится он страданья.

А х и л л

Так я пойду за вас, и с ним добьюсь свиданья.
Меня увидит он, я с ним поговорю.

И ф и г е н и я

О мать моя! Супруг! — Зачем идти к царю?

А х и л л

Чего вы ищете неправыми мольбами?
Придется ль мне и впредь сражаться с первой вами?

К л и т е м н е с т р а

В чем ваша цель, дитя?

И ф и г е н и я

Во имя высших сил,
 Супруга моего вы удержите пыл!
 Угрозу мрачного рассеем разговора,
 Который лишь в отце растравит боль укора.
 Я знаю, как легко в неистовство вам впасть;
 Ревниво мой отец отстаивает власть.
 Чрезмерной гордостью Атриды знамениты...
 Из уст скромнейших пусть идут слова защиты.
 Моим отсутствием столь долгим поражен, —
 Не сомневайтесь, — сам придет за мною он!
 Услышит он, как мать здесь стонет в исступленьи...
 А я, — на что меня не вдохновит стремленье
 Не дать потокам слез из ваших хлынуть глаз,
 Отвесьте отчаянье и жить потом для вас?

А х и л л

Того хотите вы? — Не спорю с волей этой!
 Но пусть благого он послушает совета:
 Пусть пожалеет вас, пусть пожалеет мой,
 А более всего овой собственный покой.
 Я трачу время здесь в бесплодных разговорах;
 Опасность требует шагов прямых и скорых.
 Царица, я иду все подготовить к ним;
 Ступайте, — отдых вам теперь необходим.
 Дочь ваша будет жить; поверьте мне, поверьте —
 Пока дышу, вотще потребовали смерти
 Ей боги; моего оракула то глас:
 И он верней того, что возвестил Калхас.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

Эрифила, Дорида

Дорида

Какой угнетены вы мыслью несчастливой,
Что Ифигении завидовать смогли вы?
Осталось жить ей час... И никогда досель
Вас не томил так к ней зависть? Как, ужель
Мне верить этому? И вы ли в исступлении?..

Эрифила

Поверь же мне, — мое правдиво уверенье;
Подобной завистью, огнем вражды таким
Еще мой не был дух к счастливнице томим.
Судьба шадит ее... А мне все изменило!
Не славу ль ей несет смятение Ахилла?
Я видела его... О сколько новых мук!
Возможно ль? Тот герой, что всех страшит вокруг,
Что сам не знает слез, но лить их заставляет,
Что с ранней молодости жалости не знает,
Что даже, — слух идет о том между людей, —
Ребенком кровь сосал у львов и медведей, —
Теперь из-за нее изведал страх жестокий...

Он плакал перед ней... его бледнели щеки...
 Ее ль жалеть? Каких скорбей, несчастий, зла
 Я ради слез его охотно б не снесла?
 Когда б мне смерть, как ей, сегодня угрожала...
 Но что я говорю? Ей — смерть? Надежды мало!
 Ахилла может ли сковать постыдный сон?
 Беде препятствия поставит быстро он.
 За Ифигению герой не всуе плакал...
 Увидишь — вдохновен богами был оракул
 Для вящей славы — ей, а мне — для горших мук,
 И в новой прелести узрит ее супруг.
 Все совершается здесь для ее спасенья.
 Богов отменено смертельное решение,
 Хотя заранее уж разведен костер,
 Но жертвы не назвал никто до этих пор.
 Поньне ничего не ведает Авлида...
 Не ясно ль, что отец колеблется, Дорида?
 Могло ль быть иначе? Кто был бы так жесток,
 Что этот весь напор остановить бы мог, —
 Плоть дочери и гнев супруги исступленной,
 Всей царственной семьи рыдания и стоны,
 Ахилла гнев, грозящего напасть,
 И крови собственной естественную власть...
 Нет, приговор небес ей вынесен напрасно;
 Останусь, как была, лишь я одна несчастна.
 Когда б решиться мне...

Д о р и д а

Что на уме у вас?

Э р и ф и л а

Мой гнев дремотствует, — а почему б сейчас
 Мне вести в лагере не разнести тревожной
 Про этот заговор преступный и безбожный,

Презревший и богов, и право алтарей —
И, чтоб угрозы небес не разгласить скорей.

Д о р и д а

О, страшный замысел!

Э р и ф и л а

О, что за упоенье!
Какое б Илион вознес богам куренье,
Когда, смутя страну и мстя за свой позор,
Я б Агамемнона ввела с Ахиллом в спор,
Когда бы в ярости направили герои
Друг в друга свой клинок, отточенный для Трои,
И в жертву (о восторг!) та гибельная весть
Моей стране могла б весь лагерь их принести!

Д о р и д а

Я слышу шум шагов, — сюда идет царица.
Волнение нужно вам унять, иль удалиться.

Э р и ф и л а

Уйдем! И чтоб вступить с их гнусной мыслью в спор,
Небес неистовый обсудим приговор.

Явление второе

К л и т е м н е с т р а , Э г и н а

К л и т е м н е с т р а

Мне должно избегать ее: не только слезы
Не льет она, страхась губительной угрозы, —

Но, все простив отцу, не хочет, чтоб упрек
 Я бросила тому, кто дни ее обрек.
 Но нежной верности дочерней в воздаянье,
 Свою же дочь винит злодей за опозданье.
 Я знаю, — он придет меня о ней спросить,
 Предательство еще надеясь утаить.
 Вот он! Посмотрим же, принявши вид спокойный,
 Еще ль поддержит он обман свой недостойный?

Явление третье

Агамемнон, Клитемнестра, Эгина

Агамемнон

Чем заняты вы здесь, царица? Как? При вас
 Нет дочери? Иль вам не передал Аркас,
 Что приказал я ей явиться? В чем же дело?
 Иль к алтарю без вас она придти не смела?
 Неужто вы ее решились задержать?
 Иль волю вам мою не хочется признать?
 Скажите ж...

Клитемнестра

Дочь моя пойдет, коль это надо.
 Но вы, — вы никакой не смущены преградой?

Агамемнон

Я?

Клитемнестра

Всё ль вам удалось закончить, государь?

А г а м е м н о н

Калхас уже готов, украшен весь алтарь.
Я сделал все, что мне велел мой долг беспорный.

К л и т е м н е с т р а

О жертве, государь, молчите вы упорно.

А г а м е м н о н

Что говорите вы? Заботы ль, что гнетут...

Явление четвертое

А г а м е м н о н, К л и т е м н е с т р а, И ф и г е н и я, Э г и н а

К л и т е м н е с т р а

Идите, дочь моя, — вас только здесь и ждут;
Благодарите же отца, как подобает, —
Он к алтарю, любя, вести вас сам желает.

А г а м е м н о н

Что вижу? Эта речь... Стоите вы в слезах,
Смущенье вижу я в потупленных очах...
Вы обе плачете, — и мать и дочь — в смятении...
Аркас! Ты смел предать меня!

И ф и г е н и я

Отец, волнение

Напрасно вас гнетет, — никто не предал вас.
Отдайте лишь приказ, — я подчинюсь тотчас.

*

Дана мне вами жизнь; нужна ль она обратно?
Пусть ваша воля то поведает мне внятно, —
С покорною душой, слезой не застя взор,
Как жениха, что был сужден мне до сих пор,
Послушной жертвою я смерть принять готова
И шею кроткую склонить под нож без слова,
И, этот чтя удар (ведь то был ваш приказ!),
Отдать всю кровь, что мной получена от вас.
Но ежели моя покорность и смиренье
Достойны, мнится вам, иного награжденья,
И материнских слез для вас печален вид, —
Тогда решусь сказать, что предо мной стоит
Сейчас и радостей и почестей довольно,
Чтоб их утратить вдруг мне не было бы больно,
И мне не верится, что мог столь краткий срок
С рожденья до конца судить мне грозный рок...
Дочь Агамемнона я, государь! — Не я ли
Та, чьи уста отцом впервые вас назвали?
И не из-за меня ль, вам радовавшей взор,
Благословляли вы то имя до сих пор?
Дарили нежностью меня вы, ласк не числа,
Отцовской слабостью вы не смущались в мысли...
С каким восторгом я внимала именам
Тех стран, где предстоит найти победу вам!
И, ваше торжество над Троей предваряя,
Готовить празднества спешила в честь царя я.
Могла ль я ждать, что вы победный ход войны
Моею кровию начать, о царь, должны?
Не страх перед ножом, что жизни угрожает,
Мне вам напоминать бывшее побуждает, —
Не бойтесь: дорога мне слишком ваша честь,
И слишком чту я вас, чтоб вам позор нанести!
Когда бы только жизнь свою я защищала,
Воспоминания я б нежные сдержала;
Но с горестной моей судьбой, супруг и мать
Желают счастье свое навек связать.

Так! Царь, достойный вас, надеялся по праву,
Что солнце озарит его венчанья славу.
Обещанной любви доверившись вполне,
Он счастлив был: любить вы разрешили мне.
Он знает все и полн тревоги и печали;
Вы слезы матери моей уже видали...
Простите ж мне, отец, попытки отвратить
Ту боль, что смерть моя должна им причинить.

А г а м е м н о н

Дитя, я вижу, — вас за чье-то преступленье,
Во гневе божества избрали в искупленье...
Оракул вас назвал! Жестокий, жаждет он,
Чтоб кровью вашею алтарь был обогрен.
Стремясь вас оградить от гибельных законов,
Я ваших просьб не ждал, ни материнских стонов;
Вы верите любви моей и до сих пор, —
Так верьте ж и тому, что долгим был отпор.
Ведь в эту ночь, как вам сказали без сомненья,
Я свой приказ (что был лишь плодом принужденья),
С ним безопасность, сан — все, все принес вам в дар,
И эллинам нанес я тягостный удар.
Аркас спешил отвлечь вас от Авлиды; боги
Не допустили вас с ним встретиться в дороге;
Несчастливого отца усилья не смогли
Спасти от смерти дочь, что боги обрекли.
Нет, власть моя не даст защиты вам надежной...
Какой уздой смирить мне толп порыв мятежный,
Коль, натравив на нас их дерзостную страсть,
Ярму покорности дают с них боги пасть?
Уступим, дочь моя: увы! ваш час подходит!
Пускай ваш сан в себе спокойствие находит...
Я требую того, что снести не в силах сам, —
Удар, что вас сразит, смертельней мне, чем вам...
Явите ж в смертный час свое происхождение,

Пусть боги примут стыд за ваше осуждение,
А греки, что спешат закланью вас обречь,
Узнают кровь мою в крови, что будет течь!

К л и т е м н е с т р а

По праву заняли в своем роду вы место...
Да, явственна в вас кровь Атрея и Тiestа.
Убийца дочери! Мне остается ждать,
Чтоб на кровавый пир вы пригласили мать.
О варвар! Вот оно, благое приношенье,
Куда вложили вы столь мудрое уменье...
Как, ужас подписать чудовищный приказ
Не в силах вашу длань был удержать тотчас?
К чему ж изображать здесь ложные печали?
Вы мните, что любовь слезами доказали?
Где битвы за нее, что якобы велись?
Где реки крови те, что за нее лились?
Где те обломки, что твердят нам об отпоре?
Где груды тел, что мне велят умолкнуть в споре?
Их нет, свидетелей, за вас ведущих речь
О том, что вы-де жизнь старались ей сберечь!
Оракул роковой ей возвестил погибель?
Оракул до конца ль все высказал? Могли бы ль
В убийстве небеса искать свой фимиам?
И кровь невинная ужель сладка богам?
Коль надо покарать в лице семьи Елену,
Пусть Гермionу, дочь ее, пришлют взамену.
И пусть такой ценой — желанную жену
Добудет Менелай, презрев ее вину.
Но что за ярость вас им в жертву обрекает?
За этот грех на вас кто кару налагает?
И мне ли за его безумную любовь
Отдать из чресл моих исторгнутую кровь?
А та, что ревностью смущает всех, — Елена, —
Что вовлекла теперь в раздоры полвселенной,

Всех этих жертв и войн достойна ли она?
В том, что краснеем мы — то не ее ль вина?
Еще ваш не был брат с ней связан Гимнеем, —
Елена дом отца покинула с Тезеем.
Вы знаете, — не раз Калхас вам говорил, —
Вступив с ней в тайный брак, он ложе с ней делил.
Явилась дочь на свет любви их залогом,
Но скрыла мать ее в уединеньи строгом!
Нет, братская любовь и раненая честь —
Последнее, что вас к тому могло привести.
Но жажда царствовать, наперекор препонам,
Быть двадцати царям грозой и законом,
Держать в руках всю власть, доверенную вам, —
Вот в жертву дочь каким несете вы богам!
Нет в помыслах у вас — отвести удар кровавый.
Он вам для варварской, знать, пригодится славы.
Вам страшно, как бы власть от вас не взяли прочь,
И на расправу вы отдать спешите дочь,
Стремясь такой ценой навеять страх заране
На всех, кто бы посмел мечтать о вашем сани.
И это — быть отцом? Мой разум онемел,
Лютейшей из измен увидев здесь предел.
О! Жрец безжалостный, толпою окруженный,
Сразит мое дитя рукой вооруженной,
Ей вскрыет грудь, чтоб мог в кровавом сердце взор
Пытаться прочесть небесный приговор.
Я привезла ее счастливой и любимой.
Ужель мне ехать вспять, отчаяньем томимой, —
Одной, и вдоль дорог вдыхать тот аромат
Цветов, что ей к ногам бросали день назад?..
О нет, ее одну не дам я на мученье!
Пусть грекам царь воздаст двойное приношенье!
Что мне почтение, что страх? Свое дитя
Я выпущу из рук, лишь кровью исходя!
Равно безжалостный супруг, как и родитель,
У матери ее вы вырвать захотите ль?

Уйдите, дочь моя; вам должно в этот час
Повиноваться мне теперь в последний раз.

Явление пятое

А г а м е м н о н *(один)*

В ней гнев ответствует печальным ожиданиям.
Вот эти крики, вот! Я ждал их с содроганьем!
О, если бы в тоске, где бродит мысль моя,
Лишь только их одних мог опасаться я!
Ах, если должен я принять закон столь строгий, —
К чему отцовское давать мне сердце, боги?

Явление шестое

А г а м е м н о н, А х и л л

А х и л л

Царь, до моих ушей столь странный слух дошел,
Что веры дать ему возможным я не счел.
Я слышал, — повторить нельзя без содроганья, —
Что повелели дочь вести вы на закланье
И что хотите вы, в себе убив отца,
Ее своей рукой предать ножу жреца;
И будто именем моим вы завладели,
Чтоб в храм ее ввести для этой страшной цели;
Что, мнимым браком нас обоих замая,
На роль постыдную вы обрекли меня.
Что скажете вы мне, о царь? Смущен мой разум...
Молву, что вас срамит, вы не прервете ль разом?

А г а м е м н о н

Я в замыслах своих отчета не даю;
И волю дочь еще не ведает мою.
Она узнает все, когда настанет время.
Я извещу войска и также вас — со всеми.

А х и л л

Мне ведома судьба, что ей присуждена.

А г а м е м н о н

К чему ж вопрос, когда вам ведома она?

А х и л л.

К чему вопрос? О Зевс! Не верил я упорно,
Что можно в лютои признаться этой черной!
Иль думаете вы, что, вам спеша помочь,
Я на своих глазах вам дам зарезать дочь,
Что долг мой, верность, честь способны сделать это?

А г а м е м н о н

С угрозой в голосе вы просите ответа.
Как смели вы забыть, кто я и что терплю?

А х и л л

Как смели оскорбить вы ту, кого люблю?

А г а м е м н о н

Судьба моей семьи — не ваша то забота!
О дочери моей — не вам просить отчета!

Иль не отец уж я? Иль вы — ее супруг?
Иль ей нельзя...

А х и л л

Она ушла из ваших рук.
В обетах, данных мне, нет места переменам;
Пока хоть каплей кровь моя бежит по венам,
Вы мне должны ее, нам судьбы сочетавам...
Обеты ваши — вот основы этих прав!
Не для меня ли вы ее сюда призвали?

А г а м е м н о н

Вините небеса, что крови возжелали,—
Калхаса, Нестора, Улисса, лагерь весь
И брата моего... Вы ж — всех виновней здесь!

А х и л л

Я?

А г а м е м н о н

В жажде покорить азийскую державу
Кто вечно клял богов, от нас сокрывших славу?
Кто, на меня взъярясь за справедливый страх,
Неистовство свое распространил в войсках?
Я предлагал исход, что дал бы ей спасенье;
Вы ж Трои лишь одной искали в ослепленье...
Замкнуть хотел я путь, а вы рвались вперед;
Ступайте ж; смерть ее дорогу отомкнет!

А х и л л

Ужели эту речь терпеть я доле стану?
Вы оскорбление прибавили к обману!
Как? В Трою я желал вступить такой ценой?

Но разве Троя в чем виновна предо мной?
Что, что могло повлечь меня к ее твердыне?
И для кого, не вняв ни матери-богине,
Ни горестным мольбам смятенного отца,
Я предвещенного иду искать конца?
Иль корабли, что брег Скамандра обогнули,
К полям Фессалии причалить бы дерзнули?
Или из Лариссы кто, мою позоря честь,
Жену или сестру мою посмел увести?
На что ж мне сетовать и Трое слать упреки?
Лишь ради вас я шел туда, гордец жестокий,
Кому один лишь я не должен ничего,
В ком я признал вождя всех войск и — своего;
Я Лесбос из-за вас предал огню и мести,
Пока еще войска не собрались на мести.
Какая цель смогла нас всех объединить?
Не та ль, чтоб мужу вновь Елену возвратить?
Так думаете ль вы, что мыслимо Ахилла
Спокойно разлучить с его супругой милой?
Иль брату вашему лишь и доступна месть
За тягостный позор, за раненую честь?
Мне ваша дочь мила, я счастлив был ответом
И лишь ее молил я внять моим обетам.
Не Менелаю, нет, но только ей одной
Обещаны суда, войска, оружие мной.
Пусть мчится он вослед своей жены преступной
Пусть ищет тех побед, что только мне доступны.
К чему Елена мне, Парис и царь Приам? —
Я лишь за вашу дочь войне себя отдам.

А г а м е м н о н

Тогда в Фессалию скорей вернитесь снова!
От вами данного я разрешу вас слова.
Другие захотят покорность мне принести
Для лавров тех, что вы могли бы приобрести.

И доблестью судьбу переборов упорной,
 Дождутся, чтоб сошел к троянцам день их черный...
 По дерзостным речам не трудно мне судить,
 Чем должен я за блеск таких услуг платить.
 Иль стали вы страны вершитель полновластный?
 Послушать вас — так сан дарован мне напрасно!
 Вы ждете, в гордости своей, чтоб все кругом,
 Сгибаясь и дрожа, под вашим шли ярмом.
 Упрек за помощь нам — не то же ль оскорбленье?
 Пусть будет мощь — слабей, сильней — повиненье!
 Ступайте! — Ваш пустой мне гнев не страшен, царь, —
 Днесь рву все узы я, что нас связали встарь.

А х и л л

Лишь эти узы гнев во мне еще сдержали:
 Вы — Ифигении отец, вы жизнь ей дали.
 Иначе б вождь царей, — не будь он ей отцом, —
 За эту речь своим мне заплатил концом.
 Я стану защищать и разум, и по праву
 Жизнь вашей дочери, и собственную славу.
 И чтобы поразить намеченную грудь,
 Придется для ножа избрать вам этот путь!

Явление седьмое

А г а м е м н о н (один)

Вот, что ее теперь сгубило безвозвратно;
 Одна она была опасней мне стократно.
 Гордыней наглою меня не утратить!
 Ускорил ты удар, что думал отвратить.
 На зло вмешательству, оставим все сомненья:
 Затронутая честь определит решенье.

Угрозами придал мне мужества Ахилл.
Он жалость бы мою испугом объяснил.
Эй! Стража!

Явление восьмое

Агамемнон, Еврибат, стража

Еврибат

Государь?

Агамемнон

О, как мне быть? Ужели
Кровавый тот приказ отдам я в самом деле?
Злодей! Кому готов ты эту битву дать?
Кто враг, которого ты так спешишь предать?
Мать будет там со мной неустрашимо биться,
Чтоб кровь ее не смог отнять детоубийца;
И войны, ту жизнь мне вопреки щадя,
В объятьях матери не тронут дочь вождя.
Пусть нам Ахилл грозит, пусть сыплет оскорбленья,
Но дочь моя полна передо мной смиренья.
Она не сетует, стелая и дрожа,
Не тщится избежать внесенного ножа.
О жар кощунственный! Где смысл в подобном слове?
Чего от дочери хочу, ей смерть готова?
Каких же лавров честь, венец каких наград,
В обмен за эту кровь принять я был бы рад?
Нет, умолю богов смягчить закон их строгий...
Но не жесточе ль я к себе, чем сами боги?
Ах, это свыше сил! Пусть побеждает кровь!
Законной жалости не постыжусь я вновь...
Пусть дочь живет! Но нет... Я ль, пренебрегши славой,

Позволю, чтоб Ахилл кичился величаво?
 В нем гордость дерзкую вдвойне б я укрепил:
 Он счел бы, что пред ним я в страхе отступил.
 Так что ж? Безделица мне разум возмутила;
 Смирю я иначе дерзание Ахилла:
 Пускай по дочери тоской любовных мук
 Томится он, — другой ей будет дан супруг!
 Скажите, Еврибат, царице, чтоб с царевной
 Без страха шла сюда.

Явление девятое

Агамемнон, стража

Агамемнон

Коль ваша воля гневно,
 О боги, дочь мою решила все ж отнять, —
 Возможно ль смертному ту жертву отстоять?
 Моя любовь ей шлет не помощь, а тревоги, —
 Я знаю. Но увы! Такая жертва, боги,
 Не стоит ли того, чтоб страшный свой приказ
 Вы подтвердили мне еще повторный раз?

Явление десятое

Агамемнон, Клитемнестра, Ифигения,
Эрифилла, Еврибат, Дорида

Агамемнон

Царица, поспешим: я дочь вам возвращаю.
 Спасайте жизнь ее, — я вам ее вручаю.
 От этих страшных мест спешите прочь тотчас.

Вас стража проведет, с ней во главе — Аркас.
Он мной прощен за ту счастливую строптивость;
Но тайна нам теперь нужна и молчаливость.
Улисс, как и Калхас, еще пока молчат:
Не дайте, чтоб проник в ваш замысел их взгляд,
И скройте дочь. В войска должны проникнуть вести,
Что вы уехали, — она же здесь, на месте.
Пусть боги, скорбь мою приняв как дань за дочь,
Надолго от меня ее сокроют прочь!
Ступайте! Стража, в путь!

К л и т е м н е с т р а

О царь!

И ф и г е н и я

Отец мой милый!

А г а м е м н о н

Спешите ж, говорю, чтоб вас не упредило
Калхаса рвение; я ж перед ним предлог
Найду достаточный, чтоб дать вам лишний срок;
Заставлю я его отсрочить праздник жуткий,
И принести мне в дар оставшиеся сутки.

Явление одиннадцатое

Э р и ф и л а, Д о р и д а

Э р и ф и л а

Дорида, мы пойдем, но не за ними вслед.

Д о р и д а

Как, не за ними?

Э р и ф и л а

Ах! Смиряться силы нет!
Во мне готов ответ на холодность Ахилла,
Не все ненависть мне душу возмутила...
Иль я погибну, иль должна ее сгубить.
Довольно слов, — спешим Калхасу все открыть!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

И ф и г е н и я, Э г и н а

И ф и г е н и я

Останься с матерью. Не преграждай дороги,
Эгина! Надобно, чтоб гнев смягчили боги.
Мы кровь злосчастную у них хотим украсть,—
Какой же гром на нас готов за это пасть!
Ты видишь матери моей изнеможенье?
Побег наш эллинов приводит в возмущенье.
С какою дерзостью они, пугая нас,
Вращали дротики у самых наших глаз!
Отряд рассеян наш, лишилась чувств царица...
Довольно горя ей! Дай от нее мне скрыться,
Покуда чувства в ней не ожили опять...
Она не в силах мне свою защиту дать.
Ах, даже мой отец, мне смерти не желая,
Велел, чтоб на алтарь была возведена я.

Э г и н а

Возможно ль? Он! Но что произошло?

И ф и г е н и я

Ахилл

В горячности царя, как видно, оскорбил.

Царь хочет, чтоб к нему я ненависть питала...
Из уст Аркаса я приказ его узнала.
Любовный пламень мой на жертву обречен,
С Ахиллом видеться мне запрещает он.

Э г и н а

Как!

И ф и г е н и я

О безжалостность! О приговор суровый!
Нет! Боги, вы — добрей! Вы жизнь лишь взять готовы!
Умру ж, покорная... Но что я вижу? Как?
Ахилл!

Явление второе

А х и л л, И ф и г е н и я

А х и л л

Царевна, прочь направим вместе шаг.
Пусть не пугает вас бессильный вопль народа,
Что обступил толпой здесь мой шатер у входа.
Явитесь им: не дав мне занести меча,
Отхлынут волны те пред вами, клокоча...
На помощь нам спешит Патрокл, ведя отборный
Цвет фессалийских войск, чтоб в бой вступить упорный.
А те, что здесь со мной, под знаменем моим,—
Они для вас оплот, и он неодолим.
На ваших недругов восстанет эта сила,
Пусть лишь посмеют вас искать в шатре Ахилла!
Царевна! Эту ль ждать от вас я помощь мог?
Ответом вашим мне горячих слез поток?

Таким оружием вам не отогнать угрозы;
Спешим, — ведь ваш отец уж видел эти слезы!

И ф и г е н и я

Я знаю — у меня надежда лишь одна:
Тот роковой удар, что я принять должна!

А х и л л

Вам — умереть! Пора покончить речь об этом!
Забыли ль вы, каким мы связаны обетом?
Довольно лишних слов, и помните одно:
Все счастье мое лишь в вас заключено.

И ф и г е н и я

С несчастною моей судьбой, поверьте, — в небе
Не связан, государь, блистательный ваш жребий.
Желанья наши нас обманывали: рок
За вашу славу жизнь мою берет в залог.
Подумайте же, царь, о том, что эту славу
Рукою доблестной пожнете вы по праву
И что не принесет судьба побед для вас,
Коль кровь моя алтарь не оросит сейчас.
Такое до отца дошло решение свыше...
Отец его отверг, угроз жреца не слыша,
Но волей войск, мою потребовавших кровь,
Закон бессмертный их себя явил нам вновь.
Прощайте; я и вам несу урон без меры;
Оракулам своим не придавайте веры;
Пусть снова Греция героя обретет,
И в мести ваша боль найдет себе исход.
Уж побледнел Приам, и Троя в содроганьи
Ждет моего костра и вашего рыданья...
Пускай же в пустоте разрушенных домов

*

Оплачет смерть мою толпа троянских вдов.
 Мне эта мысль дает кончину без испуга.
 Пусть мне не довелось Ахиллу стать подругой,
 Но верю, буду я в иные времена
 К Ахилла подвигам молвой приобщена!
 И смерть моя, в веках — источник вашей славы,
 Откроет первый стих поэмы величавой.
 Живите же, о царь, достойный сын богов!

А х и л л

О нет, я не приму прощальных ваших слов.
 Напрасно ваша речь с безжалостным искусством,
 Чтоб угодить отцу, моим играет чувством
 И ищет мне внушить, зовя мою же честь,
 Что должен вашу смерть желанной я почесть:
 Победы, и венки, и почести — поверьте! —
 Я обрету легко, избавив вас от смерти;
 Но кто захочет взять в союзники мой меч,
 Коль не сумею я невесте жизнь сберечь?
 Она нужна моей и гордости и чести!..
 Итак, доверьтесь им, и удалимся вместе.

И ф и г е н и я

Как? Мне осмелиться против отца восстать
 И, отвращая смерть,— достойной смерти стать?
 Где уважение и где тот долг бесспорный!..

А х и л л

Но за супругом вслед пошли бы вы покорно,
 Который им же дан?.. Иль отнят им тот сан?
 Иль клятвы он дает, чтоб лишь ввести в обман?
 Иль вам, которой долг владеет непреклонно,
 Отцом он не был в час, когда сулил мне в жены?

Иль вы торопитесь исполнить тот приказ,
Что отдал он, когда не стал отцом для вас?
Но слишком медлим мы, царевна! Я в тревоге...

И ф и г е н и я

Ужель к насилью вы прибегнете? О боги!
Я вижу, вас страстей объял преступный жар!
Вы новый для меня готовите удар.
Не честь моя, а жизнь, я вижу, вам отрада...
О, Ифигении той помощи не надо!
Я чту иной закон, ему я предана,
И даже слушать вас — уж для меня вина.
Не закрепляйте ж власть победою неправой,
Не то своей рукой, для собственной же славы,
Сумею смертью я избавиться тотчас
От помощи, что мне нельзя принять от вас.

А х и л л

Ну что ж, пусть будет так! Спешите же скорее
Со смертью встретиться, коль вам она милее.
В таком стремлении читаю я вполне
Не долг перед отцом, но ненависть ко мне.
Я чувствую — душа объята страстью гневной.
Спешите вы под нож? — Я вслед бегу, царевна!
Коль жаждет мертвецов и крови сонм богов, —
Ал будет жертвенник, как не был от веков.
Пускай мой правый гнев им нанесет удары,
И первой жертвой жрец падет от гневной кары;
Костер, разрушенный и сокрушенный мной,
Всплывет в крови убийц, размыт ее волной;
И если в ужасе всеобщего крушенья
Падет и ваш отец, — дочернего почтения
Печальный плод узрев перед собой, — увы!
Узнайте же удар, что направляли вы!

И ф и г е н и я

О царь! Безжалостный! Бежит он? Так приди ты,
 Мне смерть несущий! Вот — рази! Я — без защиты...
 Ударь с небес, убей меня и ужас мой,
 Метни стрелу свою и дай мне пасть — одной.

Явление третье

К л и т е м н е с т р а, И ф и г е н и я, Е в р и б а т, Э г и н а,
 с т р а ж а

К л и т е м н е с т р а

Так! Выйду защищать ее от войск одна я.
 Вы все нас предали, несчастье наше зная.

Е в р и б а т

Нет, государыня, отдайте лишь приказ,
 И отдадим мы жизнь, здесь защищая вас.
 Но что мы сделаем столь слабыми руками?
 Кто вас спасет в борьбе со столькими врагами?
 Нам угрожает бой не с жалкою толпой,
 Но с войском, ревностью охваченным слепой;
 Калхас один царит, и с ним — жестокосердье:
 Лишь жертвы требует суровое усердие.
 Уж видит царь, как власть из рук его бежит,
 Потоку уступить не он ли сам велит?
 Ахилл, что страшен всем, и тот грозе всевластной
 Отвагой бы своей противостоял напрасно.
 Что может сделать он? И кто б рассеять мог
 Готовый все снести враждующий поток?

К л и т е м н е с т р а

Так пусть же ревностью кощунственной пылая,
 Они прервут мне жизнь! Достаточно жила я!

Смерть, только смерть одна порвет сплетенья пут,
 Что эти руки днесь обеим нам несут!
 Моя душа скорей от тела отделится,
 Чем соглашусь на то... Ах! Дочь моя...

И ф и г е н и я

Царица!

Под сумрачной звездой я рождена на свет,
 Нежнейших ваших ласк несчастливый предмет...
 Увы, не в силах вы злосчастью стать преградой,—
 С богами и людьми вступить в борьбу вам надо!
 Слепой толпе на вас дадите ль вы напасть?
 Как? В лагере, презрев супружескую власть
 И удержать меня стремясь одна упорно,
 Вы, воинами прочь влекомая позорно,
 Дадите мне узреть (усилий жалкий плод!)
 То, перед чем мне смерть — блаженнейший исход?
 Идите: пусть войска свое закончат дело.
 Бегите прочь навек от этого предела;
 В чрезмерной близости отсюда мой костер,
 И пламя знойное вам опалило б взор.
 Но заклинаю вас я вашей всей любовью:
 Отца вовек моей не попрекайте кровью.

К л и т е м н е с т р а

Он, ваше сердце в дар принесший, дабы жрец...

И ф и г е н и я

Чтоб вам меня вернуть, на все ль не шел отец?

К л и т е м н е с т р а

Увы! он предал вас...

И ф и г е н и я

Так боги приказали.

Я возвращаюсь к тем, что жизнь мне даровали.
 Но смерть моя не все с собою унесет, —
 Другой останется любви вашей плод:
 Меня увидите вы в облике Ореста...
 Пусть счастливо близ вас мое займет он место.
 Вы слышите толпы нетерпеливой крик?
 Так дайте же мне к вам припасть в последний миг.
 Всю доблестьность в себе, все силы соберите...
 К Калхасу, Эврибат, теперь меня ведите!

Явление четвертое

Клитемнестра, Эгина, стража

К л и т е м н е с т р а

Как? Вам идти одной? Нет! Мне ли не дерзнуть...
 Но толпами они мне преграждают путь!
 Так утолите же вы голод свой кровавый!..

Э г и н а

Что делаете вы, царица? Ах, куда вы?

К л и т е м н е с т р а

Увы! Бесплодно я теряю столько сил!
 Опять смятенья жар мне душу охватил...
 Ах, гибнуть столько раз, все жизнь не покидая!

Э г и н а

Царица, знаете ль, кто предал вас, какая
 Змея-убийца к вам успела проскользнуть,

Чтоб Ифигении ее укрыла грудь?
Вы привезли ее с собою: Эрифила
Одна всем эллинам про ваш побег открыла.

К л и т е м н е с т р а

Чудовище! Какой Мегерой рождена,
Из ада брошена в объятия к нам она?
О нет, ты не умрешь!.. Стмстить за преступление...
Какая жертва даст мне в муках утоление?
Чтоб греков утопить и их преступный флот,
Ужели, море, ты не вскроешь бездны вод?
И в миг, когда, изгнав из гавани укромной,
Авлида весь их флот извергнет вероломный,
Ужели кораблей не повлекут ко дну
Ветра, что так давно держали их в плену?
А ты, о солнце, ты, что блещешь, пламенея,
Должно признать, что есть наследник у Атрея:
На пир его отца не смело ты взглянуть...
Вернись же в ночь, куда тебе указан путь!
Однако ж, боги, где предел моим мученьям? —
Уже увенчана ужасным украшеньем,
Ножу отцовскому открыла сердце дочь.
Уже в ее крови Калхас... Убийца, прочь!
Вот бог за кровь свою стремится вам гром могучий,
Уже дрожит земля, и пламень бьет из тучи,
Да, бога-мстителя в грозе я слышу глас!..

Явление пятое

К л и т е м н е с т р а, А р к а с, Э г г и н а, с т р а ж а

А р к а с

Царица, это так, там бьется бог за вас!
Ахилл — он ваши все осуществил моления,

Он греков слабое сломил сопротивление...
 Ахилл — у алтаря, и сам Калхас смущен:
 Вновь роковой обряд откладывает он.
 Вкруг вашей дочери друзья Ахилла стали,
 Готовясь за него все силы положить.
 И Агамемнон сам, чтоб чувств не обличить,
 Чтоб не видать убийств, что сердце предвещает,
 Иль слезы скрыть свои,—лицо плащом скрывает.
 Коль он молчит, то вы спешите: ваша речь
 Ахиллу бы могла еще друзей привлечь.
 Он сам, своей рукой, уж кровию залитой,
 Невесту вам вручит, укрыв своей защитой.
 Он отдал мне приказ, чтоб проводил я вас,—
 Не бойтесь...

К л и т е м н е с т р а

О, бежим! Я не боюсь, Аркас.
 Опасность злейшую я встречу без тревоги,
 Я все превозмогу... Но вот Улисс... О боги!
 Аркас, все кончено! Он здесь! Она мертва...

Явление шестое

У л и с с, К л и т е м н е с т р а, А р к а с, Э г и н а, с т р а ж а

У л и с с

Нет, ваша дочь живет; довольны божества.
 Утештесь! Небо вам ее вернуло снова.

К л и т е м н е с т р а

Жива? Ужель вы мне несете это слово?

У л и с с

Да, я, кто ревностью к словам богов горя,
Против обеих вас ожесточал царя
И к цели вел его без слабости, едино,
Кто вам был стольких слез безжалостной причиной,
Теперь, раз смягчена вражда небесных сил,
Хочу исправить зло, что вам я причинил.

К л и т е м н е с т р а

О дочь моя! О царь! О чудо! Ах, найду ли
Слова? Где боги те, что мне ее вернули?

У л и с с

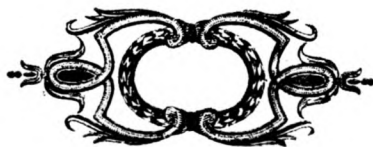
Царица, и меня счастливый этот миг
Восторгом, ужасом и радостью проник.
Столь рокового дня не видела Эллада...
Ведь охватив весь стан, нам божество разлада
Накрыло всем глаза повязкой роковой
И грозный знак дало, чтоб начинался бой.
И видит ваша дочь, в томлении испуга,
Против себя — войска, и за себя — супруга.
Но, хоть один он был перед лицом врагов,
Он повергал их в страх и разобщал богов.
И вот уж тучи стрел взметнулись ввысь над нами,
И, первенцем резни, кровь брызнула струями;
Калхас приблизился меж двух сторон в тот миг;
Торчали волосы его и взор был дик.
Он страшен был; в себе он бога нес вещанье:
«Ахейцы и Ахилл, внемлите мне в молчаньи,—
Сказал он, — бог, что дал глагол моим устам,
Оракул разъяснив, явил свой выбор нам:
Кровь Ифигении другой должны мы ныне,
Елены дочери, пролить у сей святыни.

Елена в юности была увезена
Тезеем, — в тайный брак вступила с ним она,
Дочь родилась у них, ее царица скрыла,
И Ифигении дано ей имя было.
Ее я видел сам и, мрачный чуя рок,
Злосчастье в будущем я дням ее предрек.
Она приведена под именем случайным
К нам яростью своей и гневом рока тайным.
Она нас слышит, зрит, она меж нами тут;
Смотрите же на ту, которой боги ждут!»
Так говорит Калхас. И воины застыли,
Все взоры в ужасе сошлись на Эрифиле.
Она стояла здесь и страшного конца,
Быть может, уж ждала, кляня в душе жреца.
Недавно лагерем она неслась и разом
Побег ваш выдала войскам своим рассказом.
Все родом и судьбой ее восхищены;
Но так как нет другой за Илион цены,
Войска уже гремят кругом согласным хором,
И голос их звучит ей смертным приговором.
И вот уже Калхас заносит нож над ней...
«Прочь, — говорит она, — приблизиться не смей!
Нечистой помощи твоей не принимая,
Пролью героев кровь, мне давших жизнь, сама я!»
Взбегает к алтарю и вот, разъярена,
Схватив священный нож, себя разит она,
И только лишь земля смешалась с кровью алой,
Как небо над толпой, затмясь, загрохотало, —
Блаженным трепетом ветров был воздух полн,
И гулко отвечал им рев взметенных волн,
И берег застонал вдали, белея пеной,
И пламенный костер сам запылал мгновенно...
Сверкая молнией, разверзлось небо вдруг...
Священный каждого из нас потряс испуг.
Один из воинов, стоявших между нами,
Диану увидал, сошедшую во пламя,

И на его глазах вновь взмывши к небесам,
Она внесла с собой мольбы и фимиам.
Все радостно бегут... Лишь вашу дочь в печали
Над умершим врагом в тот миг мы увидали...
Идите же принять ее из рук царя,
Спешите, — жаждою увидеть вас горя,
Ахилл и ваш супруг к высокой дружбе снова
Стремятся, — и она меж них расцвести готова.

К л и т е м н е с т р а

Какой наградою, курением каким
Вас и Ахилла мы, о боги, наградим?

Ф Е Д Р А

P H È D R E
(1677)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот еще одна трагедия, сюжет которой взят у Еврипида. Хотя в развитии действия я шел несколько иным путем, чем этот автор, я не преминул обогатить свою пьесу всем тем, что мне показалось наиболее блестящим в его пьесе. Если бы я не был обязан ему ничем, кроме общей идеи характера Федры, — я мог бы сказать, что обязан ему, быть может, самым мудрым, что я дал на сцене. Меня отнюдь не удивляет, что этот характер имел такой успех во времена Еврипида и что он заслужил такой прекрасный прием еще и в нашем веке, ибо он обладает всеми свойствами, которых Аристотель требует от героя трагедии и которые способны возбуждать сострадание и жалость. В самом деле: Федра — ни вполне виновна, ни вполне невинна: она вовлечена своей судьбой и гневом богов в незаконную страсть, которая ее же первую приводит в ужас; она прилагает все силы, чтоб ее превозмочь; она предпочла бы умереть, чем открыть ее кому бы то ни было. А когда она принуждена ее обнаружить, она говорит о ней со смятением, которое ясно выказывает, что ее преступление есть скорее наказание богов, чем проявление ее воли.

Я даже постарался сделать ее менее отталкивающей, чем в трагедиях древних, где она сама решается

выступить обвинительницей Ипполита. Я считал, что в клевете есть нечто слишком низкое, слишком злодейское, чтоб вложить ее в уста царственной особы, которая во всем прочем наделена чувствами столь благородными и столь добродетельными. Эта низость показалась мне более подобающей кормилице, у которой могли быть более рабские склонности и которая все же выдвигает это ложное обвинение лишь для того, чтоб спасти жизнь и честь госпожи. Федра принимает в этом участие лишь потому, что находится в такой тревоге, которая лишает ее возможности владеть собой; и уже мгновение спустя она готова оправдать невинность и раскрыть истину.

Ипполит обвинен у Еврипида и у Сенеки в том, что он действительно изнасиловал свою мачеху, «овладел ею насильно». Здесь же он обвинен лишь в намерении сделать это. Я хотел освободить Тезея от позора, который мог сделать его менее привлекательным для зрителей.

Что касается образа Ипполита, то я заметил у древних, что Еврипида упрекали за то, что он изобразил его философом, свободным от всякого несовершенства, вследствие чего смерть этого молодого царевича вызвала больше негодования, чем жалости. Я счел нужным дать ему известную слабость, которая делала его в той или иной мере виновным перед отцом, не отнимая вместе с тем того величия души, с каким он щадит честь Федры и приносит себя в жертву, не обвиняя ее. Я называю слабостью страсть, которую он невольно испытывает к Ариции, дочери и сестре смертельных врагов его отца.

Эта Ариция отнюдь не вымышленное мною лицо. Вергилий говорит, что Ипполит, после того как Эскулап его воскресил, женился на ней и имел сына. И я также читал у некоторых авторов, что Ипполит женился и увез в Италию юную афинянку высокого про-

исхождения, которую звали Ариция и которая дала свое имя одному небольшому городку в Италии.

Я привожу эти авторитеты потому, что старался очень тщательно следовать преданию. Я даже следовал истории Тезея, в том самом виде, как она изображена у Плутарха.

Именно у этого историка я нашел, что путешествие Тезея в Эпир, к истокам Ахерона, к царю, у которого Пирифой хотел похитить жену и который задержал Тезея пленником после того, как убил Пирифоя, дало основание думать, что Тезей спустился в преисподнюю, дабы похитить Прозерпину. Таким образом, я старался сохранить правдоподобие истории, не утрачивая ничего из прикрас предания, которое представляло богатую почву для поэтического вдохновения. Слух же о смерти Тезея, основанный на легендарном путешествии, дает Федре возможность открыть свою любовь, которая является одной из главных причин ее несчастья, — чего бы она никогда не осмелилась сделать, если б думала, что ее супруг жив.

Впрочем, я еще не решаюсь утверждать, что эта пьеса действительно лучшая из моих трагедий. Я представляю читателям и времени установить ее подлинную ценность. Я могу утверждать лишь то, что ни в одной из них добродетель не была так ярко выявлена, как в этой; малейшие ошибки в ней сурово наказаны. Даже мысль о преступлении рассматривается как само преступление. Слабости любви почитаются подлинными слабостями; страсти выступают лишь для того, чтоб показать всю разруху, какую они причиняют; и порок нарисован в ней везде такими красками, которые заставляют понять и возненавидеть его безобразие. Такова, собственно, цель, которую должен ставить себе всякий человек, работающий для зрителей, и именно к этому-то прежде всего стремились первые трагические поэты. Их театр был школой, в которой добродетель

*

преподавалась не хуже, чем в школах философов. Недаром Аристотель снизошел до установления правил драматической поэмы; Сократ, самый мудрый из философов, не гнушался приложить руку к трагедиям Еврипида. Следовало бы пожелать, чтоб наши произведения были столь же серьезны и столь же преисполнены полезных наставлений, как произведения этих поэтов. Это послужило бы, может быть, средством примирить с трагедией множество известных своей набожностью и своей нравственной доктриною лиц, которые клеймили ее в последнее время и которые несомненно судили бы о ней более благосклонно, если бы авторы думали о воспитании своих зрителей столько же, сколько об их развлечении, и если бы они следовали в этом истинному назначению трагедии.

Действующие лица

- Тезей — сын Эгея, афинский царь.
Федра — жена Тезея, дочь Миноса и Пасифаи.
Иполит — сын Тезея и Антионы, царицы амазонок.
Ариция — афинская принцесса царского рода.
Энона — кормилица и наперсница Федры.
Терамен — воспитатель Иполита.
Исмена — наперсница Ариции.
Панопя — служанка из свиты Федры.
Стража.

Действие происходит в Трезене, пелопонесском городе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

И п п о л и т, Т е р а м е н

И п п о л и т

Итак, мой Терамен, я брошу эти сени, —
Жить дольше не могу в пленительной Трезене.
Смертельною тоской встревожен все сильней,
Я стал уже краснеть от праздности моей:
Полгода как отца не вижу дорогого,
Не знаю, какова сама судьба отцова,
Не знаю, где он скрыт от взора моего.

Т е р а м е н

Где ж, государь, искать вы станете его?
Не раз сочувствуя тревогам справедливым,
В два моря выходил Коринфским я проливом;
Распрашивая всех, достиг я берегов,
Где льется Ахерон к пределам мертвецов;
Я и в Элиде был, дошел я из Тенара
До моря, зревшего падение Икара.
На что надеетесь? И где счастливый край,
В котором след его найдется невзначай?
Да и желает ли ваш царственный родитель,
Чтоб знали, где его безвестная обитель?

Мы за него дрожим, а может статься, вновь
Беспечно скрыл от нас он новую любовь,
Вновь деву обманул, сам увлеченный ею...

И п п о л и т

Довольно, Терамен: почтение к Тезею!
Ошибкам юности уж не предается он,
Нет больше для него позорящих препон,
И Федра, в нем смирив склонность роковую,
Не затрепещет вновь, что любит он другую.
За ним направлясь, я свой долг смогу свершить
И бросить этот край, где уж не смею жить.

Т е р а м е н

Давно ли, государь, боитесь вы соседства
Приютных этих мест, любимых вами с детства?
Не вы ль их предпочли — была тому пора —
Роскошной суете Афин и их двора?
Опасность гонит вас или печаль какая?

И п п о л и т

Тех дней счастливых нет! Вся ныне жизнь — иная,
С тех пор как боги нам изволили прислать
Ту, чей отец — Минос, и Пасифая — мать.

Т е р а м е н

Я понял: ваших мук причина мне знакома,—
Вам Федра не мила, вам тяжело с нею дома.
Лишь только мачеха к вам обратила взор,
Изгнанья вашего решен был приговор.
Но эта ненависть, внушавшая тревогу,
Исчезла без следа иль стихла понемногу,

И что, в конце концов, могли б вы претерпеть
 От умирающей, решившей умереть?
 Болея, но ни с кем не говоря об этом,
 Томясь сама собой, томима белым светом,
 Что Федра предпринять могла бы против вас?

И п п о л и т

Нет, не ее враждой испуган я сейчас.
 Бежит ваш Ипполит прочь по иной причине:
 Одна Ариция меня смущает ныне —
 Последняя в роду врагов семьи моей!

Т е р а м е н

Царевич, так и вы немилосердны к ней?
 Пусть козни строили вам братья Паллантиды, —
 Их милая сестра в ответе ль за обиды?
 К невинным прелестям ужели гнев питать?

И п п о л и т

Когда б питал я гнев, не стал бы убежать.

Т е р а м е н

Побег ваш объяснить, царевич, разрешите!
 Не позабыли ль вы о прежнем Ипполите,
 О недруге любви, отвергнувшем закон,
 Которому Тезей был часто подчинен?
 Венера, может быть, ваш гнев былой рассея,
 Желает наконец в вас оправдать Тезея?
 И стать с другими в ряд повелевая вам,
 Заставила и вас курить ей фимиам?
 Не влюблены ли вы?

И п п о л и т

О друг мой, как ты смеешь?
Не от младенчества ль меня ты разумеешь?
Скажи, могу ли я, столь горд и нелюдим,
Постыдно изменить суждениям моим?
Свой горделивый нрав сначала я, ребенок,
Всосал от матери из рода амазонок.
Когда ж младенчества я годы обогнал,
Сам похвалил себя, едва себя узнал.
Тогда, привязанный ко мне горячим рвением,
Мне об отце рассказ ты вел с благоговением.
Ты знаешь, как мой ум, внимателен к словам,
От подвигов его воспламенялся сам:
Вот утешает он, герой неустрашимый,
Народ, Геракловым отсутствием томимый;
Вот и чудовищ казнь, разбойников урон, —
Прокруст, и Керкион, и Синнид, и Скирон,
Разъятый на куски гигант из Эпидавра,
И Крит, дымящийся от крови Минотавра!
Когда ж бесславные ты вспоминал дела,
Любовь, что всюду им растрочена была, —
Елены ли увоз в Евровой долине,
Иль Перибей плач на ближнем Саламине,
Всех тех, чьи имена он даже позабыл,
Которых обманул его сердечный пыл,
Иль горе, что скалам вверяла Ариадна,
Иль Федру, чья судьба досель была отрадна, —
Ты знаешь, нехотя я слушал твой рассказ,
Я сократить его упрашивал подчас,
У памяти отнять желая поневоле
Часть недостойную великолепной доли!
Ужель я сам теперь свяжу свои права?
Ужели так меня унижат божества?
Вдыхатель жалостный, тем более презренный,
Что доблестью Тезей оправдан неизменной,

Что не сразившему чудовищ никаких,
 Нет оправданья мне в падениях моих!
 Но если подавить и гордость я сумею,
 К Ариции ль пойду, вдруг побежденный ею?
 Как мог бы я забыть, рассудком не смутясь,
 Что нам запрещена супружеская связь?
 Ей воспретил Тезей под тягостным проклятьем
 Дарить племянников ее почившим братьям.
 Порочного ствола его страшит побег, —
 С ней хочет схоронить он имя их навек,
 Чтоб не ушла она из-под его опеки
 И брачных факелов не видела вовеки.
 Вступать ли в распрю мне с разгневанным отцом?
 Мне ль непокорности явиться образцом?
 И молодость пустив любви безумной морем...

Т е р а м е н

Час, государь, придет — и мы уже не спорим,
 Все наши доводы невняты небесам.
 Родитель ваш глаза вам открывает сам,
 И, видя гнев его, вы с непокорным жаром
 В прелестном недруге дивитесь новым чарам.
 Чем, наконец, любовь невинная страшна?
 Как не вкусить ее, коль сладостна она?
 В вас отвращенье к ней еще ли не иссякло?
 Ужель заблудимся мы на путях Геракла?
 О, кто из храбрецов не знал Венеры благ?
 Где были б сами вы, ее жестокий враг,
 Когда бы ваша мать, не дружествуя с нею,
 Стыдливым пламенем не рдела бы к Тезею?
 Но речи пышные — к чему теперь они?
 Признайтесь: вы не тот! Последние все дни
 Вы не являетесь нам, гордо и сурово
 На колеснице мчась вдоль берега морского,
 И туго взнузданный, — как изобрел Нептун, —

Вас необъезженный не радует скакун.
Без ваших возгласов безмолвны лес и горы;
Вам пламя тайное отягощает взоры.
Итак, вы любите, горите вы, мой друг,
Вы погибаете, скрывая свой недуг!
Ужель Ариция отпразднует победу?

И п п о л и т

Пора, мой Терамен, — отца искать я еду.

Т е р а м е н

Вы повидаете ли Федру до пути,
Мой государь?

И п п о л и т

О, да, — царицу извести!
Готов проститься я, как должно по закону.
Но почему в слезах я вижу вновь Энону?

Явление второе

И п п о л и т, Э н о н а, Т е р а м е н

Э н о н а

Увы! какая скорбь сравнивается с моей!
Царица подошла к концу печальных дней!
За ней напрасно я слежу и днем и ночью, —
Скрывая свой недуг, она горит воочью.
Смятенье вечное царит в ее уме,
Тоска с постели прочь стремится ее во тьме;
Ей хочется на свет, — но, видя эти муки,

Со всеми я должна держать ее в разлуке.
Но вот она!

И п п о л и т

Уйду, оставлю здесь ее,
Раз ненавистно ей само лицо мое.

Явление третье

Ф е д р а, Э н о н а

Ф е д р а

Здесь остановимся, Энона, дорогая!
Нет сил; я падаю, совсем изнемогая.
Мои глаза слепит вновь обретенный свет,
В дрожащих гóлениях повиненья нет.
Увы!

(Садится.)

Э н о н а

Хоть стали б вы от наших слез здоровы!

Ф е д р а

Как тяготят меня уборы и покровы!
Непрощенной рукой кто над моим челом
Собрал мне волосы изысканным узлом?
Все в заговоре, все томит и жить мешает.

Э н о н а

Одна ее мечта другую разрушает!
Вы сами, осудив от радостей отказ,

Приказывали нам рядить пышнее вас;
Вы сами, прежние собравши силы снова,
Решили перестать бежать луча дневного.
Вот он, о госпожа! Но устремляясь в тень,
Вы ненавидите желанный вами день.

Ф е д р а

Сияющий отец, чье скорбно поколение,
Кем матери моей возвышено рождение,
Быть может, за меня краснеющий сейчас,
О солнце, на тебя смотрю в последний раз!

Э н о н а

Как? Не оставлено жестокое желанье?
Еще ль вы, отрешась от нег существованья,
Для часа смертного готовите красу?

Ф е д р а

О боги! Почему не в темном я лесу?
Когда же вновь смогу за пылью благородной
Глазами провожать колес пробег свободный!

Э н о н а

Как?

Ф е д р а

О безумная! Где я? Твержу о чем?
Где заблудилась я мечтательным умом?
Ума лишилась я. Его затмили боги.
Энона, мне лицо залил огонь тревоги.
Я слишком пред тобой раскрыла свой позор,
И сколько ни борюсь, слезою полон взор.

Э н о н а

Уж если вам краснеть — краснейте за молчанье,
 Которым вы свое удвоили страданье;
 Вам, чуждой наших ласк, глухой ко всем словам, —
 Дней торопить конец ужели сладко вам?
 Что за безумие их прерывать жестоко?
 Что за навет иль яд их сушит у истока?
 На небо трижды уж ложилась тень ночей,
 Но не могли сомкнуть бессонных вы очей.
 И зори трижды уж ночную тьму сменили
 С тех пор, как пищу вы упорно отклонили.
 Какой ужасной вы мечтой искушены?
 Над жизнью вы своей по праву ли вольны?
 Вы оскорбляете богов произвольею!
 Вы изменяете супругу в ослепленьи!
 Вы изменяете потомству своему,
 Обрекши и детей жестокому ярму.
 В тот день, когда их мать из жизни удалится,
 Вмиг иноземки сын надеждой окрылится,
 Ваш горделивый враг, враг рода и двора,
 Тот амазонки сын, рожденный из бедра,
 Тот Ипполит...

Ф е д р а

Мой бог!

Э н о н а

Иль я вас упрекнула?

Ф е д р а

Несчастная! Зачем ты имя помянула?

Э н о н а

Я рада: этот гнев зажегся поделом.
Да, вы трепещете при имени одном.
Живите ж! И любовь и долг — вам поощренье.
Живите! Полускиф, сгорая жаждой мщенья,
Для царственных детей да не скует оков,
Смирив кровь лучшую Эллады и богов!
Но лишь не медлите! Вам каждый миг опасен.
Пусть лик угрюмый ваш как прежде станет ясен,
Доколе светоч дней не до конца угас
И может, оживясь, вновь разгореться в вас.

Ф е д р а

О, дни постыдные и так уж слишком длинны!

Э н о н а

Чем вы терзаетесь? И в чем вы столь повинны?
Какой тяжелый грех причиной этих мук?
Невинной кровью вы не обагрили рук?

Ф е д р а

Нет, слава небесам, в том руки не виновны.
О, если б были так и мысли безгреховны!

Э н о н а

Какие страшные таите вы дела,
Чтоб ими вся душа возмущена была?

Ф е д р а

Довольно сказано! Избавь от остального.
Умру, чтоб избежать признанья рокового!

Э н о н а

Умрите ж, истину безжалостно тая,
Но веки вам закрыть приду тогда не я.
Хоть жизнь уже едва в вас теплится, — поверьте,
Энона первая сойдет в обитель смерти.
К ней тысячи путей нас могут привести,
И по кратчайшему решила я идти.
Жестокая! Иль я усердствовала мало?
Новорожденную не я ль вас принимала?
Для вас я бросила семью, отчизну, все, —
И так награждено усердие мое?

Ф е д р а

На что надеешься, так действуя сурово?
Вся содрогнешься ты от первого же слова.

Э н о н а

Но что могло бы мне внушить сильнее страх,
Чем то, что гибнете вы на моих глазах?

Ф е д р а

Тебе поведав гнет моей судьбы проклятой,
Я все равно умру — но вдвое виноватой!

Э н о н а

Во имя слез моих, пролитых из-за вас,
И трепетных колен, мной обнятых сейчас,
С меня снимите груз сомненья слишком злого.

Ф е д р а

Ты хочешь? Подымись!

Э н о н а

Я слушать вас готова.

Ф е д р а

О небо, что скажу? В каких начну словах?

Э н о н а

Обиден для меня напрасный этот страх.

Ф е д р а

О ты, Венеры гнев! О злоба роковая!
Как мать моя в любви металася, блуждая!

Э н о н а

Забудем ту любовь. На вечны времена
Пускай молчанием покроется она.

Ф е д р а

О Ариадна! Там, в каком любовном горе,
Сестра, скончалась ты, покинутая, в море?

Э н о н а

Что с вами, госпожа? И от каких невзгод
Возненавидели вы царственный свой род?

Ф е д р а

На то Венеры власть, — из всей семьи ужасной
Последней гибну я, и самую несчастной.

ФЕДРА

Э н о н а

Вы любите?

Ф е д р а

Любви неистовством горю.

Э н о н а

К кому?

Ф е д р а

Ужасное сейчас проговорю...
Люблю... При имени его дрожу, немею...
Люблю...

Э н о н а

Но кто же он?

Ф е д р а

Царевич... я не смею...
Той амазонки сын, кого я так гнала.

Э н о н а

О боги! Ипполит?

Ф е д р а

Ты имя назвала!

Э н о н а

О небо! Стынет кровь! Зачем бежало время?
О горе нам! О грех! О роковое племя!
Прибытье мрачное! Предел, враждебный нам!
Зачем пристали мы к коварным берегам?

Ф е д р а

Старее мой недуг. Едва лишь сын Эгея
С собой меня связал цепями Гименея, —
Казалось, я нашла и счастье и покой, —
Мне был Афинами показан недруг мой.
Увидела его; зарделась, побледнела;
Потерянной душой смущенье овладело.
Ваор видеть перестал, уста мои свело,
Все тело бедное знобило мне и жгло.
Венеры грозный пыл уже я различала —
Неотвратимых мук в крови моей начало.
Стараясь отвратить богини торжество,
Ей храм построила, украсила его,
И, жертвами себя всечасно окружая,
Молилась, разум свой вернуть воображая.
Лекарство жалкое для гибельных страстей!
Напрасно фимиам я жгла у алтарей!
Когда мои уста стремились к богине,
В душе был — Ипполит. У ступеней святыни
Всем жертвовала я, всем богу одному;
Не смея называть, молилась лишь ему.
Его бежала я. Отчаяние снова!
Его встречала я в чертах лица отца.
И наконец сама восстала на себя
И начала его преследовать, любя.
Чтобы изгнать его, мне бывшего кумиром,
Я злою мачехой прикинулась пред миром.
Я торопила срок, стеная без конца;
Его отторгла я от отчего лица.
Тогда вздохнула я, и с ним в разлуке длинной
Дням возмущившимся вернулся ход невинный.
Я, мужу покорясь, скрывая сердца гнет,
Гимена мрачного выращивала плод.
О меры тщетные! О рок немилосердный!
С собой в Трезену взял меня супруг усердный,

*

Врага-изгнанника увидела я вновь.
 И снова потекла из свежей раны кровь.
 Уже не тайный пыл мое смущает тело, —
 Венера целиком добычей завладела.
 И ныне грех меня недаром устранил.
 Мне ненавистна жизнь, ужасен сердца пыл.
 Я призывала смерть, о доброй помня славе,
 Я знала — страсти той я выказать не в праве.
 Но не могла снести я плач твой и порыв,
 Тебе раскрыла все — и счастлива, раскрыв.
 Но о моем конце печалюсь недалеко,
 Не огорчай меня неправым ты упреком
 И брось надеяться, что от твоих забот
 Жар погасающий нежданно оживет.

Явление четвертое

Федра, Энона, Панопа

Панопа

Хоть горько приходит мне с вестью роковою
 К вам, государыня, но все же ее не скрою:
 Похищен смертью ваш всеильнейший супруг,
 И, кроме вас одной, то знают все вокруг.

Энона

Панопа! Правда ли?

Панопа

Надежды не имея,
 Царица молится напрасно за Тезея,

А в порт вошедшие сегодня корабли
И Ипполиту весть о горе привезли.

Ф е д р а

Увы!

П а н о п а

И предстоит царя избрать Афинам.
Часть избирателей идет за вашим сыном,
Другая ж — ваших прав не помнящий народ —
Отродью варварки свой голос отдает;
Иные ж зреть хотят, в порыве буйной страсти,
В лице Ариции Паллантов род у власти.
Считала я, что вас предупредить должна.
В путь едет Ипполит, — но мысль о том страшна,
Что если явится он в этой буре новой,
То увлечет народ, всегда на все готовый.

Э н о н а

Панопя, перестань! Царица поняла
И вникнет разумом в те важные дела.

Явление пятое

Ф е д р а, Э н о н а

Э н о н а

Царица, я в борьбе уже теряла силу,
За вами следовать готовилась в могилу,
Едва отодвигать могла я страшный час, —
Но горе новое обязывает нас.
Ваш рок меняется, — о долге не забудьте!

Нет более царя, — ему заменой будьте!
Царь умер, но у вас его остался сын.
Без вас — невольник он, при вас он — господин.
В несчастья на кого он опираться станет?
Никто ему руки с приветом не протянет,
И стон невинности, до неба долетев,
На мать ожесточит высоких предков гнев.
Живите, не томясь упреком сокровенным:
Стал ныне ваш огонь огнем обыкновенным.
Тезея нет в живых, и уз не стало тех,
Которые одни рождали стыд и грех.
Теперь уж Ипполит для вас не столь опасен,
Уже при встречах с ним и самый стыд напрасен,
Его в недружестве вторично убедя,
Восстанью, может быть, вы дали бы вождя...
Склоните ж храбреца, явите перемену.
Страны счастливый царь, получит он Трезену,
Но знает сам: ваш сын наследует один
Твердыню гордую Минервиных Афин.
Есть общий враг у нас, к нему законна злоба, —
В борьбе с Арицией соединитесь оба.

Ф е д р а

Ну что же! Я склонна советам уступить.
Жить буду, если жизнь возможно возвратить.
Пусть материнский долг мне в этот миг тревожный
Поможет оживить остаток сил ничтожный.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Ариция, Исмена

Ариция

Как? Хочет Ипполит ко мне сюда придти?
Мне хочет Ипполит сказать свое прости?
Исмена, правда ли? И каковы причины?

Исмена

В том вижу следствие Тезеевой кончины.
Готовьтесь, госпожа, что будут без конца
Им отстраненные к вам прибегать сердца.
Арицию теперь судьба уж не обидит,
Она у ног своих всю Грецию увидит!

Ариция

Так эти слухи — плод не праздных языков?
Я больше не раба, и нет уже врагов?

Исмена

К вам добры небеса — поверьте перемене!
Тезей сошел туда, где ваших братьев тени.

А р и ц и я

Но жизнь мятежная чем прервана была?

И с м е н а

Невероятные передают дела:
 Как будто новая любовница причиной,
 Что похититель сам был поглощен пучиной;
 Что даже — и о том повсюду говорят —
 За Пирифоем он спускался в самый ад
 И видел темные прибрежия Коцита,
 Живым среди теней явившись нарочито,
 Но кинуть уж не мог предел печальный тот,
 Откуда уж никто назад не приплывет.

А р и ц и я

Могу ль поверить я, чтобы надземный житель
 Увидел мертвецов глубокую обитель?
 Что повлекло его к ужасным берегам?

И с м е н а

Тезея нет — пора не сомневаться вам.
 Афины вопиют, Трезена же открыто
 Уже своим царем признала Ипполита;
 А Федра во дворце, за первенца боясь,
 С друзьями верными советом занялась.

А р и ц и я

Ты думаешь, со мной он будет человекен
 И более при нем мой жребий обеспечен?
 Он снимет цепь с меня?

И с м е н а

Свободу все сулит.

А р и ц и я

Тебе бесчувственный знаком ли Ипполит?
Ужель надеешься, чтоб захотел надменный
Во мне уважить пол, доселе им презренный?
Ты видишь — с нами встреч бежит он всякий раз.
Бывая только там, где не бывает нас.

И с м е н а

О холоде его я слышала немало,
Но гордеца при вас однажды увидала,
И тотчас толки все, дошедшие извне,
Мне любопытными почудились вдвойне.
Он их не подтверждал и, стоя с вами рядом, —
Я видела, — смущен был каждым вашим взглядом:
Старался всячески он не смотреть на вас,
Но отвести не мог томленья полных глаз.
Признать, что он влюблен, царевичу постыдно,
Но если не в словах, оно во взоре видно.

А р и ц и я

Как жадно я ловлю, Исмена, эту речь,
Хотя бы истиной могла ты пренебречь!
Ужели не странна тебе, моя Исмена,
В безжалостной судьбе такая перемена,
Что сердце, тяжкое от горечи потерь,
Безумных мук любви отведает теперь?
Дочь славного царя, что Землю звал родимой,
Одна из бед войны я вышла невредимой.
В расцвете юных сил погибли все мои

Шесть братьев — чайные блистательной семьи.
Мечом все скошено, и почва, багровея,
Кровь нехотя пила потомков Эрехтея.
Когда же умерли, закон с того же дня
Всем грекам воспретил оплакивать меня,
Боясь, чтобы сестра для дела не окрепла
И братьев воскресить не вздумала из пепла.
Как презирала я Тезея торжество
И подозрительность самих забот его!
Ты помнишь, как, любовь упорно отвергая,
Царю неправому признательна была я,
Что был пособником он гордого стыда;
Тогда... царевича не знала я тогда!
Не то, чтобы глаза со слабостью презренной
Пленились лишь красой и ловкостью отменной,
Тем, что даровано природою самой,
Что презирает он, не обольщен собой;
Люблю в нем и ценю я лучшие основы —
Отцовы доблести, не слабости отцовы!
Люблю я, признаюсь, вольнолюбивый нрав,
Венеры никогда не признававший прав.
Тезеева любовь для Федры пусть отрада!
Я более горда — вниманий мне не надо
Всем расточаемых, доступных без труда,
Не надо сердца, всем открытого всегда.
Но необорное перебороть упорство,
Души бесчувственной завоевать покорство,
Цепями пленника сковать, и удивить,
И сладостным ярмом строптивость подавить —
Вот что мне нравится, такой исход мне нужен!
Был легче даже сам Геракл обезоружен,
И побежден скорей, и чаще подчинен, —
Взор покоряющий не столь прославил он.
Но, милая, — увы! — какое ослепленье!
Я знаю, встречу в нем одно сопротивление!
Смирренная тоской, быть может, буду я

Стенать пред гордостью, пленяющей меня.
 Чтоб Ипполит любил! Какими чудесами
 Могу склонить его?

И с м е н а

Услышите все сами.

Вот он:

Явление второе

И п п о л и т, А р и ц и я, И с м е н а

И п п о л и т

Сударыня, я раньше, чем отбыть,
 О вашем жребии хочу вас известить.
 Скончался мой отец. Предвидел я неложно,
 Я не ошибся в том, что было мне тревожно:
 Лишь смерть, прервавшая блестящие труды,
 Могла так длительно скрывать его следы.
 Отослан парками к обители Аида
 Он, сотоварищ, друг, преемник дел Алкида.
 О, ваша ненависть без горечи должна
 Его достойные услышать имена.
 Тоска смягчается во мне надеждой некой:
 Вам более не быть под тягостной опекой.
 Законы строгие для вас отменены, —
 Теперь и сами вы и сердцем вы вольны.
 В Трезене, тут, в моем наследственном уделе,
 Которым со времен Пифея мы владели,
 Где признан я царем от нынешнего дня,
 Свободной будете, свободнее меня.

А р и ц и я

Умерьте доброту, — она меня смущает;
 Ваш доблестный порыв меня не защищает,

И милости — увы! — вдвойне лишь подчинят
Закону строгому, который вами снят.

И п п о л и т

У озабоченной преемником столицы
Вы ныне на устах, и я, и сын царицы.

А р и ц и я

Я, государь?

И п п о л и т

О, да! Собою не пленен,
Я знаю: гордый мне противостоял закон.
Я — иностранки сын; но если б супостата
Имел я одного в лице меньшого брата,
Сударыня, — права у Ипполита есть,
Которыми закон легко ему отвесть.
Уздой законнейшей порыв мой ныне связан:
Я место уступить, — нет! — возвратить обязан.
Я должен вам вернуть тот скипетр родовой
Героя смертного, зачатого Землей.
Усыновлением попал он в длань Эгея;
Афины, пред отцом моим благоговя,
Признали полноту его державных прав,
Ваш несчастливый род забвению предав.
Афины вас зовут опять в свои твердыни.
Пора им отдохнуть от долгой распри ныне,
Пора, чтоб вашу кровь, вспоившую поля,
Не испаряла вновь родная вам Земля.
Трезена мне верна; своим богатством щедря,
Равнины критские покорны сыну Федры.
Но Аттика — для вас. Туда спешу, и там
Афинян голоса все завербую вам,

А р и ц и я

От изумления невольно ум мутится!
Боюсь, почти боюсь, что это сон мне снится.
Иль это явь? Но кто б в нее поверить мог?
Порыв ваш, государь, какой внушил вам бог?
Как повсеместно вы прославились по праву!
И все же истина одолевает славу!
Пожертвовать собой былой вражде в ответ!
Довольно и того, что ненависти нет
В душе, которую умели вы, как вижу,
От гнева уберечь.

И п п о л и т

Я ль вас возненавижу?
И как бы ни был вам мой нрав изображен, —
Я не чудовища утробой порожден!
Чья злоба давняя в душе ожесточенной
Могла б при виде вас остаться не смягченной?
Мне ль обаянию противиться красот...

А р и ц и я

Как, государь?

И п п о л и т

Порыв занес меня вперед.
Но вижу — разум мой насилью послушен;
И если мною долг молчания нарушен,
Продолжу, госпожа, и пусть откроет речь
Вам тайну, что уже не в силах я беречь.
Пред вами — царский сын; он — образец примерный
Того, как жалок путь строптивости чрезмерной.
Я, столь заносчиво восставший на любовь
И пленников ее клеймивший вновь и вновь,

Со скорбью видевший крушения людские,
 Мечтавший с берега волнения зреть морские, —
 Отныне общему закону подчинен.
 Как бурно от себя я вихрем отнесен!
 Неосторожный нрав смирен единым мигом,
 И гордая душа теперь сама под игом.
 Полгода, сам не свой, в постыднейшем пылу,
 В себе самом ношу язвящую стрелу.
 Борюсь напрасно я с сердечными правами.
 Вы здесь — я вас бегу; вас нет — спешу за вами.
 Ваш лик рисуется мне и в глуши лесной,
 И при сиянии дня, и в темноте ночной.
 Бегу от красоты — она во всем разлита,
 Чтоб до конца пленить строптивца Ипполита.
 И вот чего достиг я тщетною борьбой:
 Я сам себя ищу, потерянный собой.
 Все — и копьё, и лук, и колесница — втуне,
 И об наставнике я позабыл Нептуне!
 Одними стопами я полною глубь лесов.
 Мой голос не звучит для праздных скакунов.
 Быть может, госпожа, краснеете вы сами
 За дикую любовь, разбуженную вами?
 Речь слишком грубая для роковых минут!
 Добыча странная для столь прелестных пут!
 Но вы оцените подарок необычный:
 Впервые говорю я речью непривычной.
 К неладно сказанным склонитесь же словам,
 Затем что Ипполит обязан ими — вам.

Явление третье

Ипполит, Ариция, Терамен, Исмена

Терамен

Царица, государь, идет за мною следом
 И ищет вас.

И п п о л и т

Меня?

Т е р а м е н

Да, повод мне неведом, —
Но присылать она изволила сейчас:
Пока еще вы здесь, желает видеть вас.

И п п о л и т

Что Федре я скажу? Какого ждет ответа?

Т е р а м е н

Вам без внимания нельзя оставить это.
Вы ненавистны ей, но все же надо вам
Хоть тень сочувствия явить к ее слезам.

И п п о л и т *(Ариции)*

Так вы уходите, — я тоже уезжаю!
Быть может, оскорбил я то, что обожаю,
Вам сердце пылкое, сударыня, вручив...

А р и ц и я

Великодушный ваш исполните порыв:
Верните мне мою аттическую землю, —
Охотно дар любой из ваших рук приемлю,
Но этот мой удел, славнее чем другой,
Из ваших мне даров не самый дорогой.

Явление четвертое

Ипполит, Терамен

Ипполит

Друг, все готово ли? Она подходит ближе.
 Ступай, потороши к отъезду сбор. Беги же!
 Дай знак, распорядись и вновь сюда приди,
 От встречи тягостной меня освободи.

Явление пятое

Федра, Ипполит, Энона

Федра

Вот он... Покинула вся кровь мои ланиты,
 И нужные слова все мною позабыты.

Энона

О сыне вспомните, который вами жив.

Федра (*Ипполиту*)

Вы нас бросаете, уехать положив.
 Но у обоих нас да будет скорбь едина.
 Хочу вам объяснить, как я скорблю за сына!
 Нет у него отца. Через немного дней
 Свидетель будет он кончины и моей.
 Уж тысячи врагов его терзают детство,
 И лишь у вас в руках его защиты средство.
 Но тайно мучится раскаяньем мой дух,
 Что я от слез его ваш отвратила слух.

Боюсь, ваш правый гнев не продолжал бы ныне
Мать ненавистную преследовать и в сыне.

И п п о л и т

Сударыня, не столь низка душа моя!

Ф е д р а

На вашу ненависть пенять не стала б я.
Вы видели, что вас гоню я неотступно, —
В моей душе читать вам было недоступно.
Я от вражды себя отнюдь не берегла,
На этих берегах вас видеть не могла.
Себе и каждому твердила о раздоре;
Решила наконец, что нас разлучит море.
Тогда же издала особый я указ,
Чтоб даже называть при мне не смели вас.
Коль мерим кару мы обидой, и при этом
На ненависть мою — в вас ненависть ответом,
То более всех жен, я — жалкая жена
И гнев ваш выносить всех менее должна.

И п п о л и т

Когда к правам детей пылает мать ревниво,
То пасынку прощать не может справедливо, —
Я знаю, госпожа; и признаки вражды —
Всегда супружества вторичного плоды.
Другою был бы я не менее обижен,
Но, может быть, еще и более унижен.

Ф е д р а

Ах, государь, клянусь, что общий всем закон
Велением небес был мною обойден.
Смущает и томит меня другое время.

И п п о л и т

Сударыня, скорбеть пока еще не время.
 Быть может, ваш супруг еще и солнцу рад
 И небеса пошлют благой ему возврат.
 Нептун его хранит. Бессмертный покровитель
 Готов исполнить все, что просит мой родитель.

Ф е д р а

Нет, дважды не узреть приюта мертвецов,
 Нет, государь, побыв у мрачных берегов,
 Возрата у небес Тезей уже не купит,
 Ревнивый Ахерон добычи не уступит.
 Но что ж? Не умер он, когда он дышит в вас;
 В вас мужа своего я вижу всякий раз;
 Да, вижу, говорю, и сердце... но довольно:
 Мой сумасшедший пыл разоблачен неволью...

И п п о л и т

Я вижу, что любовь и чудеса творит:
 Тезея нет — и все ж пред вами он стоит.
 Вы зажжены, как встарь, любовью своею.

Ф е д р а

Вы правы. Я горю, я вновь влекусь к Тезею.
 Люблю его не тем, каким сошел он в ад,
 К предметам нежности изменчивый стократ,
 Владыки мертвецов честь посрамить готовый, —
 Но доблестный, прямой и даже чуть суровый,
 Прекрасный, молодой, всех утешенье глаз, —
 Как пишут о богах, каким я вижу вас.
 У вас Тезевы осанка, взор, учтивость;
 И у него лицо румянила стыдливость.

Когда на древний Крит приплыл он по морям
И стал Миносовым желанен дочерям, —
Где были вы тогда? И как без Ипполита
Героев греческих он выбрать мог для Крита?
Зачем, еще дитя, вы не смогли тогда
Отдаться парусам, направленным туда?
Тогда чудовище вы поразить могли бы.
Пускай погибельны дворца его изгибы, —
Чтоб средь опасности вам жизнь предохранить,
Сестра вручила б вам спасительную нить.
О нет, опередить сестру я поспешила б,
Мне ранее, чем ей, ту мысль любовь внушила б.
И я, царевич, я, мечтая вас спасти,
По лабиринту вам распутала б пути.
За нежное лицо чего я не дала бы?
Для любящей и нить порукой не была бы.
Дружна с опасностью, грозившей вам в тот час,
Вслед за собой вести желала бы я вас.
Так с вами, Ипполит, сойдя в глухие недра,
Была бы спасена или погибла б Федра.

И п п о л и т

О боги! Что за речь? Иль вы забыли вдруг
Что мне Тезей — отец и что он вам — супруг?

Ф е д р а

Так обвинять меня вы можете ль по праву?
Или я добрую хочу утратить славу?

И п п о л и т

Простите, госпожа; клянусь, я покраснел,
Что речь невинную так опорочить смел.
Мне стыдно видеть вас; себя сужу я строго.
Иду...

*

Ф е д р а

Жестокий! Ах! ты понял слишком много!
Все сказано, чтоб ты не мог в ошибку впасть.
Узнай же: вот она, безумной Федры страсть!
Люблю я! Но не мни, что, полная тобою,
Сама себе кажусь невинною женою,
Что помутившей ум, безумственной любви
Я попустительно питала яд в крови.
О! мщением небес казнима я всечасно,
Не так тебе гнусна, как для себя ужасна;
Богами в том клянусь, что обожгли меня
Потоком роковым любовного огня,
Богами, что тебе избрали злую славу:
Простую смертную смущать себе в забаву.
Жестокий, вспомни все: бороться я могла,
Тебя бежала я, — нет, больше, — я гнала!
Чтоб ты воображал, что я дурна, порочна, —
Старалась ненависть твою питать нарочно.
К чему была борьба напрасная моя?
Ты стал презрительней, влюбленной стала я.
Тебя в несчастьи прекраснее нашла я,
Измлела, высохла, и плача и рыдая.
Тебе о том глаза могли бы донести,
Когда б ты на меня желал их возвести.
Ужель ты думаешь, не вопреки желанью
Я здесь произнесла позорное признание?
О сыне трепеща, его предать боясь,
К тебе о милости молить я повлеклась.
Для любящих сердец напрасная затея!
Увы! Тебе сказать могла лишь о тебе я!
Отмсти, казни меня за гнусную любовь,
Ты, в ком геройская по жилам льется кровь!
Да будет и тобой чудовище убито.
Тезеева вдова — и любит Ипполита!
Не дай чудовищу от смерти ускользнуть.

Смотри, вот грудь моя — рази же эту грудь!
Уж сердце, жадное от срама исцелиться,
Само на длань твою, покорное, стремится.
Рази! Но ежели презренна я вполне,
И в казни сладостной твой гнев откажет мне,
И кровью мерзостной пятнать себя не станешь,
Тогда не руку ты, но меч свой мне протянешь.
Дай...

Э н о н а

Что вы, госпожа? Благие небеса!
Но вот сюда идут... Я слышу голоса!
Свидетелей стыда бежим, бежим скорее!

Явление шестое

И п п о л и т, Т е р а м е н

Т е р а м е н

Не Федра ли бежит? Ее влекут, вернее!
Но чем вы, государь, здесь так огорчены?
Вы, вижу, без меча. Вы бледны, смущены?

И п п о л и т

Мой Терамен, бежим. От ужаса немею.
Я на себя взглянуть в отчаяньи не смею.
О боги! Федра! Нет... В забвеньи, в глубине,
Пусть тайна страшная останется при мне.

Т е р а м е н

К отъезду нашему на судне все готово.
Афины между тем свое сказали слово,

Собрали голоса со всех афинских дем:
Ваш избран младший брат, и правит Федра всем.

И п п о л и т

Она?..

Т е р а м е н

Чрез вестника уже Афин веленье
Успело в руки ей вложить бразды правленья.
Так, сын ее — царем...

И п п о л и т

Иль боги, зная все,
За добродетели превознесли ее?

Т е р а м е н

Слух между тем прошел, что царь наш — в этом мире,
Что будто бы Тезей явился вновь в Эпире,
Но там я тоже был и не могу понять...

И п п о л и т

Все надо выслушать и к сведенью принять.
Проверим этот слух, откуда он исходит;
И коль намерений он наших не отводит,
То едем. И чего ни стоило бы нам,
Мы скипетр отдадим достойнейшим рукам!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Федра, Энона

Федра

Ах, принимать почет, мне должный, я устала.
Как смеешь ты желать, чтоб людям я предстала?
Чем мыслишь обольстить отчаявшийся ум?
Скорей укрой меня! Несносен жизни шум.
Я высказала все, безумие излилось.
Что я таить должна, само собой открылось.
Как слушал он меня! Как он на сто ладов,
Холодный, от моих увертывался слов!
Он об одном мечтал: прочь убежать скорее!
Как от стыда его смутилась я сильнее!
Зачем от гибели меня ты отвлекла?
Увы! когда на грудь я меч тот навела, —
Скажи, он побледнел? К оружию рванулся?
Нет! Моего меча едва лишь он коснулся,
Как для его — увы! — бесчеловечных глаз
Меч унижительным представился тотчас.

Энона

Так вы питаете среди подобных жалоб
Огонь, которому погаснуть надлежалоб.

Не лучше ль было бы, Миносово дитя,
 В делах достойнейших забыться, не грустя?
 Неблагодарного и в помыслах оставить,
 На свой престол воссесть и государством править?

Ф е д р а

Мне править! Мне царить над целою страной,
 Когда мой слабый ум уже не правит мной!
 Когда над чувствами я не имею власти,
 Когда едва дышу под игом низкой страсти?
 Нет сил!

Э н о н а

Бегите же.

Ф е д р а

Быть не могу вдали...

Э н о н а

Иль трудно избежать, когда изгнать могли?

Ф е д р а

Нет, поздно. Он узнал мой пыл на все готовый.
 Перейдена черта стыдливости суровой.
 Пред победителем открыла я позор.
 Надежда в сердце мне закралась с этих пор.
 Сама добилась ты, что жить я снова стала,
 Когда из уст моих душа уж улетала.
 Сумела ты ее советом оживить,
 Намеком, что его могла бы я любить.

Э н о н а

Увы! Пред вами я невинна иль виновна, —
На что, спасая вас, не шла я безусловно?
Но если милый вам обидел вас гордец,
Его презрение терпеть ли, наконец?
С какой жестокостью глаза его взирали,
Когда к его ногам вы чувства преклоняли!
Как он противен был, как дерзостен и дик!
О, если бы мой взгляд дать Федре в этот миг!

Ф е д р а

Энона, может он свою откинуть гордость:
Воспитан он в лесах, — отсюда эта твердость!
Был диким Ипполит законом закален.
К тому ж язык любви впервые слышит он.
От изумления он так молчал, быть может;
Уж не чрезмерно ли нас все это тревожит?

Э н о н а

От скифки-матери в нем варварская кровь!

Ф е д р а

Пусть варварка она, — но ведала любовь!

Э н о н а

Пылает к женщинам он злобой роковою.

Ф е д р а

Тем меньше буду я оскорблена другою.
Нет, запоздавшие советы отложи

И пылу моему, не разуму служи.
 Он чувство нежное — увы! — из сердца гонит.
 Поищем — может быть, его иное тронет:
 Господства, кажется, его пленяет сласть.
 Ему афиняне уж предлагали власть;
 Уже своих судов он повернул кормило,
 Уже их паруса надула ветра сила.
 О, встреться за меня с тщеславным гордецом,
 Энона! Обольсти глаза его венцом.
 Пускай его чело украсится короной, —
 А мне... мне лишь бы им владеть неразделенно!
 Уступим власть ему, забвенья изберем.
 Он сына моего научит быть царем;
 Для отрока отца заменит он отчасти.
 Так! Сына и себя его вручаю власти.
 Чем хочешь, но сумей его ко мне привлечь.
 Скорей подействует твоя, Энона, речь.
 Плачь, сетуй, опиши меня полуживою,
 Не бойся унижать слова свои мольбою.
 Моя надежда — ты: я вверилась вполне.
 Ступай и возвратись сказать, что делать мне.

Явление второе

Ф е д р а

О зрящая позор, в который я упала,
 Венера грозная! Себя мне стыдно стало.
 Твоей жестокости вот подлинный предел.
 Триумф твой завершен, нет промаха у стрел.
 Но если новою пленишься ты победой,
 То непокорного противника изведай:
 Твой недруг Ипполит, перед тобой надмен,
 У алтарей твоих не преклонял колен.

Он богохульствует в невыразимой злобе.
 Богиня, отомсти! — оскорблены мы обе.
 Заставь его любить... Но вот Эноны шаг...
 Ах! Слушать он не стал! Врагом остался враг.

Явление третье

Федра, Энона

Энона

Отныне от любви напрасной отклонитесь
 И к добродетели, царица, вновь вернитесь:
 Умерший мнимо царь предстанет вам сейчас.
 Тезей вернулся вновь, Тезей опять среди нас.
 К судам спешит народ, все толпами залито...
 Как вы велели, я искала Ипполита,
 Вдруг криков тысячи, любви всеобщей дань...

Федра

Итак, супруг мой жив! Энона, перестань...
 Моим признанием он оскорблен неволью,
 И этого — увы! — Энона, мне довольно.

Энона

Как?

Федра

Я предвидела. Но вновь ты верх взяла,
 Мое раскаянье слезами отвела.
 Умри я поутру, внушила б я лишь горе;
 Послушавшись тебя, теперь умру в позоре.

Энона

Умрете?

Ф е д р а

Вот он, день паденья моего!

Сюда придет супруг, придет и сын его
 И будет наблюдать, позорища свидетель,
 Как пред его отцом играю в добродетель
 Со вздохами в груди, к которым был он глух,
 Со взором, полным слез, что перед ним потух.
 Иль полагаешь ты, что, ревностный к Тезею,
 Он скрыть захочет пыл, которым пламенею?
 Владыку и отца позволит ли предать?
 Он ненависть ко мне сумеет обуздать?
 Пусть даже он молчит, — себе я знаю цену;
 Я не из женщин тех, что, совершив измену,
 Порочные, глядят попрежнему светло,
 Чье вовсе не краснеть приучено чело.
 Я знаю страсть мою, позор моей измены!
 Уже мне чудится, что этот свод и стены,
 Теперь Тезееву оберегая честь,
 Готовы приговор мне страшный произнести.
 Умрем же! Смерть одна меня от мук избавит.
 Большая ли беда, что смертный жизнь оставит?
 Смерть для несчастного нимало не страшна,
 Но в памяти людей я жить обречена.
 Вот горестных детей ужасное наследство!
 Юпитерова кровь их возвышает с детства,
 Но сколько ни гордись высокою кровью той,
 Преступность матери им будет тяготой.
 Дрожу я, что язык — увы мне! — слишком точный
 В грядущем попрекнет их матерью порочной,
 Дрожу, что до того им в тягость будет мать,
 Что не решатся глаз невинных подымать.

Э н о н а

Поистине, я им сочувствую обоим,
 И не напрасно вы простилися с покоем,

Но подвергать зачем их участи такой?
Зачем вам на себя указывать самой?
Про Федру скажут все: она грешна всецело,
Раз мужа лицезреть преступница не смела.
Рад будет Ипполит, что смертью своей
Вы подтверждаете навет его речей.
Что обвинителю ответить я смогла бы?
Ах, доводы мои все были б слишком слабы.
А он, обрадован ужасным торжеством,
Начнет рассказывать всем о стыде твоём.
Ах, лучше б молния, упав, меня спалила!
Но будьте ж искренни: в вас чувство не остыло!
Каким неистовец вам кажется теперь?

Ф е д р а

Он ныне для меня, что самый лютой зверь.

Э н о н а

Иль уступить ему победу вы хотите?
Не бойтесь: первая его вы обвините
Во всем, в чем обвинить вас ныне может он.
Кто опровергнет вас? Он всем изобличен:
Оружием, счастливо доставшимся вам в руки,
Смятеньем нынешним и болью прежней муки,
Отцом, что вами был предупрежден давно,
Изгнаньем, что ему от вас же суждено.

Ф е д р а

Невинность очернить могу ль без содроганья?

Э н о н а

Я требую от вас единственно молчанья.
Есть совесть и во мне, и, кажется, скорей

Сама бы приняла я тысячу смертей.
 Да, но спасение — лишь в этой гнусной мере.
 А мне утратить вас — нет горестней потери!
 Я все скажу! Тезей, печаль преодолев,
 Изгнанием первенца свой ограничит гнев.
 Отец карающий — всегда отец, не боле:
 Он, покарвав легко, смирится поневоле.
 Но можно ль в жертву кровь невинную принести?
 На что мы не идем, спасая нашу честь?
 Она — сокровище, ценнейшее бесспорно.
 Что б царь ни приказал, безмолвствуйте покорно,
 Сударыня! А мы, спасая честь жены,
 И добродетелью пожертвовать должны.
 Тезея вижу я...

Ф е д р а

Я вижу Ипполита!
 Глаза его грозят мне гибелью открыто.
 Как хочешь поступай — сегодня власть твоя.
 В смятении своем бессильна стала я.

Явление четвертое

Тезей, Ипполит, Федра, Энона, Терамен

Тезей

Я умолил судьбу. Теперь возвеселитесь,
 Что к вам, сударыня...

Ф е д р а

Тезей, остановитесь!
 Не унижайте свой восторженный порыв,

Им недостойную напрасно наградив.
Нет! Вы оскорблены! Ревнивая судьбина,
Не пощадив жены, разит и господина.
К вам я приблизиться себе не разрешу.
Вас недостойная, сокрыться я спешу.

Явление пятое

Тезей, Ипполит, Терамен

Тезей

Скажи, о сын, как мне понять необычайный
Прием?

Ипполит

Царица лишь владеет этой тайной.
Но ежели мольбы способны тронуть вас,
Позвольте мне навек с ее сокрыться глаз.
Пусть Ипполит уйдет, исполненный испуга,
Из края, где отца находится супруга.

Тезей

Меня покинуть, сын?

Ипполит

Ее искал не я.
Вы указали ей на здешние края.
Вы повелели быть Трезене прибережной
Ариции и ей твердынею надежной.
Мне было даже их поручено беречь!
Но что бы здесь теперь могло меня привлечь?
Довольно занят был я в молодости праздной

С врагами низкими борьбой однообразной.
 Быть может, убежав от жизни без забот,
 Я кровью лучшею смочить сумею дрот?
 Когда еще в мои вы не вступали годы, —
 Тираны, чудища, страшившие народы,
 Уже poznали вес Тезеевой руки.
 Уже вы, дерзости разбойной вопреки,
 Прибрежья двух морей успешно усмирили,
 И тотчас путники о страхе позабыли.
 Геракл, внимательный к ударам ваших рук,
 Готов уж был вкусить заслуженный досуг, —
 А я, безвестный сын славнейшего по праву,
 И материнскую не превышаю славу.
 Дозвольте не таить мне доблестей моих,
 Дозвольте, коль еще есть чудища в живых,
 Сложить у ваших ног почетную добычу,
 А нет, — пусть славною кончиной возвеличу
 Свой век, провозглася грядущему о том,
 Что были вы моим поистине отцом.

Т е з е й

Что вижу я? Полна боязнию какою
 Семья смятенная бежит передо мною?
 Когда я всех страшу, так нежеланен всем, —
 Ты, небо, из тюрьмы спасло меня зачем?
 Желалось моему единственному другу
 Похитить у царя эфирского супругу.
 Затее нехотя я жертвовал собой.
 Мы были злобно ослеплены судьбой.
 И вот тираном я был схвачен, безоружный.
 Я видел: Пирифой, всегда со мною дружный,
 Был отдан варваром чудовищам своим
 Затем, что кровь людей давал он в пищу им.
 Я брошен был во мрак таить свою обиду,
 В пещеру под землей — ближайшую к Аиду.

Полгода пронеслось, и, милостью богов,
Сумел я обмануть дозор моих врагов.
Я страшно покарал предательскую злобу:
Мой недруг свергнут был чудовищу в утробу.
И вот, когда обнять с восторгом подхожу
Все то немногое, чем в жизни дорожу, —
Что говорю? — когда в покое долгожданном
Спешит моя душа насытиться желанным, —
Вы трепетом одним встречаете отца!
Все в страхе, все бегут от моего лица!
И сам я, видя вас передо мной в боязни,
Скорблю, что избежал в Эпире тяжелой казни.
Ответьте! Слышу я, что кем-то оскорблен.
Кем предан я? Зачем никем не отомщен?
Ужели Греция, о чьей судьбе радею,
Какой-нибудь приют доставила злодею?
Не отвечаете? Мой сын, родной мой сын,
С врагами делит ли он умысел один?
Войдем: мучительно столь долгое сомненье.
Отыщем, кто же он, свершитель преступленья.
Пусть Федра объяснит смущение свое.

Явление шестое

И п о л и т, Т е р а м е н

И п о л и т

Я весь поледенел, внимая речь ее:
Ужель, еще храня свирепой страсти жало,
Сгубить сама себя безумная желала?
Увы! Что скажет царь? Отравлен целиком
Любовью пагубной его несчастный дом!
И сам люблю я ту, кого он ненавидит.
Каким он знал меня! Каким теперь увидит!

Черны предчувствия у сердца моего.
Но ведь невинности не страшно ничего.
Нет, надо поискать, какое бы искусство
Отца враждебного смягчить могло бы чувство,
Открыть ему любовь, противную ему,
Но нерушимую наперекор всему.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

Тезей, Энона

Тезей

Увы! Что слышу я? Он, дерзкий и лукавый,
Позорит честь отца с отвагою неправой!
О, как настойчив рок, преследователь мой!
Не знаю, как мне быть, не знаю, что со мной!
О нежность, доброта! — Вот какова награда!
О дерзкий замысел! Злодейская засада!
Он, наглый, для своих любовных черных дел
Искать в насилии опоры захотел.
Узнал я эту сталь, оружие расправы,
Ту сталь, которой я снабдил его для славы.
И даже долг родства не мог его связать.
А Федра медлила безумца наказать!
Ее молчанием был пощажён несчастный.

Энона

Щадили мы отца в заботе ежечасной!
Стыдясь намерений влюбленности слепой,
Преступного огня, что вызван ей самой,
Она изнемогла; его упорства сила,
О государь, глаза невинные гасила.

*

Я увидала сталь, я бросилась вперед,
Сумела я одна предотвратить исход,
И зная стыд ее и видя, как вам больно,
Истолковала вам тоску ее невольно.

Тезей

Коварный! Он не мог не побледнеть лицом,
Не мог без ужаса предстать перед отцом.
Причин его тоски тогда не мог понять я:
Сковали чувство мне холодные объятия.
Но этот грешный пыл, которым он сожжен,
Еще в Афинах ли стал возгораться он?

Энона

О государь, ее вам памятли печали:
Преступная любовь была уже вначале.

Тезей

В Трезене, стало быть, зажглась она, как встарь?

Энона

Я вам сказала все, что знала, государь.
Но оставлять ее нельзя на эту муку.
Дозвольте мне идти, чтобы подать ей руку.

Явление второе

Тезей, Ипполит

Тезей

Ах, вот он! Небеса! Вид доблестный его
В ошибку, как меня, не ввел бы хоть кого!

И надо же, чтоб нес развратник дерзновенный
Знак добродетели, на лбу запечатленный!
Предателей сердца не лучше ль было б нам
Заране узнавать по явственным чертам?

И п п о л и т

Могу ли я спросить, какую мрачной тучей
Сегодня, государь, смущен ваш лик могучий?
Иль тайну мне открыть не можете вполне?

Т е з е й

Коварный! Смеешь ты показываться мне!
Чудовище, досель щадимое громами,
Разбойник, вроде тех, встарь изведенных нами!
Как! В час, когда любви преступной произвол
До ложа отчего грехи твои довел,
Ты появляешься с надменной головою
В места, где всё — увы! — осквернено тобою!
И не спешишь бежать под чуждый небосклон,
Куда бы обо мне слух не был занесен?
Прочь, подлый! Надо мной не помышляй глумиться!
Терпенья не дразни, готового сломиться!
Довольно я и так позором награжден,
Что столь преступный сын был мною порожден,
Чтоб смерть твою еще носить пятном позорным,
Постыдной примесью к деяньям благородным.
Прочь, если, дерзкий, ты еще не захотел
Вкусить постигнувший преступников удел!
Пусть солнце на небе с его отрадным светом
Следов предателя не встретит в месте этом.
Прочь, говорю! Беги, обратно не взирай,
Чтоб мерзостным лицом не осквернить мой край!
А ты, Нептун, а ты, когда, добро содеяв,
На берегах твоих я погубил злодеев, —

Ты, вспомни, обещал, труды мои цена,
 Желанье первое исполнить для меня.
 В мученьях медленных моей тюремной доли
 Я умолять не стал твоей бессмертной воли,
 Скупясь, еще просить тебя я не дерзнул:
 Для величайших дел берег я твой посул.
 Теперь тебя молю, — обманутый родитель, —
 Измене сына будь безжалостный отмститель!
 Его безумный пыл ты утопи в крови
 И яростью своей подай мне знак любви.

И п п о л и т

Так Федра обвинить решилась Ипполита!
 Безмерным ужасом душа моя убита:
 Как неожиданен ударов тяжких ряд!
 Мне голос изменил, уста не говорят.

Т е з е й

Предатель, ты мечтал, что тайной недостойной
 Царица окружит твой пламень непристойный?
 Тогда ты должен был не оставлять в тот миг
 Меча в ее руке и скрыться без улик;
 Иль лучше, чтобы слыть убийцею недаром,
 И речь и жизнь ее сразить одним ударом.

И п п о л и т

По праву гневаясь на черный ваш навет,
 Я мог бы истины пролить пред вами свет,
 Однако, государь, я тайну эту скрою
 Из уважения к родителю-герою.
 Но сами от забот избавьте вы себя:
 Проверьте жизнь мою и вспомните, кто я.
 Из преступлений лишь родятся преступления.

Кто раз мог перейти законные веленья,
Потом священных прав коснуться может всех;
От добродетели в том не отличен грех.
Но никогда еще невинность не посмела
В разврате вдруг дойти до крайнего предела,
И тот, в ком честь жива, опустится навряд
В убийство гнусное и в пагубный разврат.
В утробе вскормленный чистойшей героини,
Я крови доблестной не посрамил доныне.
Пифей, между людьми прославленный умом,
Давал уроки мне в младенчестве моем.
Я вовсе не хочу хвалиться перед вами,
Но если доблести я наделен чертами,
Не я ли, государь, являл при свете дня
Презрение к грехам, взведенным на меня?
Так! Этим Ипполит всей Греции известен.
Я в добродетели до жесткости был честен;
Непримиримостью прославилась она,
И глубь сердечная во мне как день ясна.
И этот Ипполит в какой-то страсти дикой...

Т е з е й

Гордыня, негодяй, сама тебе уликой!
Причину вижу я холодности твоей:
Лишь с Федры не сводил бесстыдных ты очей.
Огня невинного к иным любви предметам
От горделивости не стало в сердце этом.

И п п о л и т

Нет, мой отец, в душе — скрывать уж не могу —
Я чистую любовь глубоко берегу.
Винясь, у ваших ног слагаю тайну эту.
Люблю, одну люблю наперекор запрету:
Ариция взяла мечты мои в полон,

Палланта дочерью ваш первенец сражен!
 Люблю ее, и вот, противясь вам, душою
 Могу лишь к ней пылать, не ведая покою.

Т е з е й

Ее ты любишь? О! Приема нет грубей:
 Изобрести вину, чтоб оправдаться ей!

И п п о л и т

Полгода прочь бегу, но чувство неизменно.
 К вам шел я, тренеца, признаться откровенно, —
 И что же? Вас ничем нельзя разубедить?
 Иль клятв ужаснейших вы ждете, может быть?
 Пусть небо и земля, пусть будет вся природа...

Т е з е й

У негодяев всех прием такого рода!
 Избавь, избавь меня! Оставь пустую речь,
 Раз лучше доводов не в силах ты привлечь.

И п п о л и т

Она вам кажется искусственна и лжива...
 Ах, Федра — даже та не столь несправедлива!

Т е з е й

Но ты меня гневишь словами без стыда!

И п п о л и т

Куда ж изгнанника пошлете и когда?

Тезей

Когда бы далее ты был столпов Алкида, —
И то мне вечная грозила бы обида.

Ипполит

Коль вами в мерзостях подозреваюсь я,
Мне в утешение найдутся ли друзья?

Тезей

Иди друзей искать, чье мрачное почтенье
Приветствует порок и чтит кровосмешенье,
Предателей, в ком нет добра и правоты,
Достойных защищать отверженцев, как ты!

Ипполит

Вы о пороке мне твердите, об измене, —
Молчу. Но, государь, мать Федры, тем не мене,
Вся Федры кровь, весь род, который вам знаком, —
Насыщенной меня пороком и грехом!

Тезей

Как? В бешенстве уже не в силах ты сдержаться?
В последний раз: уйди, изволь повиноваться!
Ждать нечего. Беги, чтоб яростный отец
Тебя не выгнал бы с позором наконец.

Явление третье

Тезей

Безудержно спешишь ты к гибели, несчастный!
Нептун, своей рекой и для богов ужасной,

Клялся не отступить от слова своего.
 Бог-мститель — на тебя, не избежишь его!
 Да, я любил тебя, и даже оскорбленный
 Тревожусь о тебе душою омраченной;
 Но сам ты на себя навлек мой приговор:
 Какому был отцу сужден такой позор!
 Вы, боги, видите, сколь горько я тоскую!
 Как мог я породить дитя — змею такую!

Явление четвертое

Федра, Тезей

Федра

О царь, я к вам спешу с трепещущей душой,
 Достиг моих ушей ваш голос громовой.
 Ваш разразился гнев, и поспешает время;
 Но если есть оно, — падите ваше семя,
 Уважьте вашу кровь. Решаюсь вас молить:
 Ей на беду мою не дайте возопить,
 Чтоб не страдать мне век о крови Ипполита,
 Что отчею рукой из-за меня пролита.

Тезей

Нет, госпожа, я кровь свою не проливал.
 Но и предатель мой судьбы не миновал.
 Бессмертная рука отмщенье обеспечит:
 Нептун мне обещал и вашу скорбь излечит.

Федра

Нептун вам обещал! Ах, при мольбах таких...

Тезей

Как! Уж боитесь вы осуществленья их?
Нет, к праведным мольбам и сами вы примкните,
Всех черных дел его распутывая нити;
Мой слишком сдержанный разгорячите пыл.
Еще его дела не все я вам открыл:
Ужасным против вас безумьем разогрет он;
Устами вашими он, будто, оклеветан;
Ариции вся жизнь им, будто, отдана,
Ее он любит...

Федра

Царь!

Тезей

Сказал он все сполна.
Но отвергаю я пустые ухищренья.
Я от Нептуна жду немедленного мщенья
И сам иду молить к подножью алтарей,
Чтоб клятва божества исполнилась скорей.

Явление пятое

Федра

Ушел. О, что за слух моих ушей коснулся!
Едва погас огонь, уж снова встрепенулся!
Какой неожиданный гром! Какая злая весть!
Я мчалась отвратить губительную месть,
И вырвавшись из рук испуганной Эноны,
Хотела заглушить раскаяния стоны, —

Да и куда могло б оно завлечь меня?
 Быть может, я, себя всецело обвиня, —
 Когда бы речь моя внезапно не прервалась, —
 В ужасной истине невольно бы призналась!
 Он может чувствовать, — лишь я обойдена!
 Одной Ариции вся жизнь его дана!
 Когда передо мной врагом неумолимым
 Столь гордый он стоял, с челом невозмутимым,
 Я думала, — увы! — что он бежит от жен,
 Затем что против всех равно вооружен.
 Другая между тем огня его добилась!
 Очам жестокого другая полюбилась!
 Ах, сердце, может быть, не трудно в нем смягчить.
 Лишь я обречена в забвеньи дни влачить.
 О, мне поистине его спасать невместно.

Явление шестое

Федра, Энона

Федра

Энона, знаешь ли, что стало мне известно?

Энона

О нет, но я дрожа за вами вслед бегу.
 Вас отпустить одну без страха не могу
 Я, думая о вас, от ужаса немела.

Федра

Увы! Энона, я соперницу имела.

Энона

Как?

Ф е д р а

Любит Ипполит... Ах, верно рок таков!
Мой недруг яростный, не ведавший оков,
Отвергший почести, не выносивший жалоб,
Тигр, от которого любая убежала б, —
Покорен, приручен, готов ярмо нести:
Ариция к нему сумела путь найти.

Э н о н а

Ариция?

Ф е д р а

Увы! Иль муки было мало,
Что эту новую себе я сберегала!
Все, чем болела я, восторг мой и боязнь,
Моих безумств огонь, раскаяния казнь,
Позорящий отказ, томленье о жестоком —
Все было этих мук ничтожнейшим намеком.
Меж них любовь! О, нет, как обошли меня?
Как видеться могли? Где? И с какого дня?
Ты знала — и меня свергать могла в напасти!
Как промолчать могла о потайной их страсти?
Их часто ль видели? Слыхали ли их речь?
Иль в глубине лесов они искали встреч?
Ах, видеться они могли без опасенья!
Признали небеса их чистые томленья.
Без угрызения любовным шли путем.
Для них безоблачно рождался день за днем.
А я, печальная, отброс природы целой;
От солнца пряталась, я свет забыла белый,
Смерть — вот единый бог, кого звала в борьбе.
Кончины я ждала, покорная судьбе,
Питаюсь желчью, напоена слезами;
Но даже, у людей страдая пред глазами,

Я плачем не могла страдание избыть
И горестных утех в смятении вкусить,
И, радостным лицом скрывая все страданья,
Порой должна была удерживать рыданья.

Э н о н а

Пустая их любовь какие даст права?
Они разлучены.

Ф е д р а

Но их любовь жива!
Пока я говорю, — о помысел смертельный! —
Они глумятся там над ревностью бесцельной.
Пускай он обречен в изгнание уйти,
Но тысячами клятв отрадню их «прости».
Себе позорного не потерплю я счастья.
Энона! Прояви к страстям моим участие.
Ариция должна погибнуть! Пусть же вновь
Гневится мой супруг на вражескую кровь!
Да будут яростны его мероприятия:
Еще преступнее сестра, чем были братья!
В порыве ревности его молить хочу.
Но — ах! — к какому я безумию лечу!
Ревную! А сама Тезея умоляю!
Супруг еще в живых, а я к тому пылаю!
К кому? И чья пленить могла меня краса?
Мне слово каждое шевелит волоса.
Я меру превзошла, пощады я не стою,
Кровосмешение дополнив клеветою.
Я руки грешные, горящие отмстить,
В кровь неповинную готова опустить.
Но горе! Я живу! И выносить я в силах
Священный свет того, чью кровь лелею в жилах!
Мне дедом — тот, кто сам отец и царь богов,
Мои сородичи — в просторе всех миров.

Куда спастись? В Аид — укрыться вечной тьмою?
Но — ах! — сидит отец там с урной роковою!
Ему сама судьба вручила тот сосуд,
Над бледными людьми Минос вершит свой суд.
О, с ужасом каким тень праведника взглянет,
Когда родная дочь на суд его предстанет,
Когда, преступная, покаяться приду
В грехах, неведомых, быть может, и в аду!
Ты станешь нем, отец, от этих беззаконий!
Я вижу, как падет и урна из ладоней;
Я вижу: новую мне казнь изобретя,
Ты будешь, как палач, карать свое дитя.
Прости! Жестокий бог сгубил твоё семейство.
Являет божью месть дочернее злодейство.
Увы! От своего всечасного стыда
Душа печальная не сорвала плода.
Увы, с несчастьями не знала я разлуки
И тягостную жизнь оканчиваю в муке.

Э н о н а

О, бросьте, госпожа, несправедливый страх, —
И тяжелей грехи живут в людских сердцах.
Вы любите! Никто не одолеет рока.
Вы чарами любви увлечены далеко, —
Но это диво ли, столь редкое меж нас?
Иль, думаете, страсть разит одну лишь вас?
Ах, слабость свойственна характеру людскому!
Дочь смертная земли, живите по-земному.
Вы на извечное печалитесь ярмо, —
Олимпа сонмище не без греха само,
И, к действиям людей придирчивые, боги
Идут в делах любви не по прямой дороге.

Ф е д р а

Ах! Вот какой совет мне смеют объявить!
Меня ты до конца желаешь отравить?

Несчастливая! Увы! Ты Федру погубила,
Я жизнь из-за тебя вторично полюбила.
Из-за любви твоей я долг не соблюла.
Далеко был Ипполит — ты с ним меня свела.
На что решила ты? Как смело твой рот безбожный
Жизнь чистую его чернить хулою ложной?
Быть может, он умрет, — и взбешенный отец
Проклятиями уже призвал его конец.
Тебя не слушаю. Прочь, гнусная ехидна!
Судьба печальная самой мне очевидна.
Пусть по делам тебе присудит небо казнь
И да вселит во всех достойную боязнь,
Которые, как ты, чернейшая из тварей,
Питают слабости несчастных государей,
Их по стезям страстей решаются вести
И сглаживают им греховные пути! —
О гнусные льстецы! вы — худший меж дарами,
Что посланы царям гневливыми богами!

Э н о н а (одна)

О небо! Для нее все, все я отдала...
И вот награда мне, расплата за дела!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

Ипполит, Ариция, Исмена

Ариция

Как? Вы могли молчать в столь страшном положении?
Любимого отца оставить в заблуждении?
Жестокий! Если вы, не тронуты мольбой,
Согласны без труда не видеться со мной, —
Идите, бедную Арицию покиньте,
Но о своей судьбе заботы не отриньте:
От гнусной клеветы спасите вашу честь.
Пусть, клятвы отменив, отец забудет месть, —
Есть время! Для чего, пожертвовав собою,
Той, что порочит вас, сдаетесь вы без бою?
Осведомьте царя!

Ипполит

Молчал я почему?
Ужель позор семьи мне раскрывать ему?
Иль, оскорбив отца бессовестной оглаской,
Увидеть лик его под недостойной краской?
В ту тайну страшную проникли вы одна.
Лишь вам я да богам раскрою все до дна.

От вас таить не мог, — судите ж, как люблю я, —
 Что даже от себя охотно б скрыл, тоскуя;
 Но на признание наложена печать,
 Молю вас обо всем и навсегда молчать,
 Сударыня, и пусть вовек из уст невинных
 Не прозвучит рассказ о тех делах бесчинных.
 На правый суд богов решимся уповать, —
 Они изволят мне спасенье даровать, —
 И, рано ль, поздно ли, наказанная Федра
 Позором за грехи еще заплатит щедро.
 Почтите ж этот мой единственный завет;
 Мне, гневному, теперь иных препятствий нет;
 Теперь пора забыть вам рабскую неволю;
 Решитесь убежать, делить со мною долю;
 Покиньте скорбные и скверные места,
 Где ядовитый смрад вдыхает чистота,
 Минутой пользуйтесь, чтобы сокрыться скоро
 Срежь замешательства семейного раздора.
 Я обеспечу вам таинственный побег:
 Любой из стражи здесь — мне верный человек.
 И вступится за нас могучая защита:
 Нам Аргос длань простер, и Спарта нам открыта.
 Мы привлечем друзей, им правду рассказав,
 Чтоб Федра не могла, наш бедный рок связав,
 С престола нас согнать приказом самозванки
 И сыну посулить обоих нас останки.
 Благоприятно все. Ловите этот час!
 Колеблетесь? Иль страх удерживает вас?
 Для блага вашего стремлюсь я к этой цели.
 Меж тем как я горю, вы вдруг оледенели?
 С изгнанником идти боитесь вы тайком?

А р и ц и я

Ах, было б счастье мне в изгнании таком!
 В каком блаженстве я, судьбою с вами слита,

Жила бы счастливо, всем светом позабыта!
Но цепью нежной мы не связаны, увы!
Как, с вами удалясь, избегну злой молвы?
Я знаю: не боясь нарушить строгой чести,
От вашего отца уйти могу без вести —
Не от родительских я отрываюсь нег.
Коль держит нас тиран, нам разрешен побег.
Но, государь, меня вы полюбили очень?

И п о л и т

Нет, честью вашею я слишком озабочен:
Будь мой приход сюда вернейшей из порук.
Оставьте же врагов, когда зовет супруг!
Мы, вольные в беде, — по высшему совету, —
Не будем за любовь привлечены к ответу.
Подчас без светочей приходит Гименей.
Там, у Трезенских врат, меж памятных камней,
Где рода моего издревле погребенья,
Есть храм, ужаснейший для клятвопреступленья.
Там клясться попусту не может человек;
Обманщик ни один возмездья не избег,
И, смерти убоясь от гибельного бога,
Ложь притаилась там у грозного порога.
Там вечной мы любви, которой меры нет,
Поверьте, принесем торжественный обет.
Свидетель будет бог той верности до гроба,
И нашим быть отцом его попросим оба.
Я клятву принесу Олимпа высотой,
Юноны мощностью, Дианы чистотой,
И, верьте, всех богов бессмертных совещаю
Вам верность подтвердит святого обещаю.

А р и ц и я

К нам государь идет. Бегите ж этих мест,

*

А я повременю, чтоб лучше скрыть отъезд!
Но верного прошу проводника оставить,
Что мог бы вам вослед мой робкий шаг направить.

Явление второе

Тезей, Ариция, Исмена

Тезей

О боги, я молю мой разум прояснить.
О, дайте в руки мне пропавшей правды нить!

Ариция

Исмена, все, мой друг, обдумай для побега.

Явление третье

Тезей, Ариция

Тезей

Вы будто смущены, лицо блеее снега.
Но что царевича могло к вам привести?

Ариция

Он молвил, государь, мне навсегда прости.

Т е з е й

Очами вы склонить сумели нрав строптивый,
И первый вздох его — то ваш успех счастливый.

А р и ц и я

Не скрою истины, о царь, от ваших глаз:
В нем ненависти нет неправой, как у вас.
Он как с преступницей со мной не обращался.

Т е з е й

Я знаю. Вас любить навек он обещался.
Столь ветреным сердцам не должно доверять:
Ходил он и к другим все то же повторять.

А р и ц и я

Он, царь?

Т е з е й

Вам надо бы его сдержать умело.
Как терпите, чтоб вас любили не всецело?

А р и ц и я

А как вы терпите, чтоб разговор пустой
Глумился над его прекрасной чистотой?
Или у вас о нем столь мало представленья,
Чтобы с невинностью не путать преступленья?
Чтобы могла затмить случайная гроза
Те добродетели, что блещут всем в глаза?
Нет, полно доверять наветам злоречивым!
Раскайтесь же в своих убийственных призывах
И бойтесь, бойтесь, царь, что небеса в ответ,
Возненавидев вас, исполнят ваш завет.

Богами гневными приемлются даянья,
Но как возмездье нам за грешные деянья.

Тезей

Напрасно извинить стараетесь его:
Слепою стали вы от чувства своего.
Мои ж свидетели правдивы, хоть жестоки,
И неподдельных слез при мне текли потоки.

Ариция

О, берегитесь, царь! Чудовищ без числа
Сразили вы, свершив бессмертные дела.
Но сражены не все: в живых еще осталось
Одно... Царевичу молчать я обещалась,
Я знаю, как его заботит ваша честь;
Его я оскорблю, сказав вам то, что есть.
Как он, стыдлива я, и вот бегу подале,
Чтобы уста всего невольню не сказали.

Явление четвертое

Тезей

Как мысль ее понять? И что таят слова,
Прервавшиеся вдруг, хоть начаты едва?
Обмана дерзкого свершается здесь проба?
Чтоб обойти меня соединились оба?
Подозреваю сам, хотя и строг вдвойне, —
Не жалость ли кричит в сердечной глубине?
Собой я изумлен, хоть нет тоске закону.
Но надобно еще переспросить Энону.
Всю правду до конца узнать не премину...
Эй, стражи!.. Привести Энону мне, одну!

Явление пятое

Тезей, Панопа

Панопа

Не знаю, что еще в намереньях царицы, —
Ее отчаянью не вижу я границы,
Печать смертельная в чертах ее лица,
Оно уж бледностью покрылося конца.
Царицей со стыдом прочь изгнанная, вскоре
Энона бросилась в бушующее море.
Никто безумия не угадал причин,
Но не вернуть ее из глубины пучин.

Тезей

Что слышу?

Панопа

Но тоска владеет все ж царицей.
Безумье, кажется, лишь возросло сторицей.
Чтоб утолить тоску, она детей зовет
И в тайной горести над ними слезы льет;
Но, материнской вдруг испугана тоскою,
Сама их гонит прочь трепещущей рукою.
Шаги смущенные блуждают наугад,
И нас не узнает теряющийся взгляд;
Начав писать письмо, три раза не кончала
И троекратно же бралась писать сначала...
О, помогите ей, за часом час идет!

Тезей

Энона умерла, а Федра смерти ждет!
Верните сына мне, и пусть он защитится,

Пусть говорит со мной, — готов я покориться!
 Не торопи, молю, своих жестоких благ,
 Нептун! О, лучше бы не сбыться им никак!
 Поверил слишком я, не ожидал обмана
 И руки протянул к тебе я слишком рано!
 Одно отчаянье призыв родило мой.

Явление шестое

Тезей, Терамен

Тезей

Не ты ли, Терамен? Царевич не с тобой?
 Тебе он вверен был от самой колыбели.
 Но что твои глаза от плача потемнели?
 Что делает мой сын?

Терамен

О запоздалый стыд!
 О нежность тщетная! Скончался Ипполит

Тезей

О боги!

Терамен

Из людей всех лучшего призвали
 И, смею молвить, царь, виновного едва ли!

Тезей

Мой сын скончался! Как? Ему я длань простер,

А боги в этот миг торопят приговор!
Но чем он был сражен? Иль молния упала?

Т е р а м е н

Так: от Трезенских врат мы отделились мало;
Он в колеснице был; царевича недуг
Вселил безмолвие в его примерных слуг.
Задумчив ехал он дорогой на Микены.
Он вожжи опустил, как миновали стены,
И чудо-жеребцы, привыкшие к тому,
Чтоб и в горячности покорствовать ему,
Со взором пасмурным, с опущенною мордой
Теперь как бы слились с его печалью гордой.
Крик ужасающий, возникнув из волны,
Нарушил вдруг покой воздушной тишины.
А из глубин земли вдруг раздается дико
Невероятный стон, еще страшнее крика.
Застыла кровь, и льда мы стали холодней;
Шерсть оцетинилась внимательных коней.
И в этот самый миг, равнину вод тревожа,
Пучина поднялась, на пенный холм похожа.
Дробится брызгами вскипающий разбег
И извергает вдруг чудовище на брег.
Широкий лоб его вооружен рогами,
Все тело желтыми покрыто чешуями,
Неукротимый бык, неистовый дракон, —
Спиральями хребет ужасный закруглен;
И от мычания побережье содрогнулось,
И небо в ужасе от гада отвернулось.
Зараза — в воздухе, земная грудь дрожит;
Его принесший вал в испуге прочь бежит;
Всё — в бегстве, и боясь, что миг настал последний,
Напрасно не храбрясь, мы скрылись в храм соседний.
Один лишь Ипполит, отца достойный плод,
Одернул четверню, схватил рукою дрот,

Мчит на чудовище, и вот удар искусный
Раненье тяжкое нанес утробе гнусной.
От боли чудовище вскочило сгоряча
И вот к ногам коней повергнулось, рыча,
Катается, и пасть в огне невыносимом
Их кроет пламенем, и кровию, и дымом,
И обезумевши, несясь на всем ходу,
Они не слушают ни голос, ни узду.
Царевич их сдержать стремится — труд напрасный!
Уже их удила покрылись пеной красной,
И кто-то увидал, что острием клинка
Бог некий уязвлял их пыльные бока.
И между скал уже несется колесница
И ось уж треснула. Бестрепетный возница
Все правит. Вдребезги и кузов уж разбит,
И, путаясь в вожжах, влачится Ипполит.
Простите боль мою, — но этот вид ужасный
Источник для меня печали ежечасной.
Я видел, государь, как ваш несчастный сын
Влеком конями был — их прежний господин.
Услышав крик его, они несутся рьяно
В испуге. Плоть его — уже сплошная рана...
И скорби воплями мы огласили брег.
Но кони наконец замедлили свой бег
И стали близ могил, где высится в покое
Скончавшихся царей надгробье родовое.
Я бросился туда, и стражи — вслед за мной.
Все к месту мы бежим кровавою тропой.
Вокруг на скалах кровь; на злых колючих травах —
Ужасные для глаз клоки волос кровавых.
Я добежал, зову, но, руку протянув,
Взор умирающий открыл, и, вновь сомкнув,
«Невинным, — он сказал, — я гибну, в миг прощальный
Молю: опорой будь Ариции печальной,
Мой друг, и ежели, разубедясь, отец
Над жертвой клеветы заплачет наконец,

Чтоб кровь мою смирить, дать утешенье тени,
Пусть пленницу свою он держит в кротком плене,
И пусть он ей вернет...» Но уж в моих руках
Обезображенный лежал героя прах —
Свидетель грозного бессмертных приговора
И для отцовского неузнаваем взора.

Т е з е й

О сын мой! Сам себя я всех надежд лишил.
Неумолимый бог! — увы! — ты поспешил!
Отныне жизнь моя в страданье обратилась!

Т е р а м е н

Но тут и робкая Ариция явилась.
Она пришла, — боясь, что не покорна вам, —
Супруга в нем признать, доверясь божествам.
Приблизилась — и зрит в траве, дымящей кровью,
Зрит, — ужас для очей, исполненных любовью! —
Что Ипполит простерт, бескровен, искажен, —
И ум ее на миг сомненьем поражен:
Не может в нем признать того, с кем сердце слито, —
Пред нею Ипполит, а кличет Ипполита.
Но вскоре убедясь, что перед ней он сам,
С упреком скорбный взор подымлет к небесам
И, хладной, бледной став, почти что полумертвой,
У ног любимого упала распростертой.
Исмена — вся в слезах, Исмена — рядом с ней
И призывает жить, или страдать, верней.
А я пришел сюда, проклявши дня сиянье,
Вам передать его последнее желанье
И отрешить себя от должности и прав,
Его предсмертное доверие приняв.
Но вот идет его смертельная врагиня...

Явление седьмое

Тезей, Федра, Терамен, Панопа

Тезей

Итак, мой сын погиб! Что ж, торжествуйте ныне!
 Законен был мой страх! Догадками смущен,
 Хотел его простить я, скорбью удручен,
 Но из-за вас погиб он жертвою кровавой.
 На пользу вам исход, законный иль неправый.
 Счесть правдой вашу ложь согласен навсегда:
 Пусть будет виноват, раз вы сказали «да».
 Довольно смерть его мне принесла страданий,
 Чтоб новых я искал ужасных оснований,
 Что, жизни молодой не возвратив ему,
 Прибавят только слез к несчастью моему.
 Хочу вдали от вас, коль такова судьбина,
 Бежать кровавых черт растерзанного сына.
 Томим, преследуем смертельною тоской,
 О, если б изгнан был я целою землей!
 На мой неправый суд все стало в ополченье,
 И слава имени удвоила мученье, —
 Кто неизвестен, взор ничей не привлечет.
 Мне ненавистно все, самих богов почет.
 Их роковую честь оплачу сам с собою,
 Не стану утомлять их тщетною мольбою, —
 Ведь их зловещая не может доброта
 Вернуть мне радости, что ими ж отнята.

Федра

Нет, надобно порвать с молчаньем слишком длинным.
 Тезей, и пусть ваш сын предстанет вновь невинным,
 Виновен не был он.

Т е з е й

О горестный отец!
И я, поверив вам, судил ему конец!
Жестокая! Еще ль вы оправдаться мните?

Ф е д р а

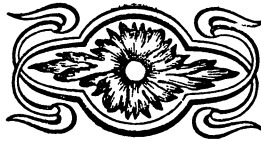
Мне дорог каждый миг. О государь, внимлите:
На сына чистого, почтительного к вам,
Я взор свой подняла, где были страсть и срам.
В грудь небо кинуло мне пламя роковое,
Энона гнусная свершила остальное:
Боясь, чтоб Ишполит, про мой проведав пыл,
Вам не открыл огня, что так ее страшил,
Коварная, когда во мне ослабла сила,
Оклеветать его пред вами поспешила.
Она наказана: законный чуя страх,
Смерть слишком легкую нашла она в волнах.
Я сталью бы давно пресекла дней течение,
Но с добродетели не снято подозренье.
Я вам раскаянье решила принести
И медленной стезей к подземным отойти.
Уже струится яд в крови воспламененной,
В Афины некогда Медеей привезенный.
До сердца самого уже спустился яд
И в полумертвое льет незнакомый хлад.
Как будто небеса уже покрыты мглою
И муж, которого позорю я собою.
Уж смерть небесный свет отъемлет у очей,
Чтоб им не затмевать его благих лучей.

П а н о п а

Она кончается...

Тезей

Когда бы злого дела
Воспоминание с ней вместе охладело!
Идем. Увы! Какой нам дан судьбой урок!..
С сыновней кровью мы смешаем слез поток;
Останки милые приняв в свои объятия,
Искушим бешенство несчастного заклатья;
Честь воздадим ему хоть в этот скорбный день.
И чтоб утешилась разгневанная тень,
Пусть распрю древнюю моя семья забудет,
Избранница ж его мне дочерью да будет.

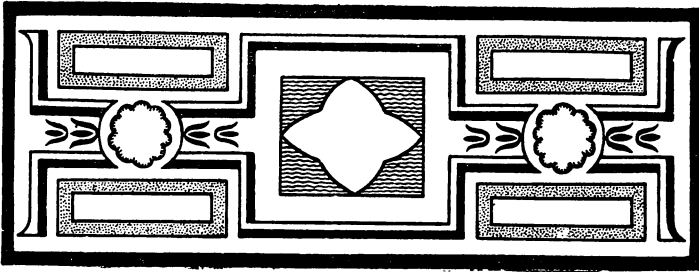

Э С Ф И Р Ь

ESTHER
(1689)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В знаменитом Сенсирском учреждении, основанном главным образом для того, чтобы воспитывать в набожности весьма большое число юных девиц, собранных со всех концов королевства, не было упущено ничего, что могло помочь им служить богу в тех разных состояниях, к каким угодно ему будет их призвать. Но сообщая им вещи существенные и необходимые, их знакомят также и с тем, что может отточить их ум и выработать в них вкус. Изобрели много способов воспитывать их при помощи развлечений, не отрывая от труда и обычных занятий. Для этого обращают, так сказать, им же в пользу часы их отдыха. Их понуждают вести между собою, применительно к главнейшим их обязанностям, остроумные беседы, составленные для них или тут же сочиняемые ими самими; их вызывают на обмен мнений об историях, прочитанных им, или о важных истинах, им преподанных; их заставляют выучивать наизусть и декламировать наиболее прекрасные отрывки лучших поэтов. Это последнее особенно помогает исправлять дурное произношение, которое они порой приносят с собой из провинции. Заботливо стараются также о том, чтобы научить петь тех, у кого есть голос, и не дать погибнуть дарованию, которое может невинно

развлечь их и которое в свой час смогут они употребить, дабы воспеть хвалы господу богу.

Однако поскольку большинство наших лучших стихов сочинены на сюжеты весьма светские, а наши лучшие арии — на слова крайне изнеженные и приторные, способные дать опасные впечатления юным умам, то именитые особы, пожелавшие взять на себя руководство этим учреждением, высказали желание, чтобы было создано произведение, которое было бы лишено всех этих недостатков и вместе с тем обладало бы частью этих достоинств. Они оказали мне честь поделиться со мной своим намерением и даже обратиться ко мне с вопросом, не взялся ли бы я написать на какой-либо благочестивый и нравственный сюжет нечто вроде поэмы, где пение было бы соединено с повествованием, причем целое должно быть связано действием, которое сообщало бы вещи живость и не могло бы наскучить.

Я предложил им сюжет Эсфири, сразу же поразивший их, ибо они увидели, что эта история преисполнена величественных уроков любви к богу и отрешенности от мира среди мира.

И я со своей стороны полагал, что без особого труда смогу развить этот сюжет, тем более, что надеялся, не искажая ни одного сколько-нибудь значительного обстоятельства из священного писания (что было бы, на мой взгляд, своего рода святотатством), заполнить все мое сочинение лишь теми сценами, которые, так сказать, уготовал к тому сам бог.

Итак, я приступил к делу и, работая над данным мне планом, заметил, что я до некоторой степени выполняю замысел, который часто приходил мне на ум и заключался в том, чтобы соединить, как в греческих трагедиях, хор и пение с действием и заставить петь хвалы истинному богу ту часть хора, которая у язычников прославляла их ложные божества.

Правду сказать, я отнюдь не думал, что вещь эта может получить ту широкую известность, какую она получила. Но великие истины писания и возвышенная манера, с какой они там изложены, представшие хотя бы несовершенно перед людскими глазами, легко поражают их; к тому же и юные девицы декламировали и пели это произведение с таким изяществом, такой скромностью и с таким благочестием, что оказалось невозможным оставить это тайной их учреждения. И вот детское развлечение стало предметом внимания всего двора и самого короля, который был растроган этим зрелищем и который не мог отказать крупнейшим вельможам в посещении спектакля, с удовлетворением видя по их удовольствию, что можно так же хорошо развлекаться благочестивыми вещами, как и мирскими зрелищами.

Впрочем, хотя я и стремился избежать смешения мирского и священного, но все же полагал, что могу заимствовать две-три черты у Геродота, дабы лучше обрисовать Ассуэра. Ибо я следовал мнению тех многих ученых толкователей писания, которые считают, что этот царь есть не кто иной, как знаменитый Дарий, сын Гистаспа, о котором говорит этот историк. Действительно, они приводят тому ряд доказательств, из коих некоторые показались мне убедительными. Все же я не решился поверить на слово Геродоту, когда он говорит, что персы не воздвигали своим богам ни храмов, ни алтарей, ни статуй и что они обходились без возлияний при жертвоприношениях. Его свидетельство опровергнуто писанием, так же как и Ксенофонтom, гораздо лучше знавшим обычаи и дела Персии, и наконец Квинтом-Курцием.

Можно сказать, что единство места соблюдено в этой пьесе тем, что все действие происходит во дворце Ассуэра. Но вместе с тем, поскольку было выражено желание сделать представление более приятным для

детей, внося известное разнообразие в декорации, это побудило меня не соблюдать единства с тою строгостью, с какой я делал это ранее в своих трагедиях.

Я думаю, что следует предупредить здесь и о том, что хотя в «Эсфирь» есть персонажи мужского пола, эти персонажи изображались девицами со всей благопристойностью их пола. Это было им тем более легко, что в древности одежда персиян и евреев состояла из длинных одеяний, падавших до земли.

Я не смею кончить это предисловие, не воздав должного тому, кто написал музыку, и не признав во всеуслышание, что его песни были одним из наибольших украшений пьесы. Все знатоки согласны в том, что давно уже не слышали арий более трогательных и более отвечающих тексту. Были отдельные люди, считавшие музыку последнего хора несколько длинной, хотя и прекрасной. Однако что стали бы говорить о юных израильтянках, давших богу столько обетов, чтобы избавиться от ужасной опасности, грозившей им, если бы по миновании опасности они вознесли бы ему только скудные благодарения? Они погрешили бы как раз против похвального обычая своей нации, которая не принимала от бога ни одного обещанного благодеяния, не возблагодарив его немедленно же долгими песнопениями: доказательство тому — песнопения Марии, сестры Моисея, Деборы и Юдифи и множества других, которыми полно писание. Говорят даже, что и поныне еще евреи празднуют день, когда их предки были спасены Эсфирью от жестокости Амана.

Действующие лица

- А с с у э р — царь персидский.
Э с ф и р ь — царица персидская.
М а р д о х е й — дядя Эсфири.
А м а н — временщик, любимец Ассуэра.
З а р а — жена Амана.
Г и д а с п — начальник внутренней охраны дворца.
А с а ф — другой начальник.
Е л и с а в е т а — наперсница Эсфири.
Ф а м а р ь — израильтянка из свиты Эсфири.
С т р а ж а царя Ассуэра.
Х о р юных израильтянок.

Действие происходит в Сузах, во дворце Ассуэра.

Б л а г о ч е с т и е произносит пролог.

П Р О Л О Г

Б л а г о ч е с т и е

С небес, где мне дано близ бога обитать,
Я нисхожу сюда, в чертог твой, Благодать.
Здесь для невинности, моей подруги вечной,
Осуществлен приют, надежный и беспечный.
В святых трудах, вдали от суеты мирской
Младое племя здесь руководимо мной.
Я добродетелей в нем возвращаю семя,
Что осветят весь мир, когда настанет время.
Король, чьи подвиги по всей земле гремят,
Мне поручил беречь бесценный этот клад.
Со всех концов страны, от севера и юга,
Сих робких горлиц он собрал под сенью друга,
У врат его дворца дворец им возвели,
Где изобилие и мир они нашли.
Храни же в памяти сей подвиг, боже правый!
Пусть все, что сделал он для вящей божьей славы,
Запишется твоей рукой в одну из книг,
Где блещут имена предизбранных владык!
Ты чутко внималась мне, с полслова понимая, —
Я, Благодетель, я, дочь твоя родная,
Малейший вздох его несу к стопам твоим,
Затем что лишь к тебе любовь владеет им.
Высокий пыл, каким его душа объята,
Распространяется с востока до заката.

Едва ль не каждый день, простершись пред тобой,
Склоняется король венчанною главой,
И, в поклонении творцу не видя срама,
Смущает Гордость он, лобзая плиты храма.
Твоею славою, господь, одушевлен,
За дело правое сражается лишь он.
Корысть и зависть, мир разрушить вознамерясь,
Восстали на тебя и сеют всюду ересь.
Междоусобных распрь огонь везде зажжен:
Все, кажется, бежит твоих святых знамен,
Из ада мрачные исходят испаренья
И самый светлый взор лишают силы зренья.
На камень веры став незыблемой стопой,
Он, только он один, глагол внимает твой
И, дьявола презрев бессильные старанья,
Религии святой поддерживает зданье.
О господи, простри над ним все ту же длань,
Что для него не раз выигрывала брань,
Когда враждой к нему пылавшие народы
Своею кровию багрили Рейна воды.
Все тех же злых врагов я гордость узнаю;
О тот же самый риф разбив ладью свою,
Пришлось им собственной землею поступиться;
Обломки их твердынь крепят его границы.
Ты сына дал ему — помощника в делах,
Способного держать и меч и скиптр в руках.
Победу, как отец, беря себе по праву,
В покорности ему свою он видит славу.
Желания отца считая за закон,
Его врагам несет отчаяние он.
Как дух карающий, что шлет твоя десница,
По слову короля он в ликованьи мчится,
Чтоб молниями стан враждебный опалить
И вновь к стопам отца смиренно их сложить.
Меж тем как в короле нашелся мой отмститель,
Вы, чистых радостей обретшие обитель,

Коль миг покоя есть у царственных сердец,
Спешите пригласить героя в сей дворец,
Представьте перед ним историю Эсфири
И веры истинной победу в древнем мире.
А вы, погрязшие в плену своих страстей,
Вы, жертвы суетных и бредовых затей,
Любители утех веселых и игривых,
Вы, чей не терпит слух речей благочестивых,
Бегите строгости святых моих отрад:
Бог, истина и мир здесь надо всем царят.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПОКОИ ЭСФИРИ

Явление первое

Эсфирь, Елисавета

Эсфирь

Елисавета! Ты? Так значит голос мой
Услышан в небесах — и ты опять со мной!
Из Веньяминова, подобно мне, колена,
Не ты ли, с детства став подругой неизменной,
Под общим игом свой с моим сливала стон
И помогала мне оплакивать Сион?
Как часто я о той поре одна вздыхала!
А ты? О славе ты Эсфири не слыхала?
Полгода тщетно твой разыскивая след,
Я думала, тебя в живых давно уж нет.

Елисавета

Поверив в смерть твою, оплаканную всеми,
В уединеньи я влачила жизни бремя
И скорбных дней моих пресечь желала срок,
Когда, о госпожа, явился мне пророк:
«Ненужной горести отныне сбрось обузы!
Встань, — сказал он мне, — иди скорее в Сузы:

Там в царской роскоши, средь почестей, щедрот,
 Предмет твоих скорбей, Эсфирь теперь живет.
 Рассей, — прибавил он, — Сион, свою тревогу:
 День близится, когда угодно будет богу
 Своей святой руки явить нам торжество,
 И вопль Ираиля доходит до него».
 Он рек, и, радостью и ужасом объята,
 Бегу, — сквозь цепь преград едва прошла в палаты.
 О зрелище! О вид столь радостный очам,
 Достойный длани той, что жизнь спасла отцам!
 Свою невольницу венчает царь надменный,
 Высокомерный перс — у ног еврейки пленной!
 Но как же объяснить все эти чудеса?
 И как направили событие небеса?

Э с ф и р ь

Быть может, и тебе известна участь злая,
 Постигшая Астинь, чье место заняла я,
 Когда во гневе царь, не обуздав свой пыл,
 И ложа и венца ослушницу лишил.
 Но долго, образом жены еще плененный,
 Не мог забыть Астинь властитель непреклонный.
 Пришлось искать везде, вплоть до границ пустынь,
 Ту, что в глазах царя затмила бы Астинь.
 Гонцы от Индии к Эвксину устремились,
 И в Сузах дочери Египта появились,
 И даже скифянки, парфянки — даже те
 Боролись за венец, сужденный красоте.
 В ту пору я росла, умом и сердцем зрея,
 Под мудрым присмотром в дому у Мардохея.
 Ах, всем обязана ему Эсфирь твоя!
 Отца и матери лишилась рано я,
 Но он, исполненный любовью нежной к брату,
 Решил мне заменить родителей утрату.
 Судьбой Израиля глубоко удручен,

Меня, безвестную, из мрака вывел он,
И в руки той, кого, так бережно взлелеяв,
Он вырастил, вложил надежду иудеев.
Высокий замысел на дне души тая,
Пришла я, скрыв от всех, что иудейка я.
Как передать тебе уловки и коварство
Соперниц молодых, оспаривавших царство?
На Ассуэра все свой устремляли взор,
В его глазах прочесть желая приговор.
У каждой — происки, поддержка целой свиты.
Одна хвалила род, издревле знаменитый,
Другая, облачась в затейливый наряд,
Роскошной внешностью пленить старалась взгляд.
Я ж, хитростям чужда и красоте поддельной,
Молилась небесам со скорбью беспредельной.
Но вот велели мне явиться во дворец.
Пред Ассуэром я предстала наконец.
Сердца земных владык лежат в деснице божьей.
Кто чист душой, всегда одержит верх над ложью,
И в прах рассыплется расчеты гордеца.
Царь скромностью пленен был моего лица.
Он на меня смотрел, ни слова не роняя,
И небо, в сторону мою весы склоняя,
Должно быть, в этот миг содействовало мне.
Вдруг, ласково взглянув, изрек он в тишине,
Украшив мне чело своим венцом тяжелым:
«Царицей будь, владей со мною сим престолом».
Восторгу своему желая дать простор,
Осыпал щедро он подарками свой двор,
И, милостей его являя всюду знаки,
Распространялась весть о новом царском браке.
Ах, в эти дни торжеств и радости для всех,
Сгорая от стыда, я позабыла смех.
«Эсфирь, — твердила я, — Эсфирь, ты в багрянице,
Над полумиром ты возвысилась царицей,
А Иерусалим давно порос травой,

Сион, обитель змей, на храм взирает свой,
Разрушенный до тла, где не звучат сегодня
Хвалебные псалмы у алтаря господня!»

Е л и с а в е т а

Ты не поведала царю своих скорбей?

Э с ф и р ь

Не знает он досель народности моей:
Послушная во всем, как прежде, Мардохею,
Я тайны до сих пор царю открыть не смею.

Е л и с а в е т а

Как? Мардохей проник вовнутрь твоих палат?

Э с ф и р ь

Его любовь ко мне сильнее всех преград,
И мудрые его заочные советы
Ко мне находят путь, минуя все запреты:
О сыне менее заботится отец!
Не он ли мне раскрыл, пробравшись во дворец,
Кровавый заговор, что замышляли слуги,
И обязал царя спасением супруге?
Но пламенно любя родимый мой народ,
Сионских дев в чертог ввела я хоровод.
Ведь каждая из них — цветок молодой и нежный,
Как я, заброшенный сюда судьбой мятежной.
В любви к Израилю, вдали от глаз чужих,
С великим тщаньем я воспитываю их.
Устав от суеты, от почестей постылых,
От тяжести венца, в кругу наперсниц милых
К стопам всевышнего склоняюсь робко я,

Вкушая радости иного бытия.
Никто не знает здесь о роде их и вере.
Но время их созвать. Ко мне, Сиона дочери,
Подруги, некогда делившие мой плен,
Краса двенадцати израильских колен!

Явление второе

Э с ф и р ь, Е л и с а в е т а, х о р

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а (*поет за сценой*)

Чей голос кличет нас, сестрицы?

В т о р а я и з р а и л ь т я н к а

По нежности, звучащей в нем,
Царицу узнаю.

О б е

Скорее к ней идем:

На кроткий зов царицы
Спешим в ее покой, сестрицы!

В е с ь х о р

(*появляясь на сцене из-за разных кулис*)

На кроткий зов царицы
Спешим в ее покой, сестрицы!

Е л и с а в е т а

О боже праведный, откуда этот рой
Прелестных девушек возник передо мной?

Богоизбранного Израиля надежда,
 Как целомудренны ваш облик и одежда!
 Пусть ваш безгрешный вздох восходит к небесам,
 В чертог всевышнего, как чистый фимиами,
 Да вами господа возрадуются взоры!

Э с ф и р ь

Подруги, спойте песнь — ту самую, в которой,
 Сливая скорбь свою с рыданием моим,
 Оплакивали вы наш Иерусалим.

Первая израильянка *(поет одна)*

Где мощь твоя, Сион, где пышное обличье,
 Которыми дивил ты целый свет?
 Ты обратился в прах, и только слабый след
 Мы в памяти храним от твоего величья.
 До неба некогда возвышенный, Сион,
 Ты в глубину низвергся преисподней.
 О, как я скрою скорбный стон,
 Когда, сражен немилостью господней,
 Ты с каждым днем томишь мне душу безысходней?

В е с ь х о р

О иорданские брега! Поля, холмы,
 Сады, возвращенные отцами,
 Прославленные чудесами!
 Ужели вечно будем мы
 Жить под чужими небесами?

Первая израильянка *(одна)*

Увижу ли я вновь твои валы, Сион,
 И башни грозные — до небосвода?
 И с песнями со всех сторон
 На празднества твои спешащие народы?

В е с ь х о р

О иорданские берега! Поля, холмы,
Сады, возвращенные отцами,
Прославленные чудесами!
Ужели вечно будем мы
Жить под чужими небесами?

Явление третье

Э с ф и р ь, Мардохей, Елисавета, хор

Э с ф и р ь

Кто этот человек, проникший во дворец?
Что вижу! Мардохей! Ужели ты, отец?
Не ангел ли, укрыв тебя крылом священным,
Привел сюда путем, от прочих сокровенным?
Но что за мрачный вид, внушающий мне страх,
И это вретище, и пепел в волосах?
С чем ты пришел ко мне?

М а р д о х е й

Несчастливая царица!
Судьба Израиля на днях должна решиться!
Прочти, Эсфирь, прочти чудовищный указ:
Мы все обречены! Пробил наш смертный час!

Э с ф и р ь

О боже... стынет кровь! О замысел злодейский!

М а р д о х е й

Хотят с лица земли стереть народ еврейский.
Аману гнусному мы отданы во власть:

Отточены мечи, чтобы на нас напасть.
 Израиль отдан весь на смерть и разграбленье.
 Аман, амалекит, в своем безбожном рвении
 Свой вес перед царем направил против нас,
 И царь доверчиво скрепил его указ.
 Царь, восстановленный бесстыдною молвою,
 Считает наш народ проказою земною.
 Наместникам послал он письма, и они
 Установили день для роковой резни.
 О небо, стерпишь ли ты этот грех тяжелый?
 Мечи не пощадят ни возраста, ни пола:
 Добычей ястребов и тигров стать должны
 Уже чрез десять дней Израиля сыны.

Э с ф и р ь

Господь, сих замыслов ты видишь вероломство:
 Ужель покинешь ты Иакова потомство?

О д н а и з с а м ы х ю н ы х и з р а и л ь т я н о к
 Иль небеса от нас уж отступились въявь?

М а р д о х е й

Рыдания, Эсфирь, подругам предоставь!
 Все на тебя глядят с надеждой и тревогой:
 Нам надобно помочь, а времени немного:
 Часы бегут, и день тот недалек, когда
 Израильский народ погибнет без следа.
 Полна святым огнем пророческого рвенья,
 Пойди, открой царю свое происхождение.

Э с ф и р ь

Увы, не знаешь ты, насколько строг закон,
 Которым вход к нему всем смертным воспрещен.
 Он в глубине дворцов таит свое величье,

Не кажет никому он царского обличья,
И каждый, кто ему без зова предстает,
На плаху голову отважную кладет.
Лишь тем, чьей гибели не хочет царь напрасной,
Дает он лобызать свой скипетр самовластный.
Равно касается всех роковой запрет,
И нарушителям его пощады нет.
И даже я, Эсфирь, что ближе всех к престолу,
Пред волею царя, как все, склоняюсь долу:
Пойти сама к нему, как ты сейчас сказал,
Я не могу, пока меня он не призвал.

М а р д о х е й

Как! Заговор грозит погибелью отчизне,
А ты заботаешься о собственной лишь жизни!
Глаголет бог, — тебя ж гнев смертного страшит!
Да разве жизнь твоя тебе принадлежит,
А не Израилю, чья кровь в тебе и сила?
Не богу, от кого ее ты получила?
Не для того ль тебя царицей сделал он,
Чтобы тобой народ еврейский был спасен?
Затем ли он избрал тебя рукой державной,
Чтоб целой Азией владела ты бесславно,
Пленяя праздный взор бесплодную красой?
Нет, жребий праведный назначил он иной:
Безропотно пойти на смерть за божье дело —
Для иудея нет достойнее удела!
Будь рада случаю пожертвовать собой!
Деснице господи что в помощи людской?
Вотще, соединясь под властью одною,
Пошли б цари земли на господи войною:
Узрев пресветлый лик в разверстых небесах,
Земное воинство рассыпалось бы в прах.
Моря от одного его бегут дыханья,
Ничтожеством пред ним простерто мирозданье,

А мы, кому судьба быть жертвою могил, —
 Лишь призраки в очах царя небесных сил.
 Амана допустив замыслить преступленье,
 Он этим испытать хотел твое лишь рвенье,
 И, побудив меня к тебе, Эсфирь, придти,
 Он был вожатым мне и светочем в пути.
 Пусть голоса его не слышишь ты покуда, —
 Поверь: мы не одно еще увидим чудо!
 Амана сокрушить, сбить цепи с нас долой
 Он может самою беспомощной рукой,
 А ты, отвергнув сей богом данный случай,
 Как знать, избавишься ль от смерти неминучей?

Э с ф и р ь

Иди: пусть в Сузах все евреи, день и ночь
 Молитвами твою поддерживая дочь,
 Ей крепость даруют спасительной подмоги,
 Пусть трое суток все пост соблюдают строгий.
 Уже сгущается вокруг ночная тень,
 Но завтра, чуть с зарей забрезжит новый день,
 Покорная судьбе, не думая о жизни,
 Я в жертву принесу ее моей отчизне.
 Пока ж уйдите все.

(Хор удаляется в глубину сцены.)

Явление четвертое

Э с ф и р ь, Е л и с а в е т а, х о р

Э с ф и р ь

Владыка мой, господь!
 Я страха пред тобой не в силах побороть!
 В младенчестве отец твердил мне неизменно,

Что ты с Израилем вступишь в союз священный,
И праведный народ решив себе создать,
На наших праотцев простер ты благодать.
Устами, чуждыми людского вероломства,
Ты даже обещал им вечное потомство:
О горе! Твой народ презрел святой завет.
Неблагодарные! В них прежней веры нет.
Забыв союз с тобой, народ прелюбодейный
Несет другим богам свой жар благоговеиный.
В языческом плену должны мы ныне жить.
Но мало быть рабом: нас жаждут истребить!
Враги, стянув ярем на нашей вые туго,
Кричат, что наш позор — их идолов заслуга,
И ныне обратить хотят в небытие
Закон твой, твой народ, святилище твое.
Но, веру умертвив в твоё обетованье,
Злодей обрек бы нас на жизнь без упованья,
Лишил бы лучшего из всех твоих даров:
Мессии, скрытого ещё во мгле веков.
Молю, не потерпи, чтоб лютые народы,
От крови охмелев, лишили нас свободы
Служить тебе, господь, без страха и стыда, —
И посрами богов, не бывших никогда.
А я, живущая одна среди неверных,
Ты знаешь, что боюсь погрязнуть я в их сквернах,
Что почитаю я кощунством пред тобой
Их яства, празднества и всей их жизни строй;
Что суету сует, в которой я тоскую,
И царской власти знак — повязку золотую,
В торжественные дни надетую на мне, —
Я проклиная их с собой наедине;
Что пепел предпочла б я пышному наряду
И лишь в одних слезах я черпаю отраду.
Доселе я ждала, чтоб наступил черед
Предстательствовать мне за избранный народ.
Сей день настал. Раба обета рокового,

*

К владыке грозному явиться я готова.
 Во имя, господи, твое, войду я в пасть
 Ко льву, отвергшему твою святую власть.
 Но ярость усмирив его себе во славу,
 Устрой, чтоб речь моя ему пришлась по нраву.
 Повелеваешь ты и ветру и грозе —
 Направь же гнев его по нужной нам стезе!

Явление пятое

(исполняется пением)

Х о р

Первая израильтянка *(одна)*

Подруги верные, рыданиям и пеням
 Свободный, наконец, дадим исход,
 К горам священным скорбный взор возденем:
 Невинности последний в них оплот.
 О страх! О смертный сполох!
 Израиль гибнет. Кровь в очах, а не слеза:
 Еще не видели глаза
 Таких скорбей и бед тяжелых.

Весь х о р

О страх! О смертный сполох!

Вторая израильтянка

Иль мало нам того, что бранная гроза
 Разрушила Сион? Что среди развалин голых
 Томимся мы в плену и гнемся, как лоза?

Весь х о р

О страх! О смертный сполох!

Т а ж е и з р а и л ь т я н к а

От волка робкая не скроется коза
Ни в поле, ни в горах, ни в долах.

В е с ь х о р

О страх! О смертный сполох!

О д н а и з и з р а и л ь т я н о к

Как тяжкое ярмо, скорей с себя сорвем
Роскошные уборы!

Д р у г а я

Наряд суровый изберем —
Приличный празднику, который
Аман для нас устроит скоро.

В е с ь х о р

Как тяжкое ярмо, скорей с себя сорвем
Роскошные уборы!

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а (о д н а)

Какое множество смертей!
Злодеи не щадят ни старцев, ни детей!
Раскрыла смерть объятья
И гибнут без изъятья
Отец и мать, сестра и братья.
Какое месиво из плоти и костей
Гниет без погребенья,
И праведники на съеденье
Свирепых отданы зверей!

О д н а и з с а м ы х ю н ы х и з р а и л ь т я н о к

Увы, за что должна я
 Пасть жертвой твоего гоненья, злобный рок?
 В начале самом гибнет жизнь младая,
 Как гибнет скошенный цветок,
 С зарею смерть встречая.
 Увы! за что должна я
 Пасть жертвой твоего гоненья, злобный рок?

Д р у г а я

За грех пред господом, содеянный когда-то,
 Мы, жертвы бедные, должны держать ответ.
 Грешили праотцы, но праотцев уж нет,
 И нам за них готовится расплата.

В е с ь х о р

Господь Израилев — бог браней и побед —
 Не стерпит, чтоб его завет
 Невинной кровью оросили.

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а (о д н а)

Чтоб нечестивец молвить мог:
 Так вот каков он, этот грозный бог,
 Чью мощь и крепость вы превозносили!

Д р у г а я

Сей бог ревнивый, страшный всем врагам,
 Народы, ваш решает жребий!
 Сей бог ревнивый, страшный всем врагам,
 Повелевает небесам:
 И гром и молнию на небе
 Не вашим вызывать богам.

Д р у г а я

Он дерзких наказует сам.

Д р у г а я

Он нам защита от насилий.

В е с ь х о р

Господь Израилев — бог браней и побед —
Не стерпит, чтоб его завет
Невинной кровью оросили!

Д в е и з р а и л ь т я н к и

О боже, славою венчанный,
Нетленным светом осиянный,
На крыльях ветров ты паришь,
Ты ангелов берешь своим стопам в опору!

Д в е д р у г и е *(самые юные)*

Ты детским голосам, о господи, велишь
К их присоединиться хору.

В е с ь х о р

Ты ужас зришь, грозящий нам:
Дай нам победу, боже правый,
Чтоб свет твоей бессмертной славы
Не перешел к чужим богам!

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а *(одна)*

Будь нам защитой в бранном споре,
Сойди с оружием, как древле в Чермном море,

Чтобы злодеи гнев узнали твой
В раскатах грома,
Чтоб стали прах они и легкая солома,
Что ветер гонит пред собой.

В е с ь х о р

Ты ужас зришь, грозящий нам:
Дай нам победу, боже правый,
Чтоб свет твоей бессмертной славы
Не перешел к чужим богам!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЗАЛ С ПРЕСТОЛОМ АССУЭРА

Явление первое

Аман, Гидасп

Аман

Как! Утренней зари на небе нет в помине,
А мы с тобой уже на царской половине?

Гидасп

Ты можешь, господин, спокоен быть вполне:
Все двери во дворце послушны только мне.
Идем. Подслушать нас в другом могли бы месте.

Аман

Какие тайные ты мне приносишь вести?

Гидасп

Всех милостей твоих не в силах перечесть,
Давно, мой господин, считаю я за честь
Осведомлять тебя в беседе откровенной
О том, что во дворце творится потаенно.
Царь, кажется, подпал влиянью темных сил:

Ужасный сон его сегодня поразил.
 Меж тем как все спало средь мирного молчанья,
 Раздался страшный крик, потрясший своды зданья.
 Я кинулся к царю. Вперяя взор во тьму,
 Он об опасности, приснившейся ему,
 Несвязно говорил, подозревал всех в мире
 И даже имя вскользь упомянул Эсфири.
 В тревоге и тоске метался он всю ночь,
 Бессонницу вотще стараясь превозмочь,
 И, чтоб прогнать от глаз ужасные картины,
 Велел он принести ему тот свиток длинный,
 Куда в правление его занесены
 Событья мирных дней и грозных дней войны,
 Деянья подданных, заслуга и бесчестье —
 Нетленный памятник любви и вечной мести.
 Царь успокоился немного и сейчас
 На ложе слушает о днях былых рассказ.

А м а н

Но что же привлекло к себе его вниманье?

Г и д а с п

Он приказал прочесть ему повествованье
 О времени, когда счастливый рок возвел
 Его за Киром вслед на Персии престол.

А м а н

Так под влияньем сна он козней ждет злодейских?

Г и д а с п

Он повелел призвать сюда волхвов халдейских,
 Которым волею небесной власть дана

Читать грядущее по темным ликам сна...
Но что с тобой самим сегодня? Без сомненья,
Испытываешь ты какое-то волнение:
Смутило что-нибудь душевный твой покой?

А м а н

Как можешь задавать ты мне вопрос такой?
Предмет и зависти и страха толп несчастных,
Я несчастливее всех смертных, мне подвластных.

Г и д а с п

Кто более тебя обласкан был судьбой?
Смотри: простерся ниц весь мир перед тобой.

А м а н

Весь мир! А между тем один еврей презренный
Мне всюду предстоит, как вызов дерзновенный.

Г и д а с п

Но кто же он, тот враг, тебе пресекающий путь?

А м а н

О Мардохее ты слышал когда-нибудь?

Г и д а с п

Кто? Этот жалкий раб? Вождь мерзкого народа?

А м а н

Он самый

Г и д а с п

Может ли подобная невзгода,
Враг столь беспомощный твой омрачить покой?

А м а н

Наглец унизиться не хочет предо мной.
Напрасно, власканный вниманием владыки,
Со всех сторон почет встречаю я великий:
В то время как, меня завидев издали,
Чело склоняет перс в испуге до земли,
Он, эти почести считая за бесчестье,
Как изваяние сидит на том же месте
И, глядя на меня предерзостно в упор,
С моими взорами свой скрещивает взор.
Когда бы ни входил я в царские чертоги,
С утра до вечера стоит он на пороге;
И даже сон ночной от ложа прочь гоня,
Несносное лицо преследует меня.
Сегодня я сюда явился до рассвета:
Он здесь уже сидел, в отрепия одетый,
Осыпанный золой от головы до пят,
Но гордость прежнюю хранил под пеплом взгляд. —
Ты, без кого никто не ступит здесь ни шага,
Скажи, откуда в нем подобная отвага?
Иль кто-то за него предстательствует здесь?
Чье покровительство питает эту спесь?

Г и д а с п

А кем же сорвана, когда не им, завеса
С кровавых замыслов изменника Фареса?
Царь обещал тогда вознаградить его:
Царь до сих пор еще не сделал ничего.

А м а н

Нет, больше не хочу перед тобой лукавить —
Своей судьбы сумел обиду я исправить.
В неволе с детских лет, я родину забыл
И правлю той страной, куда я продан был.
Богатством я с царем могу сравниться скоро;
Потомство мне в делах надежная опора,
И мне недостает лишь царского венца;
Однако (слепота любого гордеца)
Все эти почести с их счастьем мимолетным
По сердцу лишь скользят касанием бесплотным.—
Меж тем у врат дворца сидящий Мардохей
Волнует сердце мне во много раз сильней,
И мне величие мое невыносимо,
Покамест он живет под солнцем невредимо.

Г и д а с п

Тебя чрез десять дней смущать не будет он:
В добычу ястребам весь род их обречен.

А м а н

О, как мне запастись на эти дни терпением!
Ведь это он меня исполнил жаждой мщенья,
Не захотев головой склониться предо мной.
И этим всех увлек на гибель за собой.
Но мало мне казнить лишь одного еврея:
При попустительстве все могут стать наглее.
Поверь, когда Аман бывает раздражен,
Его законный гнев не ведает препон.
Здесь кары надобны, которых мир не видел:
Умрет не только тот, кто честь мою обидел, —
Народы целые узнают смертный страх.
Пусть скажут некогда в испуганных веках:

«Жил на земле народ, евреев злое племя,
 Между народами рассеянное всеми.
 Один еврей дерзнул Амана вызвать гнев —
 И всех их поглотил нещадный смерти зев».

Г и д а с п

Итак, их гибели не кровь амалекита
 Возжаждала, кипя обидой неизжитой?

А м а н

Я знаю: местию наследственной палим,
 Навеки ненависть питать я должен к ним;
 Я знаю, что скота, не только человека,
 Не пощадил у нас противник Амалека;
 Что понесли тогда мы множество потерь.
 Но вознесясь туда, где нахожусь теперь,
 Я полон помыслов о славе необычной
 И крови голосу внимаю безразлично.
 Виновен Мардохей: мне нужен был пример,
 Чтоб счел Израиля виновным Ассуэр.
 Я ложью действовал, не брезгал клеветою,
 Представил их царю мятежною ордою
 Могущественных, злых, отъявленных врагов,
 Чей бог не признает ничьих иных богов.
 «Зачем, — я восклицал, — терпеть тебе коварство
 Людей, стремящихся твоё разрушить царство?
 Чужие Персии, обычаям страны,
 От человечества всего отщеплены,
 Они повсюду смут и козней сеют семя
 И, презирая всех, равно презренны всеми.
 Обезоружь врагов, разоблачив их ложь,
 Свои сокровища богатством их умножь!»
 Картиной уstraшен предсказанных несчастий,
 Царь перстень мне вручил, верховный символ власти,

И молвил: «Обеспечь спокойствие мое,
Всех истреби дотла, а что возьмешь — твое».
Так на смерть он обрек израильское племя.
Мы вместе с ним резни установили время.
Но казнь предателя лишь через десять дней
Отсрочкой новою терзает сердце мне.
Не знаю, почему душа моя не рада...
Зачем столь долгий срок мне дожидаться надо?

Г и д а с п

Но ведь в твоих руках уже противник твой!
Проси ж, чтоб он тебе был выдан с головой.

А м а н

Я и пришел ловить удобное мгновенье.
Пусть непреклонен царь в раз принятом решении,
Пусть вспыльчивость — его единственный закон,
Пусть наши замыслы ломает в корне он, —
Я буду действовать, нисколько не робея:
В его глазах ничто — жизнь жалкого еврея.

Г и д а с п

Зачем же медлишь ты? Иди и повели,
Чтоб виселицу там злодею возвели.

А м а н

Чу! Шум! Иду. А ты при первом же вопросе...

Г и д а с п

Понятно.

Явление второе

А с с у э р, Г и д а с п, А с а ф, с в и т а А с с у э р а

А с с у э р

Значит, все спасение в доносе
И был бы без него убит ваш властелин?
Уйдите все! Асаф, останься ты один.

Явление третье

А с с у э р, А с а ф

А с с у э р (*сидя на престоле*)

Нет, только силою волшебного внушенья
Изменническое забыл я покушенье.
Когда я выслушал, бледнея, весь рассказ,
Он снова предо мной возник — тот страшный час.
Я вижу, чем убийц окончились попытки,
Какой пред смертью они подверглись пытке.
Но что ж с тем подданным, чей неусыпный взор
Сумел разоблачить ужасный заговор,
Кто указал мне меч, над мною вознесенный?
С защитником страны, в моем лице спасенной,
Чем преданность его была награждена?

А с а ф

Ему обещано за все воздать сполна.

А с с у э р

О, столь больших заслуг преступное забвенье,
Последствие забот и трудностей правленья!

Вседневной суетой властитель поглощен,
И от одних к другим делам стремится он.
Страшит грядущий день, сегодняшний терзает,
Быстрее молнии вчерашний исчезает;
А между тем в толпе, что окружает нас,
Превознося свое усердие каждый час,
Нет никого, — увы! — кто б, сердцем не лукавя,
Снедаем ревностью о нашей вящей славе,
Не столь преступника стремился обличить,
Сколь в нашей памяти заслугу воскресить.
Нет! Пусть останется обида без отмщенья,
Но доблесть получить должна вознагражденье!
Кто жизнь свою отдать способен за царя?
Он жив, тот человек, что, ревностью горя,
Раскрыл измену мне?

А с а ф

Он здравствует поныне.

А с с у э р

Доколь же будет ждать он царской благодетельности?
Где он скрывается от моего лица?

А с а ф

Он каждый день сидит здесь у ворот дворца.
Не требуя себе за подвиг воздаянья,
Он в бедности влачит свое существованье.

А с с у э р

Могу ль спасителя забыть я своего,
Хоть он и позабыл себя? Как звать его?

А с а ф

Ты жизнью, государь, обязан Мардохею.

А с с у э р

Откуда родом он?

А с а ф

Я лгать тебе не смею:
От иорданских вод к Евфрату приведен,
С другими пленными он на смерть осужден.

А с с у э р

Он иудей? Какой позор и стыд отчизне!
Ее сыны меня лишить хотели жизни,
А чужеземец занесенный меч отвел!
От перса иудей спасает мой престол!
Ну что ж? Кто б ни был он — нет места недоверью!
Эй, кто там?

Явление четвертое

А с с у э р, Г и д а с п, А с а ф

Г и д а с п

Государь?

А с с у э р

Вгляни: за этой дверью
Не ждет ли кто-нибудь из моего двора?

Г и д а с п

Аман находится там с самого утра.

А с с у э р

Пускай войдет сюда, он мне всегда полезен.

Явление пятое

А с с у э р, А м а н, Г и д а с п, А с а ф

А с с у э р

Приблизься, ты, чей вид моим очам любезен,
Опора царская, чей разум и дела
Столь облегчают вес державного жезла.
Мне душу тайное терзает угрызенье.
Всем бескорыстное твое известно рвенье,
Ни разу уст твоих не осквернила ложь,
Ты пользу царскую единственно блюдешь.
Скажи: как поступить с тем подданным мне надо,
Кого почтить хочу я вышею наградой?
Какой блистательный ему бы дать залог
Благоволения за преданность я мог?
Признательность моя настолько необычна,
Что измеряется лишь властью безграничной.

А м а н (*в сторону*)

Речь о тебе самом, Аман, я поведу:
Кого, как не тебя, имеет он в виду?

А с с у э р

Что скажешь?

*

А м а н

Государь, я в сильном затрудненьи:
 Припомнив прадедов твоих обыкновенье,
 Прилежно в памяти всех перебрал чредой,
 Не вижу, кто б из них сравниться мог с тобой:
 В потомстве ты уже снискал себе бессмертье...
 Ты хочешь наградить великое усердье?
 Что ж — только почести сердцам высоким льстят.
 Вели же облачить счастливец в твой наряд,
 Позволь ему надеть твой пурпур драгоценный,
 Укрась его чело тиарою священной
 И, усадив его на лучшего коня,
 По Сузам прикажи водить в течение дня,
 А в довершение величия и славы —
 Знатнейший из вельмож и богачей державы,
 Чья в государстве власть твоей почти равна,
 Пусть держит под уздцы лихого скакуна
 И, рядом шествуя в роскошной багрянице,
 Пусть кликом огласит все площади в столице:
 «Глядите, смертные, и постирайтесь ниц:
 Так награждает царь ему угодных лиц!»

А с с у э р

Премудрость, вижу я, совет тебе внушает:
 С моею волею вполне он совпадает.
 Иди ж — и до того, как наступила ночь,
 Все сказанное мне исполни сам точь в точь.
 Пусть доблесть оживет, в забвеньи не кося: —
 У врат дворца возьми еврея Мардохея, —
 С твоею помощью вознаградив его,
 Я добродетели доставлю торжество.
 Пусть именем его гремит моя столица
 И встречный до земли спешит пред ним склониться.
 Ступай же!

А м а н *(в сторону)*

Боги!

Явление шестое

А с с у э р

Столь неслыханная мзда
Не снилась смертному, должно быть, никогда.
Но чем блистательней за подвиг награждение
И чем сильней мое к евреям отвращенье,
Тем убедительней докажет сей пример,
Что быть признательным умеет Ассуэр.
Я правосудие свое явлю пред всеми
И все же истреблю отверженное племя.
Его злодейства...

Явление седьмое

А с с у э р, Э с ф и р ь, Е л и с а в е т а, Ф а м а р ь, ч а с т ь
х о р а

*Эсфирь входит, опираясь на руку Елисаветы; четыре израиль-
тянки держат подол ее платья.*

А с с у э р

Чу? Шаги... Кто, дерзкий, мог
Без разрешения переступить порог?
Эй, стража!.. Ты, Эсфирь? Не дожидаясь зова?..

Э с ф и р ь

Подруги, вымолвить я не могу ни слова.
Я падаю...

(Падает в обморок.)

А с с у э р

Эсфирь!.. Как необычен вид
Внезапной бледностью покрывшихся ланит!
Чего страшишься ты, Эсфирь, в моем чертоге?
Не для тебя введен порядок этот строгий.
Живи! Сей грозный жезл, протянутый тебе,—
Знак милосердия к твоей, Эсфирь, судьбе.

Э с ф и р ь

Чей голос ласковый мне жить повелевает
И душу беглую вновь телу возвращает?

А с с у э р

Ужели голос мой ты позабыла вдруг?
Приди в себя скорей: тебя зовет супруг.

Э с ф и р ь

Владыка, с трепетом люблюсь я священным
Величьем, на твоём лице запечатленным.
Суди же сам, с какой боязнью и тоской
Я зрю твоё чело, разгневанное мной.
На троне, молниями и громом окруженном,
Внушаешь ужас ты не только робким женам.
Кто б, дерзновенный, мог, не потупляя глаз,
Твой гневный встретить взор, грозивший мне сейчас?
Так божьей ярости пугает нас примета...

А с с у э р

О солнце! Пламенник немеркнувшего света!
Не в силах одолеть смущение свое,
Я видеть не могу волнение ее.
Отбрось же всякий страх, оправься от испуга,

Моя владычица и верная подруга.
Ты мне дороже всех, поверь моим словам:
Полцарства возжелай — и я тебе отдам.

Э с ф и р ь

Возможно ль, чтобы царь, пред кем, влачась во прахе,
Все смертные дрожат в невыразимом страхе,
На жалкую рабу столь ясный кинул взор
И милость на нее безмерную простер?

А с с у э р

Поверь, Эсфирь, сей жезл и упоенье властью
Не много радостей таят в себе, к несчастью:
Величье, почестей неисчислимый ряд
Их обладателя нередко тяготят.
О, только ты, Эсфирь,— одна моя услада!
Ты мне всегда мила, ты мне всегда отрада,
Ты прелестью души пленяешь тем сильней,
Что все невинностью и миром дышит в ней.
Ты горе от меня рукою гонишь властной
И самый мрачный день в день превращаешь ясный.
Клянусь: вступив с тобой в супружеский союз
Светил враждебных мне я менее страшусь.
Ты моего венца такое украшеньё,
Что он самим богам внушает уваженьё.
Ответь мне, не таясь, какая же нужда
Направила, Эсфирь, шаги твои сюда?
Заботы ли тебя какие удручают?
Что твой молящий взор, подруга, означает?
Твои желанья я удовлетворю,
Коль их осуществить судьбой дано царю.

Э с ф и р ь

Премного взыскана твоею добротою,

Я вынуждена пасть к твоим стопам с мольбою:
 Несчастье ль ждет меня, иль правды торжество —
 Зависит, государь, от слова твоего.
 Ты можешь, положив конец скорбям Эсфири,
 Ее счастливейшей из женщин сделать в мире.

А с с у э р

Как любопытства пыл во мне ты разожгла!

Э с ф и р ь

Коль я хоть чем-нибудь была тебе мила,
 Коль благосклонность я твою хоть раз снискала,
 Позволь, о государь, просить тебя сначала
 Сегодня же со мной трапезу разделить
 И к нашему столу Амана допустить.
 В его присутствии молчанье я нарушу,
 Затем что лишь при нем открыть хочу я душу.

А с с у э р

В смятение меня повергла речь твоя,
 Но все, что хочешь ты, Эсфирь, исполню я.

(Свите)

Пускай передадут Аману, что царица
 Его зовет к столу и должен он явиться.

Г и д а с п

За дверью собран сонм халдейских мудрецов;
 Для толкованья сна сошедшихся на зов.

А с с у э р

Таинственного сна я жажду знать значенье;
 Он и к тебе, Эсфирь, имеет отношенье,

Пойдем! К беседе их прислушавшись тайком,
Ты мнение свое мне выскажешь потом.
Нам надо происков страшиться вероломных.

Э с ф и р ь

Идем, Фамарь. А вы, толпа наперсниц скромных,
Среди язычников не бойтесь ничего
И дожидайтесь здесь прихода моего.

Явление восьмое

(частично исполняется декламацией, частично — пением)

Е л и с а в е т а , часть хора

Е л и с а в е т а

О сестры, что несет для нас судьбы решение:
Амана иль Эсфирь победа ждет?
Кто — человек иль провиденье —
Событий предрешит исход?
Вы видели, как ярости великой
Вдруг приступ овладел разгневанным владыкой?

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а

Метали молнии на нас его глаза.

Д р у г а я

А голос походил как бы на гром ужасный.

Е л и с а в е т а

Но чьею же рукою властной
Рассеяна столь страшная гроза?

Первая израильтянка *(поэт)*

Что с ним произошло за этот миг короткий?
 Из льва рычащего он стал ягненок кроткий.
 Слепую ярость в нем так быстро побороть
 Мог только наш господь.

Хор *(поэт)*

Слепую ярость в нем так быстро побороть
 Мог только наш господь.

Та же израильтянка *(поэт)*

Людской послушен воле,
 По руслу новому ручей уже течет
 И, благодать своих распределяя вод,
 Животворит сухое поле.
 Сердцам царей, о наш верховный судия,
 Не так ли кажет путь рука твоя?

Елисавета

О сестры, злобные меня пугают тени,
 Которыми взор царский омрачен.
 Как ложной верою владыка ослеплен!

Первая израильтянка

Лишь идолам своим хвалу возносит он!

Другая

Он звезды, коими украшен небосклон,
 Предметом сделал поклоненья.

Д р у г а я

В его дворце — лишь их изображенья.

Х о р *(поет)*

Несчастный, истинным ты богом пренебрег,
Чтоб прах лобзать у идоловых ног.

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а *(поет)*

Рассей, господь, сей сумрак необорный.
Когда ж твоих святых ты тронешься мольбой?
Покров спадет ли роковой,
Над всей вселенною нависший ночью черной?
Рассей, господь, сей сумрак необорный
И нам опять свой лик открой.

О д н а и з с а м ы х ю н ы х и з р а и л ь т я н о к

О сестры, тише! Враг Израиля упорный
Подслушать может нас и выдать с головой.

Е л и с а в е т а

Как! Авраама дочь, ужели страх позорный
Сковать язык способен твой?
А если бы Аман, меч обнаживши острый,
Стал смертью вам грозить, напав в глухом углу,
Ужель на всемогущего хулу
Из ваших робких уст исторг он, сестры?

Д р у г а я и з р а и л ь т я н к а

А если б Ассуэр во гневе повелел
Чтоб каждый, кто не захотел

Пасть ниц пред идолом безгласным,
 Подвергнут пыткам был ужасным,
 Какой ты выбрала б удел?

Ю н а я и з р а и л ь т я н к а

Ужели господу изменницей я стану?
 Ужель к нему любовь предать бы я могла
 И поклониться бы пошла
 Из древа вытесанному истукану?

Х о р (поет)

Кто поклоняется богам рукотворенным,
 Возносит тщетные мольбы:
 Кумирам и язычникам презренным
 Сужден позор и правый гнев судьбы.

И з р а и л ь т я н к а (поет)

Устами, сердцем,— всем хочу я существом
 Прославить господу, чьей милостью жива я,
 О нем я думаю одним,
 В унынье ли, в тревогу ли впадая.
 Жизнь за него отдать — не жертва ли благая?
 Устами, сердцем,— всем хочу я существом
 Прославить господу, чьей милостью жива я.

Е л и с а в е т а

Богопротивника чужда мне слава злая.

Д р у г а я и з р а и л ь т я н к а

Пусть счастьем грешника завидует другая.

Е л и с а в е т а

Вся жизнь его — лишь празднеств ряд,
Ткан золотом его наряд.
Гордец, богач, ни в чем не знает он препоны.
Слышал ли кто-нибудь, чтоб издавал он стоны?
Под звуки музыки живет он средь услад,
Беспечно в негу погруженный.

Д р у г а я и з р а и л ь т я н к а

А чтобы счастье продлить,
В своем потомстве он мечтает вечно жить;
За трапезой его смеющиеся чада
Пьют кубок, до краев наполненный отрадой.

(Все последующее исполняется пением.)

Х о р

Блажен преуспевающий народ,
Чье изобилие не ведает предела,—
Но не блаженнее ли тот,
Что господу небес доверился всецело?

И з р а и л ь т я н к а *(одна)*

Не ставя похотям своим преград,
Безумец попусту себя изводит:
Он горечь лишь находит
Среди любимых отрад.

Д р у г а я *(одна)*

У нечестивца нет спокойствия ни в чем:
Непостоянством он своим терзаем вечно.
Мы счастье полное найдем
В тиши души простосердечной.

Т а ж е *(вместе с другой)*

О сладкий мир!
 О красоты предвечной
 Источник бесконечный!
 Как счастлив тот, кому ты стал кумир.
 О сладкий мир!
 В чьем сердце ты,— тот на земле не сир!

Х о р

О сладкий мир!
 О красоты предвечной
 Источник бесконечный!
 В чьем сердце ты,— тот на земле не сир!

Т а ж е *(одна)*

От нечестивца мир как от чумы бежит,
 Найти спокойствие он никогда не может!
 Снаружи меч ему грозит,
 Внутри же угрызенье гложет.

Д р у г а я

Что слава грешников? Лишь мимолетный дым.
 Любой из них могилой поглотится.
 Но заповедям кто последовал твоим,
 Воскреснет, господи, светлее, чем денница.

Х о р

О сладкий мир!
 В чьем сердце ты,— тот на земле не сир!

Е л и с а в е т а *(перестав петь)*

В соседней комнате я слышу шум, сестрицы,
 Нас кличут, кажется. Идем в покой царицы.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ТЕАТР ПРЕДСТАВЛЯЕТ САД ЭСФИРИ И ЧАСТЬ ЗАЛА,
ГДЕ ПРОИСХОДИТ ПРАЗДНЕСТВО

Явление первое

Аман, Зара

Зара

Так, значит, здесь они,— Эсфири пышный сад
И пиршественный зал, пленяющий мой взгляд.
Дверь заперта еще: ты можешь на досуге
Советы выслушать встревоженной супруги.
Во имя брачных уз, связавших нас с тобой,
Прошу, мой господин, слепую ярость скрой.
Рассей на лбу своем угрюмые морщины:
Укоров подданных не терпят властелины.
Один ты приглашен к столу из всех вельмож,
Но счастья своего совсем не сознаешь.
«Ты скорбью удручен,— утешься благостыней»,—
Тебе твои слова я повторяю ныне.
Кто оскорбления не может пережить
И под личиною свой истый облик скрыть,—
Пускай от царских глаз подальше отстранится.
С помехами мудрец умеет примириться:
Нередко от умно проглоченных обид
Дорога к почестям неслышанным лежит.

А м а н

О скорбь! Мутится ум, кровь холодеет в жилах.
О стыд, который я перенести не в силах!
Презренный иудей, последний из людей,
Был в пурпур царственный одет рукой моей!
Победу надо мной враг одержал заклятый,
И торжества его я главный был глашатай.
Предатель! Он еще глумился надо мной,
А с ним и весь народ, позор увидя мой,
Насмешливо мое вслух обсуждал смущенье,
В нем знаки черпая Аманова паденья.
Жестокий царь! Так вот каких ты ждал забав!
Под видом милостей ты свой лишь тешил нрав,
Чтоб дать почувствовать мне волю самовластья
И раздавить меня под бременем несчастья.

З а р а

Зачем так зло его намеренья судить?
Он дело доброе хотел вознаградить.
И не достойно ли, напротив, удивленья,
Что через столько лет пришло вознагражденье?
К тому же воплотил он в жизнь лишь твой совет:
Ты сам виновник всех тебя постигших бед.
От первой в Персии, вслед за царем, особы
Не мог к еврею ждать он столь бессильной злобы.

А м а н

Он знает, как ему служил амалекит,
Забывший для него и честь, и страх, и стыд;
Что с сердцем каменным я власти нес повинность,
Законы попирал и угнетал невинность,
Что неприязню я персов пренебрег
И на смерть за него не раз себя обрек.

И вот цена моим усилиям благородным:
Меня посмешищем он сделал всенародным!

З а р а

Послушай, мы одни. К чему самообман?
Усердие, каким ты славишься, Аман,
Твоя приверженность престолу и отвага —
Не личное ль твое преследовали благо?
Вот первый же пример: Израиля сыны
Не в жертву ль прихоти твоей обречены?
Ты думаешь, никто твоих злодейств не видит?
Двор не выносит нас, народ нас ненавидит,
И этот иудей на царском скакуне
Тревогу тайную уже внушает мне.
Несчастья толпой приходят к человеку;
Израиль был всегда враждебен Амалеку.
Из легких неудач спеша извлечь урок.
Быть может, поворот судьбы уж недалек;
Для каждого из нас ее коварство грозно:
Предупреди его, пока еще не поздно.
Какою ты еще пленился высотой?
Я пропастей страшусь, разверстых предо мной:
Падение должно отныне быть ужасным.
Направь свои стопы путем не столь опасным:
Уйди за Геллеспонт, в пределы той земли,
Куда кочевники — твои отцы — ушли,
Когда, за прежнюю обиду мстя, евреи
Изгнали их мечом из скорбной Идумеи.
Беги от роковых своей судьбы невзгод.
Свои сокровища отправим мы вперед;
Я смело пред тобой за весь отъезд отвечу,
Особенно детей я бегство обеспечу —
Пусть только ото всех наш замысл будет скрыт,
И с радостью жена за мужем поспешит.
Поверь мне: на море слепые ураганы

Не столь опасны нам, как этот двор обманный.
Но посмотри: Гидасп спешит, я вижу, к нам.

Явление второе

А м а н, З а р а, Г и д а с п

Г и д а с п

Мой господин, тебя царь ожидает там.
Твое отсутствие веселья пир лишает,
И Ассуэр тебя к царице приглашает.

А м а н

А Мардохей к столу Эсфири приглашен?

Г и д а с п

Ужели и теперь тебя смущает он?
Как? Вечно занят ум твой жалким иудеем?
Пусть радуется он своим пустым трофеям.
Не думает ли он крутых избежать мер?
Не полон ли к тебе доверья Ассуэр?
Он, рвенье наградив, накажет преступленье:
На агнце жертвенном ты видишь украшенья,
И при содействии Эсфири можешь ты
Осуществить свои заветные мечты.

А м а н

О счастье! О венец столь длительных усилий!

Г и д а с п

Халдейские волхвы, я слышал, объявили,
Что чужеземцем меч уж вынут из ножен

И над царицею преступно занесен.
Не в силах будучи напасть на след злодеев,
Царь в гнусном замысле винит одних евреев.

А м а н

Они все — изверги как на подбор, поверь;
Но дерзкий их вожак свиреп, как хищный зверь.
Не знаю, как земля выносит их доселе:
Избавить мир от них — нет благородней цели.
Ах, камень спал с души! Прощай, жена моя.

Г и д а с п

Царицыных подруг как будто вижу я:
Должно быть, пиршество откроется их хором.
Вступи ж как чтимый гость в чертог, любезный взорам.

Явление третье

(Исполняется без пения)

Е л и с а в е т а , х о р

О д н а и з и з р а и л ь т я н о к

Аман!

Д р у г а я

Да, это он. Меня объемлет страх.

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а

От ужаса мое застыло сердце.

*

Д р у г а я

Израиля высокомерный враг!

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а

Гонитель лютой иноверцев!

Е л и с а в е т а

Могла ль жестокого я не узнать чела?
Надменность на его запечатделась лице.

И з р а и л ь т я н к а

Всегда в его очах я гнев читаю дикий.

Д р у г а я

Смерть в нем надежного союзника нашла.

О д н а и з с а м ы х ю н ы х и з р а и л ь т я н о к

Не знаю, предвкушал ли тигр добычи сладость,
Иль взглядом яростным смутилась, сестры, я?
Но взор столь хищную избличал в нем радость,
Что и теперь хладеет кровь моя.

Е л и с а в е т а

Как обнаглеет он от этой новой чести!
Смотрите, сестры, за столом
В гордыне дерзостной он рядом сел с царем,
На самом видном месте.

О д н а и з и з р а и л ь т я н о к

Вы, кто устроили все это торжество,
Что вы готовите для гостя своего?

Д р у г а я

Кровь бедной сироты...

Т р е т ь я

Рыданья скорби страшной...

В т о р а я

Его излюбленное брашно.

Т р е т ь я

Вино любимое его!

Е л и с а в е т а

О сестры, пусть пока замолкнет в нас обида:
Быть может, песнями умилюстивим мы
Владыку, чья гнетет нас тяжкая эгида:
Так скорбь Саулову рассеяли псалмы
Певца избраннейшего, юного Давида.

(Все остальное исполняется пением.)

И з р а и л ь т я н к а

Блажен, блажен народ,
Что под царем живет,
Стремящимся снискать себе любовь вселенной:
Народ и царь такой — равно блаженны.

В е с ь х о р

О мирный отдых! О покой!
Порука вечная в непреходящем счастье,

Когда, враждуя с клеветой,
У справедливости носитель власти
Готов искать совет благой.

*(Следующие четыре куплета исполняются поочередно соло
и хором.)*

И з р а и л ь т я н к а

Царь, сражайся с клеветою:
К ней вражда всегда свята, —
Угрожает клевета
Всей твоей страны покою.
Кровью праведных не сыто
Злое жало клеветы:
Царь, отсутствующим ты
От злоречья будь защитой.
В мире нет страшней созданья:
Эта лживая змея,
В сердце мщение тая,
Вслух твердит о сострадании.
Розами багрянородным
Кривда устилает путь,
Чтобы вслед затем их грудь
Жечь раскаяньем бесплодным.

И з р а и л ь т я н к а *(поет одна)*

Одним дыханием способен ветер могучий
Прогнать бесследно грозовые тучи:
Так вероломного противник языка,
Властитель мудрый гонит прочь клеветника.

Д р у г а я

Склоняюсь я перед царем,
Который покорил себе весь мир мечом.

Но царь, который кривду ненавидит
И в вечной тяжбе бедных с богачом
Слабейшего ни разу не обидит, —
Прекраснее в величии своем!

Д р у г а я

Вдовы он верная защита!

Д р у г а я

Им сирота не позабыта!

В с е в м е с т е

И слезы праведных, которым он оплот,
Он, как алмазы, бережет.

И з р а и л ь т я н к а (одна)

Напрасно, царь, ты благосклонно внемлешь
Наветам гибельным клеветника
И правды не приемлешь.
Не окунется ль в кровь святых твоя рука,
Пока ты сладко дремлешь?
Напрасно, царь, ты благосклонно внемлешь
Наветам гибельным клеветника.

Д р у г а я

Пускай же пред тобой мир вострепещет целый,
Пускай же, славою твоею уstraшен,
Враг не дерзнет вступить в твоей страны пределы,
А посягнув на них, пусть посрамятся он!
Пусть в страхе пред тобой враги робеют,
Пусть длань твоя по ветру их рассеет,

Пусть все их полчища пред воинством твоим
Окажутся детьми в борьбе неравной
И, вторгнувшись в твою страну путем одним,
Пусть тысячью путей уйдут бесславно.

Явление четвертое

А с с у э р, Э с ф и р ь, А м а н, Е л и с а в е т а, х о р

А с с у э р *(обращаясь к Эсфире)*

Есть тайное в твоих речах очарованье,
А скромность — всех твоих поступков увенчанье —
Дороже пурпура и злата, мнится мне.
В какой столь редкий клад был схоронен стране?
В чьем добродетельном ты зародилась лоне?
В каком ты с детских лет воспитана законе?
Но говори скорей, чего желаешь ты:
Осуществлю, Эсфирь, я все твои мечты,
Хотя бы мне пришлось, полмира властелину,
Отдать тебе моих владений половину.

Э с ф и р ь

Столь гордых помыслов я в сердце не таю.
Но если объяснить должна я скорбь свою,
Но если говорить мне царь повелевает, —

(бросается к ногам царя)

Твоя раба ей жизнь оставить умоляет
И пощадить народ, который вместе с ней
Тобою обречен стать жертвой палачей.

А с с у э р *(поднимая ее)*

Стать жертвой? Ты?.. Какой народ? Не разумею.

Дрожу!

А м а н *(в сторону)*

Э с ф и р ь

Знай — дочью я прихожусь еврею;
Тобой предписанных ты знаешь строгость кар.

А м а н *(в сторону)*

О боги!

А с с у э р

О, какой чудовищный удар!
Ты — иудея дочь! Как? Все, что сердцу мило,
Та самая Эсфирь, в ком небо воплотило
Премудрость, чистоту, все естество свое,
Нашла в источнике столь мутном бытие?
О горе!

Э с ф и р ь

Коль моей ты пренебрег мольбою,
Ходатайствую я, владыка, пред тобою,
Чтоб до конца могла я все тебе сказать
И чтоб не смел Аман меня перебивать.

А с с у э р

Я слушаю.

Э с ф и р ь

Господь, низвергни ложь и дерзость!
Евреи, в ком, о царь, одну ты видишь мерзость,
Кого ты признавать не хочешь за людей,
Владели некогда, как все, страной своей
И жребием своим счастливым наслаждались,
Пока единому лишь богу поклонялись.
Сей бог, господь земли и неба, не таков,

Каким он кажется тебе со слов жрецов.
Он вечен. Зримый мир его дыханьем дышит.
Он угнетаемых стенанья всюду слышит,
Всем племенам он дал тождественный закон,
Земных властителей деянья судит он,
И самых мощных царств ужасное крушенье
От одного его зависит мановенья.
От бога сущего уйдя к богам иным,
Народы и цари рассеялись, как дым.
По ассирийскому они узнали плену,
В чем состоять должна расплата за измену.
Но победителей кара в свой черед,
Бог в Кире предызбрал Израиля оплот,
Во чреве матери его назначил миру,
Вручил ему свой гром, облек его в порфиру,
Надменных крепостей раскрыл пред ним врата,
Чтоб всех царей попать могла его пята.
Он гибель храма им припомнил в их столице,
И слезы оплатил нам Вавилон сторицей.
Господни милости прославил всюду Кир,
Евреям даровал спокойствие и мир,
Вернул законы им и чин богослуженья,
Наш храм опять возник из праха разрушенья.
Но мудрого отца полубезумный сын
Богоизбранного царя отверг почин.
Презрев евреев скорбь, ослушник божьей воли
Бездетный умер. Ты сел на его престоле.
Каких ни ждали мы, царь, от тебя щедрот!
Взирает с жалостью господь на свой народ.
Мы думали: вот — царь, он правды друг великий.
Повсюду славил нрав нового владыки,
И клики радостно возносились к небесам.
О боже, долго ли терпеть придется нам,
Чтоб слух властителей к наветам злым склонялся
И счастье общего источник отравлялся?
Из дальней Фракии явившийся дикарь

Тебе жестокости подсказывает, царь.
Советник, ярый враг твоей всемирной славы...

А м а н

Я — враг! О небеса! Какой укор неправый!
Я — преданнейший твой слуга и раб...

А с с у э р

Молчать!

Я с уст твоих не снял безмолвия печать.

Э с ф и р ь

Наш враг перед тобой сорвал с себя личину.
Да, это он! Войдя в доверье к властелину
И рвением горя лишь для отвода глаз,
Он гнев направил твой обманом против нас.
И кто же, как не скиф, сей хищник кровожадный,
Мог подсказать тебе указ столь беспощадный?
Повсюду поданный к смертоубийствам знак
Повергнет целый мир в отчаянье и мрак.
Под именем твоим предатель лицемерный
Исполнит горестью страну неимоверной,
И кровь невинных жертв жестокости его
Ступени обагрят престола твоего.
Но в чем же нас винит наш неприятель злобный?
Зажгли ли мы огонь войны междоусобной?
Иль нас заметили в рядах твоих врагов?
Кто видел под ярмом смиреннее рабов?
Безропотно снося всю тяжесть божьей кары,
Пока готовил ты нам новые удары,
Преследователям предав на муку нас, —
Молили мы творца хранить твой каждый час,
Разрушить замыслы преступников коварных,
Простерши над тобой сень крыльев лучезарных.

По милости его ты славой осиян:
 Он подчинил тебе индусов и парфян,
 Гнал скифов пред тобой ордою оробелой
 И заключил моря в твоей страны пределы.
 Но лишь еврею он помог разоблачить
 Предателей, тебя собравшихся убить:
 Приемный мой отец предупредил злодейство...

А с с у э р

Как, Мардохей?

Э с ф и р ь

Один из нашего семейства
 Остался он в живых и наш возглавил род:
 В нем, как во мне, царей еврейских кровь течет.
 Питая ненависть к потомству Амалека,
 Чье племя господом отвержено от века,
 Перед Аманом он склонить колен не мог:
 Такие почести царям назначил бог.
 Отсюда — ненависть не только к Мардохею:
 Под именем иным — ко всякому еврею.
 Напрасно награжден тобою Мардохей:
 Аман уже велел воздвигнуть у дверей
 Орудье гнусное для казни всенародной.
 Через час какой-нибудь сей старец благородный,
 Захвачен по его приказу у ворот,
 На виселице смерть позорную найдет.

А с с у э р

Какой ужасный день душа переживает!
 От гнева и стыда вся кровь во мне вскипает.
 Я был игралищем... О небо, надо мне
 Хоть миг с самим собой побыть наедине.
 Но выслушать хочу я также Мардохея,

(Удаляется.)

Израильтякка

О истина, молю, сойди с небес скорее!

Явление пятое

Эсфирь, Аман, Елисавета, хор

Аман (*Эсфири*)

Я на смерть поражен. Какая западня!
Враги Израиля в обман ввели меня.
Клянусь перед тобой всей мощью звездной тверди,
Губя евреев, я спасал тебя от смерти.
Расположить царя в их пользу я бы мог:
Он от решения пока еще далек;
Я изучил вполне его души природу
И вызывать могу любую в ней погоду.
Судьбы Израиля уже мне дороги.
Потребуй — и своей погibelью враги
(Поверь, мои уста нисколько не лукавят)
Ошибки роковой последствия исправят.
Чьей крови хочешь ты?

Эсфирь

Ступай, предатель, прочь!

Ты захотел теперь Израилью помочь?
Презренный! Бьет твой час: отмститель всех страданий,
Господь свои весы уже подьмет в длани
И вскоре мзду воздаст за все твои дела.
Дрожи, злодей: твоя пора уже прошла!

Аман

Да, признаюсь: ваш бог — господь непобедимый.
Но разве хочет он вражды непримиримой?

Ах, гордостью былой уже не обуян,
Пошады принужден вымалывать Аман.

(Бросается к ногам Эсфири.)

Во имя счастья последнего еврея,
Во имя чтимого народом Мардохея,
Молю тебя, на скорбь Аманову возрев,
Свирепого царя смири ужасный гнев.

Явление шестое

Ассуэр, Эсфирь, Аман, Елисавета, хор

А с с у э р

Как! Ног твоих посмел коснуться дерзновенный!
Его смущенный взор — свидетельство измены,
Его растерянность доказывает мне,
Что должно доверять твоим словам вполне.
Пусть наглый лжец, меня предавший без боязни,
У дома своего подвергнут будет казни,
Пусть небу и земле равно угодный вид
Взор отомщенного народа усладит!

(Амана уводит стража.)

Явление седьмое

А с с у э р, Э с ф и р ь, М а р д о х е й, Е л и с а в е т а, х о р

А с с у э р

(продолжает, обращаясь к Мардохею)

Возлюбленный небес и мой спаситель верный,
Твой царь освобожден от клики лицемерной, —
Преступник обличен, рассеялся обман:

Блистай же близ меня, прияв высокий сан,
 Передаю тебе отныне во владенье
 И власть Аманову и все его именье.
 Народу твоему дарю свободу вновь
 И не взыщу с него за вражескую кровь,
 Меж ним и персами не делая различья.
 Я бога вашего готов признать величье,
 Восстановите храм, постройте города:
 Пускай счастливое потомство навсегда
 В обрядах этот день отметит лучезарный,
 Да в памяти его останусь благодарной.

Явление восьмое

А с с у э р, Э с ф и р ь, М а р д о х е й, А с а ф, Е л и с а -
 в е т а, х о р

А с с у э р

В чем дело?

А с а ф

Государь, злодей уже казнен:
 Народом яростным разорван в клочья он,
 По улицам влекут толпою ошалелой
 Остатки жалкие растерзанного тела.

М а р д о х е й

Пусть небо, государь, хранит тебя для нас!
 Израиль в помощи нуждается сейчас.

А с с у э р

Я понял и хочу указом новым сразу
 Дорогу пересечь кровавому приказу.

Э с ф и р ь

О господи, сколь мудр и неисповедим
Положенный тобой путь замыслам твоим!

Явление девятое

Х о р

В е с ь х о р

Господь победу дарует невинным:
Склонимся ж в радости пред властелином!

И з р а и л ь т я н к а

Он видел против нас собравшихся врагов!
Их сонм злодейский был готов
Пролить евреев кровь, как проливают воду,
Но божий глас раздался с небосвода —
И враг надменный поражен,
Стрелюю собственной пронзен.

Д р у г а я

Я поклоненье видела злодею:
Подобно кедру, упирался он
Главою в небосклон;
Он грома направлял на всех рукой своею,
Врага уничтожал он своего...
Пришла я — и в живых уж не было его.

Д р у г а я

Царей легко толкнуть на путь деяний темных:
Кто с обманом незнаком,
Избегает лишь с трудом

Западни в углах укромных;
Не заподозрит тот, кто сердцем чист, в другом
Чувств и мыслей вероломных,
Не рождающихся в нем.

Д р у г а я

Кто тучи разогнал в эфире?

Д р у г а я

Чьей благостной рукой покой вновь создан в мире?

В е с ь х о р

Все это дело рук одной Эсфирь!

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а *(одна)*

Любовью к господу единому полна,
Пойдя навстречу смерти смело,
Раскрыла истину она,
А небеса лишь довершили дело.

Д в е и з р а и л ь т я н к и

Затмила здешних жен Эсфирь красой своей:
Природа ей дала наружность неземную.

О д н а и з н и х

Она пленяет всех невинностью очей:
Кто среди цариц видал красавицу такую?

Д р у г а я

Душевной прелестью она еще милей:
Кто добродетель знал среди цариц такую?

О б е *(вместе)*

Затмила здешних жен Эсфирь красой своей:
Природа ей дала наружность неземную.

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а *(одна)*

Твой бог уже не разъярен.
Возрадуйся, Сион, прах отряхни печальный,
Одежды пленника сбрось с царственных рамен,
Восстань в красе первоначальной.
Долой скорей
Оковы плена!
Израиля колена,
Вспять из-за гор, из-за морей
Вернитесь в лоно родины своей!

В е с ь х о р

Долой скорей
Оковы плена!
Израиля колена,
Вспять из-за гор, из-за морей
Вернитесь в лоно родины своей!

П е р в а я и з р а и л ь т я н к а

Увижу снова я поля родные...

Д р у г а я

Оплачу я могилы дорогие...

В е с ь х о р

Вспять из-за гор, из-за морей
Вернитесь в лоно родины своей!

Первая израильтянка (одна)

Восстановите храм из праха заупустенья:
В нем поклоненья ждет всех царствующих царь.
Пусть золотом его украсится алтарь,
Пусть мрамор извлекут из горных недр, как встарь,
Столетних кедров вновь, Ливан, сбрось облаченье!
Священники, готовьте песнопенья!

Д р у г а я

Господь нисходит к нам, небес покинув высь:
Земля, дрожи от радости и страха.
Пред славою его — до праха
Ты, небо, преклонись!

Д р у г а я

Как благ господь! Его ярмо неощутимо.
Счастлив, кто смолоду успел его познать.
О девы, вас зовет наш властелин любимый.
Спешите! С радостью земною несравнима
Высоких радостей духовных благодать.

Э с ф и р ь

Как благ господь! Его ярмо неощутимо.
Счастлив, кто смолоду успел его познать.

Д р у г а я

Он полон всепрощенья:
На лоно правды возвращенья
Отступников он ждет;
Он, наши слабости прощая,
Нисходит к нам с высот Синая:

•

Во чреве выношенный плод
Лелеет меньше мать родная.
Иных богов любить не может наш народ.

Т р и и з р а и л ь т я н к и
Победу громкую он нам сейчас доставил.

О д н а и з т р е х
Он мощь свою опять прославил.

В с е т р о е *(вместе)*
Иных богов любить не может наш народ.

В е с ь х о р
Благословен вовек господь наш Саваоф!
Да славятся его творенья
Из поколенья в поколенья
И до скончания веков!

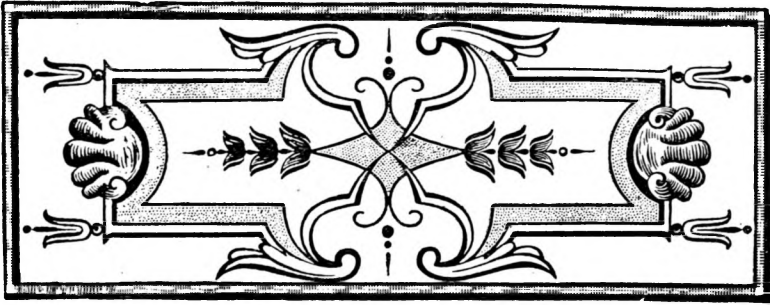

Я И В Л А Т А

A T H A L I E
(1691)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всем известно, что царство Иудейское состояло из двух колен — Иуды и Вениамина и что десять других колен, восставших против Ровоама, образовали царство Израильское. Так как цари иудейские происходили из рода Давидова и им по наделу принадлежали и город, и храм иерусалимский, то к ним примкнули все священники и левиты, которые и остались с ними связанными. Так как со времени построения храма Соломонова было запрещено производить жертвоприношения в других местах, то все остальные алтари, воздвигнутые богу на горах, названных поэтому в писании «высоками», не были ему угодны. Таким образом, законное отправление веры существовало только в Иудее. Десять же колен, исключая очень небольшое число людей, были или идолопоклонниками, или схизматиками.

Впрочем, эти священники и левиты сами составляли многочисленное колено. Они были разделены на различные группы, чтобы по очереди служить в храме, от одной субботы до другой. Священники были из рода Ааронова, и только члены этого рода могли совершать жертвоприношения. Левиты были им подчинены, и на их обязанности, между прочим, лежало пение, приготовление жертв и охрана храма. Впрочем, иногда

название левита давалось без различия всем представителям этого колена. Все, кто был занят служением данную неделю, помещались, как и первосвященник, в портиках и галлерейх, окружавших храм и составлявших часть самого храма. Все здание в целом называлось святилищем. Но по преимуществу этим именем обозначалась внутренняя часть храма, где находились золотой семисвечник, алтарь для курения и столы с хлебами предложения; эта же часть в свою очередь отличалась еще от «святого святых», где находился ковчег и куда только первосвященник имел право входа один раз в год. Было распространено довольно твердое предание, что гора, на которой стоял храм, была тою самою горой, где некогда Авраам хотел принести в жертву сына своего Исаака.

Я счел нужным разъяснить все эти частности, дабы облегчить чтение этой трагедии тем, кто недостаточно отчетливо помнит ветхозаветную историю. Сюжетом мне послужило призвание и возведение на трон Иоаса, и я должен был бы по правилам озаглавить пьесу «Иоас». Но так как большинство уже было наслышано о ней под названием «Аталии», то я не решился дать ей другое наименование, тем более, что Аталиа играет в ней столь значительную роль и что именно ее смертью кончается пьеса. Вот часть главных происшествий, предшествующих этому великому событию.

Иорам, царь иудейский, сын Иосафата, седьмой царь из рода Давидова, взял в жены Аталию, дочь Ахава и Иезавели, которые царствовали в Израиле и были оба знамениты, особенно же Иезавель, своими кровавыми преследованиями пророков. Аталиа, не менее нечестивая, нежели мать, вскоре совратила в идолопоклонство и своего царственного мужа и даже заставила его построить в Иерусалиме храм Ваалу, богу стран Тирских и Сидонских, откуда родом была Иезавель. Иорам, после того как погибли на его глазах от рук арабов и

филистимлян все царевичи, его дети, кроме Охозии, умер жалкой смертью от долгой болезни, пожравшей его внутренности. Его зловещая смерть не помешала Охозии подражать в нечестии отцу и Аталии, своей матери. Молодой царь, процарствовав только один год, погиб во время посещения царя израильского, брата Аталии, вместе с домом Ахава: он был убит по приказанию Ииуя, которого бог посвятил через своих пророков на царство во Израиле и избрал орудием своего мщения. Ииуй истребил все потомство Ахава и приказал выкинуть из окна Иезавель, которую, по предсказанию Илии, пожрали псы в винограднике того самого Навуфея, которого когда-то она приказала умертвить, чтобы завладеть его наследством. Аталия, узнав в Иерусалиме про все эти убийства, задумала в свой черед истребить в корне род царя Давида, умертвив всех детей Охозии, своих внуков. Но, по счастью, Иосавет, сестра Охозии и дочь Иорама от другой матери, не Аталии, придя как раз в то время, когда удушали царевичей, ее племянников, сумела похитить из среды умерщвляемых грудного младенца Иоаса и доверила его, вместе с его кормилицей, заботам первосвященника, своего мужа, который укрыл обоих в храме, где ребенок воспитывался тайно до того дня, когда был провозглашен царем иудейским. Книга Царей говорит, что это было семь лет спустя. Но греческий текст «Паралипоменона», которому следовал Север Сульпиций, говорит, что случилось это восемь лет спустя. Это и позволило мне дать царевичу лет девять-десять, дабы он был в состоянии отвечать на вопросы, ему задаваемые.

Мне думается, я не вложил в его уста ничего такого, что превышало бы понимание ребенка в этом возрасте, обладающего умом и хорошей памятью. Но если бы даже я и зашел несколько дальше, то надо иметь в виду, что ребенок этот необычайный, воспитанный в храме первосвященником, который, видя в нем единственную

надежду своего народа, с ранних лет обучил его всем обязанностям религии и царского долга. С детьми иудейскими обстояло иначе, чем с большинством наших: их обучали священному писанию не только с того времени, когда они достигали способности разуметь его, но, по выражению апостола Павла, с грудного возраста. Каждый иудей был обязан написать раз в жизни собственноручно полностью свиток законов. Цари были обязаны написать его даже дважды, и им было предписано постоянно иметь его перед глазами. Я могу здесь добавить, что Франция в лице королевского отпрыска восьми с половиною лет, составляющего ныне ее лучшую радость, видит блестящий пример того, что может дать в ребенке сочетание счастливых природных данных и превосходного воспитания; и придай я маленькому Иоасу живость и тот же разум, какие блещут в репликах этого юного принца, меня по праву обвинили бы в грехе против законов правдоподобия.

Возраст Захарии, сына первосвященника, не указан, — если угодно, можно предположить, что он на два-три года старше Иоаса.

Я следовал толкованию многих весьма искусных комментаторов, которые доказывают на основании самого текста писания, что все воины, которых Иодай, или Иоад, как он именуется Иосифом Флавием, заставил взять оружие, посвященное Давидом богу, были из числа священников и левитов, так же, как и те пять сотников, которые предводительствовали ими. И действительно, — говорят толкователи, — все должно было быть священным в таком священном деле, и ни один мирянин не должен был участвовать в нем. Надо было не только сохранить власть в роде Давидовом, но еще уберечь этому великому царю его прямое потомство, от которого должен был родиться Мессия. «Ибо этот Мессия, столько раз обещанный как сын Авраама, должен был также быть и сыном Давидовым и всех

царей иудейских». Потому-то знаменитый и ученый прелат (господин де Мео-Боссюэ), у которого я заимствовал эти слова, называет Иоаса драгоценным остатком рода Давидова. Иосиф говорит о нем в тех же выражениях. И писание определенно указывает, что бог не истребил всего семейства Иорама, желая сохранить Давиду светоч, ему обещанный. А светоч этот, что он есть, как не свет, которому надлежало однажды возгореться перед народами?

История не уточняет дня, когда Иоас был провозглашен царем. Некоторые толкователи склоняются к тому, что день этот был праздничным. Я выбрал день Пятидесятницы, который был одним из трех великих еврейских праздников. В этот день чтли память о провозглашении завета на горе Синайской, но вместе с тем приносили в жертву богу первые хлебы нового урожая, что и позволило называть этот день праздником первин. Я надеялся, что эти обстоятельства дадут мне возможность внести некоторое разнообразие в песни хора.

Этот хор составляют девушки из колена Левия, и во главе их я ставлю девушку, которую делаю сестрой Захарии. Именно она приводит хор к своей матери. Она поет с ним, ведет за него диалог и выполняет все обязанности того персонажа из хора древних, который именовался корифеем. Я попробовал также, в подражание древним, создать непрерывность действия, которое позволяло им не оставлять сцену пустой: промежутки между актами отмечены только гимнами и поучениями хора, имеющими непосредственное отношение к тому, что происходит.

Может быть, меня укорят в излишней дерзости за то, что я осмелился вывести на сцену пророка, вдохновляемого богом и предсказывающего будущее. Но я вложил в его уста из предосторожности лишь выражения, заимствованные у самих пророков.

Хотя в писании и не говорится точно, что у Иодая был дар пророчества (это говорится про его сына), все же он представлен человеком, преисполненным духом Божиим. И кроме того, не явствует ли из Евангелия, что он мог пророчествовать в качестве первосвященника? Я полагаю поэтому, что он предвидит злополучную перемену в Иоасе, который после тридцати лет благочестивого царствования поддался дурным советам льстецов и обагрил себя кровью Захарии, сына и преемника первосвященника. Это убийство, совершенное в храме, было одной из главных причин гнева Божия против евреев и всех несчастий, постигших их впоследствии. Утверждают даже, что именно с этого дня окончательно прекратились ответы Божии в «святая святых». Это и дало мне повод ввести последующее предсказание Иодая о разрушении храма и о гибели Иерусалима. Но так как пророки присоединяют обычно к угрозам утешения и так как кроме того речь идет о воцарении одного из предков Мессии, — я воспользовался случаем дать прозреть пришествие этого утешителя, по которому вздыхали все древние праведники. Эта сцена — в известной мере вставная — вводит очень естественно музыку, ибо многие пророки не раз впадали в священное исступление при звуках инструментов: об этом свидетельствует толпа пророков, шедших впереди Саула с арфами и лирами, несомыми перед ними; свидетельствует об этом и сам Елисей, который на вопрос царя иудейского и царя израильского о будущем сказал, как здесь говорит Иодай: «Adducite mihi psaltem». ¹ Добавьте, что пророчество это сильно повышает напряженность пьесы ужасом и разными душевными движениями, в которые оно ввергает хор и главных действующих лиц.

¹ Приведите мне лирика.

Действующие лица

И о а с — царь иудейский, сын Охозии.

А т а л и я — вдова Иорама, бабка Иоаса.

И о д а й — первосвященник.

И о с а в е т — тетка Иоаса, супруга первосвященника.

З а х а р и я — сын Иодая и Иосавет.

С у л а м и ф ь — сестра Захарии.

А б н е р — один из военачальников иудейских царей.

А з а р и я, И с м а и л и три другие начальника священников и левитов.

М а ф а н — священник-отступник, жрец Ваала.

Н а в а л — наперсник Мафана.

А г а р ь — женщина из свиты Аталии.

Священники и левиты.

Свита Аталии.

Кормилица Иоаса.

Хор юных дев колена Левия.

Действие происходит в Иерусалимском храме, в преддверии покоев первосвященника.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Явление первое

И о да й, А б н е р

А б н е р

Да, я пришел во храм — предвечного почтить;
Пришел мольбу мою с твоей соединить,
День приснопамятный издревле поминая,
Когда дарован был Завет с высот Синая.
Как изменился век! Бывало, трубный глас
Возврат святого дня вещал в рассветный час,
И, ширясь, все росла, подобно волнам моря,
Толпа израильтян в украшенном притворе;
И каждый, пред алтарь вводимый в свой черед,
Неся в руках своих полей созревший плод,
Первину жертвовал зиждителю вселенной;
И не хватало слуг для трапезы священной.
Но дерзость женщины нам горе принесли
И дни прекрасные сменила днями зла.
Как мало верных чад идет склонить колени,
Давно отшедших дней пытаюсь вызвать тени!
Но остальной народ прельстился иль отпал;
У чуждых алтарей им ныне чтим Ваал,
И к службам мерзостным иные столь стремятся,
Что господа отцов хулят как святотатцы.

Не скрою: страшно мне, что Аталии гнев,
Тебя от алтаря отторгнет, осмелев,
Что утолить она захочет жажду мщенья
И сбросит наконец личину уваженья.

И о д а й

Куда ведет тебя предчувствий мрачных нить?

А б н е р

Иль безнаказанно возможно правым быть?
Какую ненависть возжег в царице ярой
Твой непреклонный лик, украшенный тиарой!
А то, что ты блюдешь завет отцов и честь,
К мятежникам тебя заставило причесть;
Но более она в гордыне беспримерной
Питает ненависть к твоей супруге верной.
Сан Аарона ты по праву заступил,
А брат Иосавет — нам царь последний был.
Мафан, Мафан еще, — вероотступник злобный,
Царице завистью и низостью подобный, —
За ней повсюду он свой направляет шаг;
Он — добродетели непримиримый враг.
Но в капище чужом ему, как видно, мало
Повязки жреческой служителей Ваала;
Его безбожию несносен этот храм
И ненавистен бог, кого он предал сам.
Он гнусный замысел в душе лелеет черной:
Порою жалобой, а то хвалой притворной,
Искусный лицемер, он строит козней ряд
И, в сердце желчь копя, своим наветам рад:
То втайне на тебя возводит подозренье,
То, жажде золота не зная утоленья,
Царице шепчет он, приняв смиренья вид,
Что ты сокрыл казну, ту, что собрал Давид.

И вот уже два дня как гордая царица
 Тоскою сумрачной как будто бы томится.
 Следя за ней вчера, я мог подметить сам,
 Что в ярости на наш она взирает храм,
 Как будто мнится ей: то — божия обитель,
 Где, ей на страх, давно таится грозный мститель.
 Поверь словам моим: не сомневаюсь я,
 Что гнев ее готов излиться на тебя,
 Что час уж недалек, — и дочь Иезавели
 Проникнет и во храм, стремясь к кровавой цели.

И о д а й

Кто наложил узду на ярость бурных вод, —
 Злодеев замыслы пресечь сумеет тот.
 Блюдя веление его святого слова,
 Я бога лишь боюсь — и никого другого!
 Но все же я, поверь, ценю усердья пыл,
 С каким ты мне глаза на напасти раскрыл.
 Я вижу: втайне ты неправдой больно ранен.
 Ты сердцем и поднесь прямой израильтянин.
 Хвала творцу! Но гнев, который утаен,
 Дух праздною доблести — достаточен ли он?
 И веру истинной кто назовет без дела?
 Уж восемь лет венцом Давида завладела
 Пришелица, и, нам являя дерзкий лик,
 Купается в крови наследственных владык,
 И, смертью истребив детей родного сына,
 Осмелилась восстать на бога-властелина;
 А ты, кому судьба отчизны дорога,
 С Иосафатом в бой ходивший на врага,
 Кто Иорамом был возвышен в ополченьи,
 Кто успокаивал смятенные селенья,
 Когда Охозия сражен нежданно был
 И в бегство Ииуй все войско обратил, —
 «Я бога, — молвишь ты, — боюсь и чту святыни».

Тебе через меня он отвечает ныне:
«Не мнишь ли ты себя усердьем отличить,
Меня обетами бесплодными почтить?
Такие ли нужны мне жертвоприношенья,
Кровь козлиц и телиц, мольбы и песнопенья?
Царей убитых кровь о мщеньи вопиет,
Сломить, сломить пора нечестия. оплот,
Исторгнуть корень зла из собственного рода,
Чтоб жертвы принял я от своего народа!»

А б н е р

Средь малодушия что значу я один?
Иуда совращен, ослаб Вениамин:
Когда пресекся род царей, что правил нами,
Всей древней доблести в тот день угасло пламя.
Бог отступил от нас, — так говорят они, —
Господь, возвысивший евреев в оны дни;
И, видя, как во прах низверглось их величье,
Он, милость истощив, являет безразличье;
Нет больше знамений из грозных рук его,
Являвших промысла господня торжество;
Ковчег завета нем, пророчеств нет во храме.

И о д а й

Но был ли век иной обильней чудесами?
Так дивно бога мощь не зрелась с давних пор,
Иль будет вечно слеп и загражден ваш взор,
Неблагодарные? Иль знаменьям и слухам
Внимать вы станете с невозмутимым духом?
Иль должен я тебе напоминать, Абнер,
Свершенных в наши дни чудес любой пример,
К царям Израиля гнев и немилость бога,
И как он им грозил, как покарал их строго,
Как за вину свою Ахав наказан был,

Как на отторгнутой земле он кровь пролил,
 И как на той земле Иезавель убита
 И брошена в окно под конские копыта,
 Как кровь ее текла во прахе и пыли
 И телом гнусным псы насытиться могли;
 И лжепророков ряд, всевышним посрамленный,
 На истинный алтарь с небес огонь сведенный,
 Стихии, внемлющие слову Илии,
 Сухие небеса над нивами земли,
 Уж третий год дождей и влажных рос лишенной,
 И Елисеем сонм умерших воскрешенный?
 Все эти знаменья, Абнер, пойми — и верь:
 Таков господь всегда, таков он и теперь;
 Он в надлежащий час сиянье славы явит
 И верный свой народ вовеки не оставит.

А б н е р

Но где ж путь почестей, что богом возвещен;
 Тот путь, которым шли Давид и Соломон?
 Увы! Из рода их, всевышним столь любимых,
 Как ожидали мы царей неисчислимых;
 Как ждали мы, что власть один из них прострет
 На племя каждое, на каждый край и род!
 Заставит навсегда умолкнуть шум военный,
 И склонятся пред ним властители вселенной.

И о д а й

Ты на обет небес не хочешь уповать?

А б н е р

Откуда ж нам царя, Давида сына, ждать?
 И небо оживить не может силой горней
 Ствол мощный дерева, иссохшего до корней.

Ведь Аталией был младенец умерщвлен.
Через восемь лет мертвец не будет возвращен;
О, если б на другом ее свершилось дело,
И крови царственной хоть капля уцелела...

И о д а й

Как поступил бы ты?

А б н е р

Как был бы счастлив я,
Как поспешил бы я приветствовать царя!
Все верные сыны к ногам его чредою...
Но тешиться к чему напрасною мечтою?
Наследник горестный прославленных царей
Был лишь Охозия среди своих детей:
От Ииуя стрел он сам погиб в сраженьи,
И ты его детей всех видел истребленье.

И о д а й

Скажу одно: когда небесного пути
Успеет третью часть светило дня пройти
И утра третий час всех призовет молиться,—
Вернись во храм, и пусть твой пыл не умалится.
Благодеянием покажет бог своим,
Что тверд его обет, правдив и нерушим.
Иди; что должно, я к служенью приготовлю.
Уж первый луч зари румянит храма кровлю.

А б н е р

Еще неясно мне, что значит твой ответ,
Но вижу я: к тебе идет Иосавет.

*

Прости; я возвращусь сюда с толпой смиренной
Идущих к алтарю в день праздника священный.

Явление второе

И о да й, И о с а в е т

И о да й

Заветный срок настал, и надо говорить.
Не должно более сокрытое таить.
Враги всевышнего в кощунственном дерзании,
Орудием своим избрав его молчанье,
Твердят, что он своим обетам изменил.
И более! Успех их ярость окрылил.
Царицею жрецам урок коварный задан:
Идоложертвенный принести во храм наш ладан.
Пора явить царя, что был тобой спасен
И в храме под крылом господним возвращен.
Он будет смел, как царь природный Иудей,
Уж юных лет своих он разумом сильнее.
Но прежде чем ему удел его открыть,
Всевышнему его я должен посвятить,
Чтоб пред левитами, священниками всеми,
Назвать того, в ком вновь царей воскресло семя.

И о с а в е т

Знаком ли с саном он и с именем своим?

И о да й

Он знает имя лишь одно: Элиаким,
И думает, что он — подкидыш без прозванья,
Кому я заменил отца из состраданья.

И о с а в е т

Ах, от какой беды он мною был спасен!
Перед какой бедой вновь очутился он!

И о д а й

Ужели и в тебе нет веры в божье слово?

И о с а в е т

Твоим советам я всегда внимать готова.
Спасен младенец мной, но с этого же дня
Тебе доверила о нем заботы я;
И как ни велика любовь, что я питаю,
Его по мере сил я видеть избегаю,
Чтоб, в слабости моей, внезапных слез поток
Всей тайны глубину открыть ему не мог.
Чтоб за судьбу его унять в душе тревогу,
Молилась я три дня, три долгих ночи богу.
И все ж сегодня я хочу тебя спросить:
Кто нам готов помочь, кто может защитить?
Абнер, наш друг Абнер — он явит ли отвагу?
Принес ли он царю законную присягу?

И о д а й

Абнер душою прям, и в нем я убежден,
Но что у нас есть царь, — еще не знает он.

И о с а в е т

Кому же вверишь ты всю честь защиты трона?
Быть может ты избрал Обеда иль Амнона?
От моего отца щедроты им лились.

И о да й

Нет, Аталии все бесчестной продались.

И о с а в е т

Но кто же выступит против наемной свиты?

И о да й

Я говорил не раз: священники, левиты.

И о с а в е т

Ты вокруг себя собрал служителей святых,
 Заботою своею число удвоил их.
 В них Аталия гнев и ужас возбуждает;
 Их клятва меж собой одна соединяет:
 Быть верными царю, что явлен будет им.
 Но, пусть они горят стремлением святым, —
 Достаточно ль их сил, чтоб в грозный час раздора
 Защитою царю стать без иной опоры?
 Едва лишь до дворца слух первый долетит,
 Что здесь во храме сын Охозии сокрыт, —
 Царица соберет наемников отряды,
 Святыню окружит и сломит все преграды.
 Сумеют ли тогда оборониться те,
 Что, руки вознося в безгрешной чистоте,
 Стеная, молятся за наши прегрешенья
 И проливают кровь лишь в жертвоприношенья?
 Быть может, в их руках, изранен, Йоас...

И о да й

А разве сам господь не защищает нас?
 Господь, под чьим щитом охранены сироты,

Дающий слабому и силы, и щедроты;
Господь, что покарал тиранов всех досель,
Кем истреблен Ахав и с ним Иезавель;
Господь, кем Иорам наказан вслед за теми,
Кто и в Охозии преследовал их семя,
Господь, кто мстящую десницу занесет
На их несправедный и оскверненный род?

И о с а в е т

Жестокого суда, возмездья властелина
Для братниного я страшусь младенца-сына,
Он во грехи их всех, быть может, вовлечен,
С родившими его в рожденьи осужден?
И, грозно покарав весь род без исключения,
Пошлет ли отроку господь свое прощенье?
О, день плачевный тот не будет мной забыт:
Он каждый час и миг мне душу леденит!
Чертог, царевичи, все кровью залитые,
И острый нож в руках ужасной Аталии,
Что, варваров-солдат своих воспламеня,
Следила, как идет нещадная резня.
Вдруг вижу: Иоас — недвижим, окровавлен,
Сочтен за мертвого, вдали от всех оставлен...
Кормилица, его стараясь защитить,
Напрасно палачей хотела умолить.
Я унесла его. И слез моих потоки,
В нем пробуждая жизнь, ему смочили щеки;
И ласка ль то была, испуг ли в этот миг,
Но, обхватив меня, он весь ко мне приник.
О господи, прости над ним покров священный!
Давида верного он отпрыск драгоценный,
Покорствуя тебе, в дому твоём возвращен,
Отцом своим тебя лишь почитает он.
И если веры дух в груди моей мутится
Пред тем, как низложить преступную царицу,

И если плоть мою и кровь в нем узнаю
И в грозный час борьбы невольно слезы лью, —
Наследнику твоих обетов милость даруй
И в слабости моей меня срази лишь карой.

И о д а й

В слезах твоих, поверь, не может быть вины;
Но мы на господу надеяться должны:
Ведь с сына верного, в жестоком ослепленьи,
Он за отцовские не взыщет прегрешенья.
Все, кто верны ему, всех поколений цвет,
Придут сегодня в храм возобновить обет:
Столь ненавидима и дочь Иезавели,
Их тронет Иоас невинностью своей, —
В ней как бы отблеском сияет кровь царей.
Глас бога самого и ныне будет с нами;
Он к сердцу избранных речь поведет во храме.
Над богом два царя глумились в свой черед:
Пусть на престол теперь достойнейший взойдет
И вспомнит в должный день, что в сан владык священных
Сам бог его возвел чрез слуг своих смиренных,
Что их рука его из мрака извлекла
И светоч меркнувший Давида разожгла.
О боже, если ты вдали провидишь взором,
Что, совратясь, свой род покроет он позором, —
Как недозрелый плод, пусть будет сорван он,
Враждебным веяньем в расцвете иссушен!
Но если просвещен твоим святым ученьем,
Орудием твоим послужит он веленьям, —
Вручи наследнику венец его отцов,
Мне ж, слабому, предай могучий сонм врагов!
Срази жестокою всей яростью твоею!
О боже, на нее и на Мафана с нею,
Дух заблуждения, тот смутный дух пролей,

Что предвещает нам падение царей!
Но я спешу. Прости! Наш сын с своей сестрою,
Священнородных дев приводят чередою.

Явление третье

Иосавет, Захария, Суламифь, хор

Иосавет

Иди, любезный сын, и шаг не замедляй;
Первосвященника-отца сопровождай,
Колена Левия возлюбленные девы,
Чьи хвалят господу согласные напевы,
Вы, что приходите скорбеть в тиши со мной,—
Отрады, кроме вас, не знаю я иной.
Сноп ветвей в руках, цветы, в венки свитые,
Приличны празднествам бывали в дни иные.
Но в унижении — увы! — в годину бед,
Достойнее, чем плач и слезы, жертвы нет!
Труба священная, я слышу, прозвучала,
И в храме близится служения начало.
Я вскоре возвращусь, чтоб вас сопровождать,
А вы — всевышнего воспойте благодать.

Явление четвертое

Хор

Весь хор (*поет*)

Его величия полно все мирозданье:
Хвалите господу всех сил, из рода в род!
Его могущество не ведает скончанья:
Поем дары его щедрот.

О д и н г о л о с

Не сможет сильных приказанье
 Уста его сынов сковать уздой молчанья:
 Господне имя не прейдет.
 День возвещает дню всю славу, все блистанье;
 Его величия полно все мирозданье:
 Поем дары его щедрот.

В е с ь х о р *(повторяет)*

Его величия полно все мирозданье:
 Поем дары его щедрот.

О д и н г о л о с

Цветы лугов пестро он одевает,
 Он знает рост плодов земных:
 Им в меру мудро уделяет
 И зной палящих дней, и свежесть рос ночных;
 И нива свой посев сторицей возвращает.

Д р у г о й г о л о с

Он солнцу оживлять весь мир повелевает,
 Природе он дарует свет;
 Но высший дар, какой он людям посылает, —
 Его святой, его благой завет.

Д р у г о й г о л о с

Гора Синая, холм высокоглавый,
 Не позабудь тот день, великий и святой,
 Когда неопалимой купиной,
 Сокрытый облака густою пеленой,
 Взор смертных ослепил господь своею славой,

Его перуны и его огни,
Потоки дыма, гул, — скажи, к чему они,
К чему раскаты труб громовых?
Хотел ли он стихии вспять вести,
Иль землю мощно потрясти
На вековых ее основах?

Д р у г о й г о л о с

Нет, иудеям он в тот день явить хотел
Неугасимый свет в их жизни быстротечной;
Он своему народу повелел
Любить его любовью вечной.

В е с ь х о р

О дивный, о святой завет!
О справедливость всеблагая!
Предаться богу веря, уповая, —
Отрады сладостней, мудрей и чище нет!

О д и н г о л о с

От ига он освободил отцов,
Их манною питал в пустыне средь песков;
Даруя нам завет, щедроты расточая,
Он ждет, чтоб в нас любовь к нему жила святая.

Х о р

О справедливость всеблагая!

Т о т ж е г о л о с

Для них разверз он глубь воды морской,
Из голых скал родник извел своей рукой;

Даруя нам завет, щедроты расточая,
Он ждет, чтоб в нас любовь к нему жила святая.

Х о р

О дивный, о святой завет!
Предаться богу веря, уповая, —
Отрады сладостней, мудрей и чище нет!

Д р у г о й г о л о с

Лишь рабскую боязнь вы знали с колыбели.
Иль милость господя не может вас пленить?
Сердца ль у вас в груди навеки огрубели
Иль трудно вам его любить?
Раб утрашен бичами властелина;
Любовь к отцу не меркнет в сердце сына.
Щедрот от господя вы ждете вновь и вновь,
Но где к нему любовь?

В е с ь х о р

О дивный, о святой завет!
О справедливость всеблагая!
Предаться богу веря, уповая, —
Отрады сладостней, мудрей и чище нет!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Явление первое

Иосавет, Суламифь, хор

Иосавет

О дочери мои, прервите песнопенья,
Чтоб вместе с прочими нам вознести моления.
Приблизился наш час: во храм спешит народ.
Мы перед господом предстанем в свой черед.

Явление второе

Иосавет, Захария, Суламифь, хор

Иосавет

Что вижу! Вновь ты здесь, мой сын! Что совершилось?
Спешишь ты, бледностью лицо твое покрылось.

Захария

О мать моя!

Иосавет

Я жду, скажи!

З а х а р и я

Поруган храм.

И о с а в е т

О, кем?

З а х а р и я

И свой алтарь господь покинул сам.

И о с а в е т

Не медли — я дрожу; рассея мои сомненья.

З а х а р и я

По чину служба шла, и хлебы предложенья—
 Плод новой жатвы той, что даровал творец,—
 По сану своему уже принес отец
 И поднял вслед затем кровавыми руками
 Утробы мирных жертв, дымившихся пред нами;
 Служа ему, как я, у жертвенника с ним
 В льняной одежде, бел, стоял Элиаким,
 И кровью между тем от жертвы принесенной
 Священники народ кропили преклоненный.
 Внезапно смутный шум мы слышим, — и народ,
 Душою возмущен, глазам не веря, ждет.
 Жена... Ее назвать дерзнут уста какие?
 Жена... Меж нас сама стояла Аталиа.

И о с а в е т

О небо!

З а х а р и я

И в придел, куда мужам лишь вход,
 Поднявши голову, надменная идет,

Вслед за левитами, не проронив ни слова,
Переступить порог святилища готова.
Народ бежал, — его объял внезапный страх.
Отец же... Что за гнев сверкнул в его очах!
Так, верно, Моисей стоял пред фараоном!
«Царица, — молвил он, — уйди; сюда законом
Жене и грешнице навеки вход закрыт.
Иль бог живой тебя величьем не страшит?»
Метнула на него свирепый взор царица,
И для хулы уста готовились раскрыться;
Не знаю, ангел ли, ее пресекши речь,
Пред нею обнажил сверкающий свой меч, —
Но на язык ее нашло оцепененье,
И дерзость без следа исчезла во мгновенье,
И словно в ужасе недвижно взор застыл:
Элиаким ее, казалось, изумил.

И о с а в е т

Элиаким пред ней явился? Неужели?

З а х а р и я

Мы оба на нее, жестокою, глядели,
Безмерным ужасом одним поражены.
Но вскоре были мы толпой окружены.
Велели нам уйти. Не знаю остального.
Так ужас омрачил день праздника святого.

И о с а в е т

Увы! Его у нас отнимут, вижу я;
Его пришла она искать у алтаря!
О господи! мой плач, мою тревогу видя,
Будь милосерд к нему и вспомни о Давиде!

Суламифь

Но кто же он, о ком ты слезы льешь, о мать?

Захария

Элиакима дням что может угрожать?

Суламифь

Ужели на себя навлек он гнев царицы?

Захария

Кто может отрока безродного страшиться?

Иосавет

Она! Уйдем. Встречать ее не должно нам.

Явление третье

Аталиа, Абнер, Агарь, свита Аталиа

Агарь

Не медли, госпожа, покинем этот храм:
Здесь все кругом тебя гневит и оскорбляет.
Пускай священники одни здесь обитают.
Лишь во дворце своем, вдали от суеты,
Вновь обретешь покой душе тревожной ты.

Аталиа

О нет, я не могу: ты видишь — я в смятеньи.
Пускай Мафан сюда придет без промедленья:

Тогда, быть может, вновь найти сумею я
Тот мир, что я ищу и что бежит меня!

(Она садится.)

Явление четвертое

А т а л и я, А б н е р, с в и т а А т а л и и

А б н е р

Простишь ли, что его я защищать дерзаю?
Такое рвение присуще Иодаю:
Ведь иудеям бог навеки дал закон,
Свой храм и свой алтарь сам начертал им он,
Лишь Аарона род призвал свершать служенье,
Левитов—помогать при жертвоприношении,
И строго запретил всему потомству их
Кумиры воздвигать и чтить богов иных.
Ты — мать Охозии, супруга Иорама,
Ужель неведомы тебе уставы храма?
И разве тот закон, который мы храним...
Но вот Мафан; тебя я оставляю с ним.

А т а л и я

Твое присутствие, Абнер, необходимо.
Пусть Иодая речь была неизвинима,
Пусть суеверия, которых полн ваш храм,
Закрыли вход в него всем прочим племенам,—
Оставим это все: мне грудь теснит иное.
Я знаю, что Абнер воспитан в ратном строе,
Что будет он всегда, душою тверд и прям,
Чтя бога своего, служить своим царям.
Останься.

Явление пятое

А т а л и я , А б н е р , М а ф а н , с в и т а А т а л и и

М а ф а н

Здесь ли ты, великая царица?
Иль ты встревожена, иль страх твой смутный длится?
Чего тебе искать среди твоих врагов?
Иль этот храм для тех, кто наших чтит богов?
Иль справедливая твоя утихла злоба?

А т а л и я

Абнер и ты, Мафан, — вы мне внемлите оба!
Не стану вспоминать весь путь, что я прошла,
Оправдывать себя, что кровь я пролила:
То, что я сделала, был долг мой неизбежный.
Мне не судья народ, безумный и мятежный.
Как ни клеймит меня презренная молва,
Все ж небо говорит, что я была права.
Власть вознеслась моя, сгибая дерзких выи.
Прибрежья двух морей чтут имя Аталии;
Иерусалиму мной покой глубокий дан.
Араб кочующий оставил Иордан
И филистимлянин угрозой набега,
Как в дни иных царей, уж не тревожит берега;
Державную сестру во мне сириец чтит;
А тот, кто притеснял мой дом, забывши стыд,
Кто в дикости своей грозил мне в дни былые, —
Сам гордый Ииуй трепещет в Самарии;
Соседа вынужден удары отражать,
Чью на убийцу мощь сумела я поднять,
Он отступил, признав, что здесь — лишь я царица.
Плодами дел моих могла б я насладиться.
Однако смутный страх вот уж немало дней

Нежданно омрачил весь путь судьбы моей.
То сон (иль сон меня лишит покоя может?),
Проникнув в сердце мне, его тоскою гложет:
Хочу забыть его — он следует за мной.
То было в страшный час глубокой тьмы ночной;
Передо мною мать Иезавель предстала.
Одеждами она, как в смертный час, блистала
И в бедствиях своих она была горда;
Черты ее лица являли, как тогда,
Заемную красу, что придают румяны,
Чтоб ими сгладить лет неизгладимых раны.
«Вострепещи, о дочь, достойная меня, —
Так молвила она, — тебя жалею я.
Евреев страшный бог тебе грозит сурово,
И ты в его руках». В тиши умолкло слово,
И мнилось: тень ее склоняется ко мне.
С мольбой объятья к ней простерла я во сне,
Но только месиво увидела я в страхе
Кусков ее главы, раскиданных во прахе,
Костей раздробленных, лоскутьев кровавых,
И свору жадных псов, что грызлись из-за них.

М а ф а н

О боже!

А т а л и я

Тут предстал моим смятенным взорам
Младенец, облачен сияющим убором,
Как иудейские священники одет,
Мой удрученный дух опять увидел свет.
Едва, однако, я, преодолев волненье,
На дивное дитя взглянула в умиленьи,
Как ощутила я, лишась последних сил:
Сталь гибельную в грудь изменник мне вонзил.
Весь этот смутный сон, что так меня тревожит,

*

Случайным мѳроком вам показаться может;
 И я сама, стыдясь боязни этих дней,
 Сочла его игрой обманчивых теней.
 Увы, видение грозит мне неотвратно,
 И тот же самый сон приснился мне двукратно,
 Двукратно отрок тот в моем являлся сне,
 Клинок стальной вонзить готовый в сердце мне.
 От этих напастей я наконец устала,
 Покой мне возратить молила я Ваала,
 У алтарей его припав на ступенях,
 Всесилен над людьми необоримый страх!
 Но к иудеям в храм я также поспешила,—
 Их бога умягчить дарами я решила.
 Я думала: тот бог, каков бы ни был он,
 Сменив на милость гнев, развеет страшный сон.
 Ваала верный жрец, прости мое смятенье!
 Вхожу. Народ бежит. Не прервано служенье.
 Первосвященник мне проклятием грозит,
 Пока он говорил, внезапно — страшный вид!
 Тот отрок наяву предстал передо мною,
 Который мне во сне грозил порой ночью;
 Обличье, поступь, взор, одежда изо льна,—
 Все оживило вновь ужасный призраок сна.
 С первосвященником он рядом шел в притворе.
 Но, увидав меня, его сокрыли вскоре.
 И вот я медлю здесь и жду в тревоге бед,
 Вот отчего теперь мне нужен ваш совет.
 Мафан, ты истолкуй все то, что мне неясно.

М а ф а н

И сон и эта явь — они равно ужасны.

А т а л и я

Скажи, Абнер: тебе знаком ли отрок тот?
 Какого рода он, давно ль он здесь живет?

А б н е р

Во храме двое их служило Иодаю;
Один был сын его, я это верно знаю,
Другой мне незнаком.

М а ф а н

Слова здесь не нужны.
О том и о другом узнать мы все должны.
Об Иодае вам мое известно мнение,
Не за обиду я взыскую отомщенье,—
Лишь справедливости я здесь ищу одной:
Пусть даже отрок тот был сын его родной,—
Решился ли бы он казнить немедля злого?

А б н е р

Кто обвинит дитя? Твое безумно слово.

М а ф а н

С ножом он виден был, — от неба этот сон.
Суд неба мудр и прав, не погрешает он.
Чего еще искать?

А б н е р

Сну веря, из боязни
Младенца хочешь ты предать кровавой казни?
Еще неведомо, ни кто его отец,
Ни имя.

М а ф а н

Он страшит. Расспросам всем конец.
Пусть будет высоко его происхождение —
Тем неизбежнее теперь его паденье,

А если в темноте его затерян род —
 Что нужды, если меч кровь подлую прольет?
 Смягчать свой строгий суд царям ли подобает?
 Казнь быстрая их трон порой оберегает.
 Заботой лишней их не должно тяготить.
 Кто подозрителен, — не может чистым быть.

А б н е р

Твои слова, Мафан, жреца едва ль достойны.
 Я, кто от юности не раз изведал войны,
 Кто мщения царей служил орудьем сам, —
 Я за безвинного свой голос здесь подам!
 А ты, обязанный одной любовью к сирым,
 Кто облечен, как жрец, в годину гнева миром,
 Стремись же ненависть под ликом рвенья скрыть
 И жаждешь одного: кровь без пощады лить!
 Открыто высказать велишь ты всё, царица.
 Дозволь же мне спросить: чего тебе страшиться, —
 Ребенка слабого? Твой взор, смущенный сном,
 Злодея, может быть, признал напрасно в нем.

А т а л и я

Мне думать хочется, что это — сон обманной,
 Тревожащий меня заботой постоянной.
 Пусть так! Должны вблизи увидеть мы дитя:
 Должна в его черты взглядеться зорко я.
 Явиться предо мной обоим пусть прикажут.

А б н е р

Боюсь...

А т а л и я

Иль этой мне услуги не окажут?
 Как я истолковать могу такой отказ?

Все подозрения проснутся в тот же час.
Пусть с ними Иодай придет, я повторяю.
С л о в а м о и — закон, и я повелеваю.
Священники, Абнер, — признаюсь не хвалясь —
Всю доброту мою извели не раз.
Я знаю хорошо, какие речи злые
Решаются они вести об Аталии.
Их пощадила я, и храм поныне цел,
Но милости моей настал давно предел.
Пусть Иодай язык смиреньем обуздает
И оскорблять меня вторично не дерзает.
Иди!

Явление шестое

А т а л и я, М а ф а н, свита А т а л и и

М а ф а н

Могу теперь свободно говорить,
Могу перед тобой всю истину открыть.
Во храме здесь растят чудовище, царица:
Не жди, пока гроза из тучи разразится.
Сегодня до зари Абнер являлся в храм:
Он чтит своих царей — известно это нам.
Замыслил Иодай на их престол, быть может,
Ребенка возвести, что сны твои тревожит,
Будь это сын его, другой ли...

А т а л и я

Это так.

Я вижу: небо мне послало вещей знак.
Но от сомненья все ж хочу себя избавить.
Дитя способно ли таиться и лукавить?
Движенье уст порой нам может все раскрыть.
Ребенка я должна и видеть и спросить.

А ты ступай и так, чтоб не будить волнение,
Моим тирйцам быть вели в вооруженьи.

Явление седьмое

Иоас, Аталия, Иосавет, Захария, Суламифь,
Абнер, два левита, хор, свита Аталии

Иосавет *(двум левитам)*

От этих отроков, столь дорогих для нас,
Вы, слуги господа, не отводите глаз.

Абнер *(обращаясь к Иосавет)*

Откинь, царевна, страх. Я сам их охраняю.

Аталия

О небо! Чем острее я взор в него вперяю...
То он! Я ужасом охвачена опять.

(Указывая на Иоаса)

Скажи, то сын ли твой? Хочу я это знать.

Иосавет

Который? Он?

Аталия

Да.

Иосавет

Я не мать его родная.

(Указывая на Захарию)

Вот сын мой.

А т а л и я (*обращаясь к Иоасу*)

Если так, ответь нам, не скрывая,
Дитя, кто твой отец?

И о с а в е т

Досель небесный свет...

А т а л и я (*обращаясь к Иосавет*)

К чему ты за него спешишь мне дать ответ?
Сказать он должен сам.

И о с а в е т

Однако в нежных летах
Всегда ль отчетливо дитя в своих ответах?

А т а л и я

В невинном возрасте еще не лгут уста:
В них истина одна открыта и чиста.
Оставь его, — он сам на мой вопрос ответит.

И о с а в е т (*в сторону*)

Пусть мудростью господь слова его отметит.

А т а л и я

Скажи прозвание свое.

И о а с

Элиаким.

А т а л и я

А твоего отца?

И о а с

Я господом храним,
С рожденья сиротой на свете пребываю
И о родителях не помню и не знаю.

А т а л и я

Где ж твой отец и мать?

И о а с

Покинули меня.

А т а л и я

Покинули? Когда?

И о а с

Едва родился я.

А т а л и я

Быть может, знают здесь хоть о твоей отчизне?

И о а с

Моя отчизна — храм, другой не знал я в жизни.

А т а л и я

Но где был найден ты, кто мог бы нам сказать?

И о а с

Среди волков, меня готовых растерзать.

А т а л и я

Как ты попал сюда?

И о а с

В храм женщина явилась
Со мною на руках и, не назвавшись, скрылась.

А т а л и я

Кто ж воспитал тебя от самых первых дней?

И о а с

В нужде оставит ли господь своих детей?
Он хилому пленцу дарует пропитанье
И доброта его над миром как сиянье.
Все дни молюсь ему; и, отчих полн забот,
От приносимых жертв он пищу мне дает.

А т а л и я

В смятеньи и тоске так долго я боролась.
О чудо новое! Его глаза и голос,
Они заставили вражду мою уснуть
Так сладко... Жалости моя доступна груди!

А б н е р

Так вот каков твой враг! Его ль тебе страшиться?
Ты видишь — сны твои обманчивы, царица.
Иль жалость, может быть, — удар тот роковой,
Который вызывал смятенья трепет твой.

А т а л и я *(обращаясь к Иоасу и Иосавет)*

Уже идете вы?

И о с а в е т

Он рассказал, что знает:
Тебе присутствием, боюсь, он докучает.

А т а л и я

О нет, помедлите...

(Обращаясь к Иоасу)

Как день твой разделен?

И о а с

Молюсь я господу, учу его закон;
Письмен его строку читаю за строкою
И даже списывать учусь своей рукою..

А т а л и я

Что говорит закон?

И о а с

Что бога должно чтить,
Что отомстит он всем, кто смел его хулить;
Что он всегда сирот невинных защищает,
Не любит гордецов и злых убийц карает.

А т а л и я

Я слышу. Но все те, кто обитают тут,
Чем заняты?

И о а с

Творцу хваленье воздают.

А т а л и я

Бог восхваляем быть всегда желает вами?

И о а с

Мирские все дела запрещены во храме.

А т а л и я

Забавы в чем твой?

И о а с

Порою к алтарю
Священнику я соль и ладан подаю,
Внемлю созвучиям хвалебных песнопений
И вижу череду торжественных служений.

А т а л и я

И в этом состоит отрада вся твоя?
Достоин жалости удел такой, дитя.
Приди ко мне в дворец, где слава и блистанье.

И о а с

Чтоб я всевышнего забыл благодеянье!

А т а л и я

Нет, чтить его тебе не возбраню я там.

И о а с

Но ты не чтить его!

А т а л и я

Молись ему ты сам.

И о а с

Другого божеством зовут в твоём чертоге:

А т а л и я

Я моему служу, ты — своему, то — боги
Равно могучие.

И о а с

Лишь мой извечно чтим!
Он — истинный господь, а твой — ничто пред ним.

А т а л и я

Готовы на тебя все радости излиться.

И о а с

Блаженство злобного потоком вод промчится.

А т а л и я

Кто эти злобные?

И о с а в е т

Царица, он — дитя,
Прости...

А т а л и я *(обращаясь к Иосавет)*

Чему его тут учат, вижу я!

(Обращаясь к Иосасу)

И все же ты снискал мое расположение.
Ты — редкое дитя, не может быть сомненья.

Я царствую, но мне не суждено детей;
Расстанься ж с ремеслом, с одеждою своею,
Покинь унылое служение во храме —
Тебя осыплю я богатыми дарами,
Возвышен будешь ты и принят во дворец.
Тебе, как сыну, я мой передам венец.

И о а с

Как сыну!

А т а л и я

Да... Что ж?

И о а с

Ах, возлюбленного мною
Отца я заменю...

А т а л и я

Кем?

И о а с

Матерью какою!

А т а л и я *(обращаясь к Иосавет)*

Он помнит хорошо. В том, что он говорит,
Речь Иодаева мне явственно сквозит.
Так, младость чистую тлетворно заражая,
Мое доверие во зло употребляя,
Гнев и смятение вы сеете одно:
Здесь имя ужасом мое окружено.

И о с а в е т

Возможно ль наших бед сокрыть повествованье?
Ты разглашаешь их, как славное деянье.

А т а л и я

О да, мой правый гнев себе я ставлю в честь.
Потомков за отцов моя постигла месть.
Я видела сама отца конец жестокий.
Мать бросили в окно из храмины высокой.
В один и тот же день пролита (страшный грех!)
Кровь царских сыновей — восьмидесяти всех —
Лишь за пророков тех (я их имен не знала),
Кого Иезавель за дерзость наказала.
А я — царица, дочь, — ужель я так слаба,
Ужель я жалости ничтожная раба,
Чтоб не воздать за гнев, в их ослепленьи яром,
За мщенье мщением и за удар ударом?
Как весь Ахавов род несчастный поражен,
Так не был мною дом Давида пощажен.
Что случилось бы со мной, когда б, на всё дерзая
И нежность матери с усилием побеждая,
Я не решилась бы свою же кровь пролить
И ваши замыслы в зачатке подавить?
Так бога вашего безжалостное мщенье
Двух царственных домов расторгло единенье.
Давид ужасен мне; и пусть в них кровь моя,
Но все его сыны — чужие для меня.

И о с а в е т

Все удалось тебе. Пускай нас бог рассудит.

А т а л и я

Вы мните, этот бог один вас не забудет,
Обетам внемлете его из рода в род,

Что он дарует вам надежду и оплот,
Дитя Давидово — царя земным народам...
Мы свидимся. Своим довольна я приходом.
Хотела видеть я — и видела.

А б н е р

Залог,
Мне вверенный, прими. Я сделал все, что мог.

Явление восьмое

И о а с, И о д а й, И о с а в е т, За х а р и я, Су л а м и ф ь,
А б н е р, л е в и т ы, х о р

И о с а в е т (*обращаясь к Иодаю*)

Ты слышал ли слова царицы горделивой?

И о д а й

Я сострадал тебе, в мученьи терпеливой.
Я слышал каждый звук, и сонм левитов весь
Готовился с тобой погибнуть вместе здесь.

(*Иоасу, обнимая его*)

Бог да хранит тебя, дитя! Отвагой славной
Даешь ты доблести высокой признак явный.
Ты смело оказал, Абнер, услугу нам.
Так помни: в третий час я жду тебя во храм.
Убийца гнусная, покрытая позором,
Молитвы прервала, явившись нашим взорам.
Кровь жертвы чистую я должен вновь пролить,
Чтобы следы ее на самом камне смыть.

Явление девятое

Х о р

О д н а и з д е в х о р а

Какое новое светило
Нам взоры радует, лучом своим блестя?
Чем станет дивное дитя?
Его надменность не прельстила,
Своих соблазнов сеть плетя.

Д р у г а я

Пусть все с кадилом иль свирелью
Спешат, Ваалу дань неся,
Но отрок, чуть над колыбелью,
Все вечность господу хваля,
Пред новою Иезавелью
Восстал, как новый Илия.

Д р у г а я

О милое дитя, кто может тайну рока
Поведать твоего? Не сын ли ты пророка?

Д р у г а я

Так древле юный Самуил
Возрос, в святилище сокрытый.
Израилю он стал надеждой и защитой.
О, если б ты, как он, народ свой оживил!

Д р у г а я *(поет)*

О, как обрадовало нас
Дитя, возлюбленное богом

И внимлющее божий глас.
 Господь ведет его по всем дорогам.
 От света вдалеке возросши, с детских дней
 Дарами неба он украшен.
 Тлетворный дух земной гордыни всей
 Его невинности не страшен.

В е с ь х о р

Блажен, блажен, кого покровом
 Бог с детства осенил, своим наставив словом!

Т о т ж е г о л о с *(один)*

Так на берегу прозрачных вод,
 Недостижим для аквилона,
 В уединении цветет
 Прекрасный крин, любовь земного лона.
 От света вдалеке возросши, с ранних дней
 Дарами неба он украшен.
 Тлетворный дух земной гордыни всей
 Его невинности не страшен.

В е с ь х о р

Блажен, блажен младенец тот,
 Что божьи заповеди истово блюдет!

О д и н г о л о с

О, как душа, что ищет бога,
 Стопою робкою должна средь бед идти!
 Невинность сохранить стремясь, она так много
 Препон встречает на пути.
 Враг на нее идет войною.
 Где праведным приют найти?
 Владеют грешники землю.

*

Д р у г о й г о л о с

Давида милый град, и ты, его дворец,
 Гора преславная, где обитал творец,
 За что постиг тебя гнев неба справедливый?
 Зачем узрели мы, Сион, родной Сион,
 Как иноземкой нечестивой
 Престол царей исконных осквернен?

В е с ь х о р

Зачем узрели мы, Сион, родной Сион,
 Как иноземкой нечестивой
 Престол царей исконных осквернен?

Т о т ж е г о л о с *(продолжает)*

Взамен тех радостных псалмов,
 В которых царь Давид, краса земных певцов,
 Владыку прославлял, покорный и счастливый,
 Ты слышишь ли теперь, Сион, родной Сион,
 Как богу иноземки нечестивой
 Все воздают хвалу, святой хуля закон?

О д и н г о л о с

Доколе, господи, ответствуй нам, доколе
 Злодеев дерзостных не поразит твой гнев?
 Они в святилище проникли, осмелев,
 Зовут безумцами твоей покорных воле.
 Доколе, господи, ответствуй нам, доколе
 Злодеев дерзостных не поразит твой гнев?

Д р у г о й

К чему, кричат они, гнет рабского смиренья?
 На что послужит вам оно?

Не убегайте наслажденья!
Ваш бог забыл о вас давно.

Д р у г о й

Отраден мир веселым и поющим;
В утехах и цветах, — так говорят они,—
Пусть реют наши дни.
Безумен, кто печется о грядущем.
В беспечной радости мы вкусим каждый час.
Кто знает верный счет годам мимотекущим?
День завтрашний сокрыт от нас.

В е с ь х о р

Пусть ужасаются, пусть горько плачут ныне
Несчастные, кому твоей твердыни
Великолепье не блеснет.
Мы славим, мы, кого вели в путях скитаний
Лучи твоих сияний;
Мы славим твой престол и дар твоих щедрот.

О д и н г о л о с

От суетных утех, от пира наслажденья
Что им останется? Лишь память сновиденья,
Чья тень обманом промелькнет,
В миг пробужденья их (о миг ужасный тот!),
Когда бедняк, чья мука миновала,
Мир вкусит сладостный, узрев, что жизнь настала,—
Вино, что с горечью рука твоя смешала,
В день гнева будет пить весь нечестивый род
Из твоего фиала.

В е с ь х о р

О день ужасный тот!
Сон, длившийся столь мало!
О роковой исход!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Явление первое

Мафан, Навал, хор

Мафан

Идите, девушки, чтоб тотчас объявить:
Мафан с Иосавет желает говорить.

Одна из дев хора

Мафан! О господи, пусть он не видит света!

Навал

Все разбегаются и не дают ответа.

Мафан

Сюда!

Явление второе

Захария, Мафан, Навал

Захария

О дерзостный, куда войти ты смел?
Ни шага далее, не преступай предел!

Тут заповедная священников обитель,
И за порог ее мирской не ступит житель.
Что ищешь? Мой отец великий праздник чтит,
Ему язычника преступный мерзок вид;
Мать господу мольбы, простершись, воссылает,
И час ее молитв никто не нарушает.

М а ф а н

Мой сын, мы подождем. К чему себя гневить?
Я с матерью твоей намерен говорить:
Я по царицыну пришел сюда приказу.

Явление третье

М а ф а н, Н а в а л

Н а в а л

Родительская спесь заметна в детях сразу.
Однако, почему царица смятена?
Зачем тебя сюда направила она?
Младенец роковой предстал ей в сновиденьи,
Поутру Иодай нанес ей оскорбленье,
И вот задумала она его убить,
Ваала ж и тебя здесь в храме водворить.
Ты радости своей передо мной дал волю;
Я предвкушал уже такой добычи долю.
Царица ж волю вдруг назад берет свою.

М а ф а н

Друг, я уже два дня ее не узнаю.
Не вижу больше в ней царицы мудрой, гордой,
Всегда бестрепетной и не по-женски твердой,
Что повергала в прах смятенного врага
И знала, как в борьбе минута дорога,

Боязнь напрасная души ее коснулась.
 Дрожит она. Опять в ней женщина проснулась
 И внемлет в ужасе грозящим небесам.
 Я в сердце смутное ей желчи подлил сам.
 Она, мне одному свое вверяя мщенье,
 Велела воинам надеть вооруженье.
 Однако, мальчик ли, представший перед ней,
 Покинутый, как ей сказали, с первых дней,
 Сумел, не знаю чем, смирить ее тревогу,
 Иль сновиденья страх забылся понемногу,
 Но гнев ее утих — и вот я слышу весть,
 Что отложить она свою решила месть.
 С собою каждый миг в разлад она вступала.
 «Об этом мальчишке разведал я не мало,—
 Сказал я: — Иодай его возносит род,
 Ребенка лицезреть крамольникам дает,
 Он обещает в нем второго Моисея,
 Вещанья лживые среди евреев сея».
 Покрылся краскою царицы гордый лик.
 Благая ложь моя подействовала вмиг.
 «Довольно, — молвила, — довольно я терпела,
 Тревогу надобно рассеять нам всецело.
 Ты сам к Иосавет снесешь мой приговор:
 Костры зажгутся вмиг, и кары меч остер.
 Пусть храма своего увидят разрушенье,
 Иль мальчика в залог дадут без промедленья».

Н а в а л

Ну что ж! За мальчика, неведомого им,
 Попавшего сюда лишь случаем одним,
 Ужель пожертвуют они великим храмом...

М а ф а н

О, трудно более быть гордым и упрямым,
 Чем этот Иодай, из гордецов гордец!

Скорей претерпит он мучительный конец,
Чем выдаст отрока из храмины священной.
Вся их любовь к нему мне стала несомненной.
И если я слова царицы мог понять,
То Иодай о нем всю правду должен знать.
Кто б ни был, он для них — предвестье роковое;
Его не выдадут: свершу я остальное,
И скоро этот храм, столь ненавистный мне,
Исчезнет навсегда в пылающем огне.

Н а в а л

Что ненависть в тебе такую разжигает?
Иль рвение тебя к Ваалу окрыляет?
Ты знаешь, праотцем моим был Исмаил;
Ваалу и Ягве вовек я не служил.

М а ф а н

Друг, иль ты думаешь, что я в усердьи рьяном
Могу быть ослеплен ничтожным истуканом,
Обломком дерева, который день за днем
Все точит рой червей, что угнездились в нем?
Рожден для должности служителя господня,
Мафан, быть может, им остался б и сегодня,
Когда бы властный дух и страсть повелевать
С ярмом стеснительным возмог бы сочетать,
Иль должен твоему я вновь представить взору,
Как с Иодаем здесь дерзнул начать я ссору
Из-за кадиланицы, что не досталась мне,
Как плакал, бился я, как забывал о сне?
Но, побежденный им, на поприще иное
Решил я променять служение былое.
Допущен ко двору, я слух царей прельстил,
И вещим, наконец, мой голос признан был.
Их сердце изучив, страстям их потакая,
Цветы над бездной им я рассыпал у края;

Навеки для меня святыни лик исчез;
 В угоду им менял и меру я и вес.
 Насколько ревностным, суровым Иодаем
 Их горделивый слух был часто оскорбляем,
 Настолько я всегда стремился их пленить,
 Печальный правды свет от их очей сокрыть,
 Цвета приятные их буйству придавая
 И в изобилии кровь подлых проливая.
 Но Аталией был здесь новый бог введен;
 Ее руками храм ему сооружен.
 Рыдал в отчаяньи народ Иерусалима;
 Левитов же толпа, бесчестием томима,
 Вопила в ужасе, взывая к небесам.
 Лишь я пример явил мятущимся сердцам:
 Оставя этот храм, не усомнясь нимало,
 Я саном облечен служителя Ваала
 И, страх сопернику внушая моему,
 С тиарой на челе я равен стал ему.
 К вершине почестей ведет моя дорога;
 Но все же память мной покинутого бога
 Неясным ужасом мне душу тяготит,
 И ярость оттого сильней во мне кипит.
 Когда б, разрушив храм, я мог насытить мщенье,
 Владыки гневного увидеть посрамленье
 И на развалинах, средь буйства и в крови
 Все угрызения похоронить мои!
 Но вот Иосавет.

Явление четвертое

Иосавет, Мафан, Навал

Мафан

К вам шлет меня царица.
 Пусть гнев развеется и кротость водворится,

Ты сердцем любящим обязана судьбе;
 Не изумись, что речь я обращаю к тебе.
 Распространился слух — сочтенный мною ложным, —
 Но совпадающий со сном ее тревожным,
 О том, что Иодай здесь заговор кует;
 И Аталии гнев на дерзкого растет.
 Насчет услуг моих не буду я кичливым:
 Хоть Иодай ко мне и был несправедливым,
 Но за обиды мы должны платить добром,
 И мирным пред тобой являюсь я послом.
 Служений ваших впредь не омрачит тревога,
 От вас лишь одного царица ждет залога
 (Ее немало я, поверь, разубеждал):
 Того подкидыша, что в храме ей предстал.

И о с а в е т

Элиакима!

М а ф ф а н

Я, поистине, в смущеньи,
 Что так страшит ее пустое сновиденье.
 Но если мальчика не выдадут сейчас,
 Она смертельными сочтет врагами вас.
 Царица тотчас же ответа ожидает.

И о с а в е т

Так вот какой нам мир посол ее вещает!

М а ф ф а н

Иль колебаться здесь вы можете хоть миг?
 Чтoб мир установить, — ваш выкуп невелик!

И о с а в е т

Как я дивилась бы, когда б Мафан лукавый
 Мог изменить свой нрав, коварный и неправый,
 И, стольких гибельных изобретатель зол,
 Предстал передо мной как радости посол.

М а ф а н

На что ты сетуешь? О чем твоя кручина?
 Берут ли у тебя возлюбленного сына?
 Чем дорого тебе неизвестное дитя?
 Не скрою в свой черед, что озадачен я.
 Иль это ценный клад, хранимый свято вами,
 Освободитель, вам сужденный небесами?
 Обдумайте же всё! Ведь мог бы ваш отказ
 Слух подтвердить глухой, что носится о вас.

И о с а в е т

Какой?

М а ф а н

Что род его величием блистает,
 Что некий замысел давно твой муж питает.

И о с а в е т

И что, узнав о том, рассерженный Мафан...

М а ф а н

Ты можешь без труда рассеять весь туман.
 Я знаю, что, во всем карая ложь сурово,
 Отдать и жизнь свою Иосавет готова,
 Когда б неправды звук один произнести
 Понадобилось ей, чтоб жизнь свою спасти.

Итак, вам отрока неведомо рожденье?
Скрывает мрак густой его происхождение?
И вы не знаете: ни где был найден он,
Ни даже кем сюда во храм он принесен?
Поверю каждому я твоему ответу:
Ты служишь господу — так будь верна обету!

И о с а в е т

Ты имя господа посмел назвать, злодей,
То имя, что хулой осквернено твоей!
Тебе ли ревновать об истине законной,
О жалкий, во плоти всей скверной зачумленный,
В ком ложь одна царит и расточает яд,
Ты, знающий одно: нечестье и разврат?

Явление пятое

И о д а й, И о с а в е т, М а ф а н, Н а в а л

И о д а й

Где я? Ваала жрец передо мною в храме!
Как, дочь Давидова, он гнусными словами
Смел говорить с тобой? И не страшишься ты,
Что из развершейся бездонной темноты
Вмиг языки огня тебя же окровавят,
Что стены рушатся и с ним тебя раздавят?
Что хочет он? И как дерзает божий враг
Все заражать кругом, ступив сюда хоть шаг?

М а ф а н

В таких речах видна вся ярость Иодая.
Благодарую, однако же, внимая,

Царицы волю чтя, не должно оскорблять
Того, кого сюда угодно ей послать.

И о да й

Что ж возвестит она своим приказом злобным,
Врученным от нее служителем подобным?

М а ф а н

Уже я передал его жене твоей.

И о да й

Тогда, чудовище, прочь от моих очей!
Переступай предел своих деяний темных.
Бог сопричтет тебя породе вероломных,
Каков был Авирон, Дафан, Ахитофель!
Те псы, которым он передал Иезавель,
Предчувствуя, как ты падешь от гнева бога,
Добычи жадно ждут у твоего порога.

М а ф а н *(смущенный)*

Увидим, кто из нас... Еще до темноты...
Мы... Но идем, Навал.

Н а в а л

Куда стремишься ты?
Чем поражен ты так, что взор твой помутился?
Вот путь наш.

Явление шестое

И о да й, И о с а в е т

И о с а в е т

Небосвод грозой омрачился:
Он Аталии нам желанье объявил,

Чтоб ей Элиаким немедля выдан был.
Всей нашей тайны мгла редеть уж начинается,
И кто его отец, — Мафан вот-вот узнает.

И о д а й

Кто тайну эту мог коварному открыть?
Твое смятение, твой трепет, может быть?

И о с а в е т

Насколько было сил, владела я собою.
Но верь: опасный миг ниспослан нам судьбою.
Нам выждать надлежит благоприятных дней.
Пусть совещается с убийцею злодей;
Пока здесь в храме нас не одолела сила —
Дозволь мне, чтобы я дитя вторично скрыла:
Еще открыты нам и двери и пути.
Должна ль его я в глушь пустынь перенести?
На все готова я: мне ведом выход тайный,
И там не может нас увидеть взор случайный.
Кедронский вместе с ним я перейду поток,
В пустыню мы свой путь направим на восток,
Туда, где некогда, покинув кровлю дома,
В слезах бежал Давид от войск Авессалома.
Без страха я пойду навстречу злобным львам...
Быть может, Ииуй окажет помощь нам?
Хорош ли мой совет — твой зоркий ум рассудит.
Пусть Ииуй хранить наш клад отныне будет.
Мы уведем к нему сегодня же дитя,
В его столицу путь кратчайший знаю я.
Ведь Ииуй — не зверь: он сердцем обладает;
Давида имя в нем вражды не возбуждает,
Увы, найдется ли на свете властелин,
Раз не жестокой он Иезавели сын,
Что пред такой мольбой остался б непреклонным?
Долг всякого царя — помочь царям законным.

И о д а й

Какой ты в страхе мне совет дерзаешь дать?
Поддержки можно ли от Ииуя ждать?

И о с а в е т

Предвидеть бедствия господь не воспрещает,
Преступен перед ним, кто слепо уповает.
И разве, избранным даруя крепость сил,
Длань Ииуя он не сам вооружил?

И о д а й

Нет — Ииуй, что был всевышним избран прежде,
Он, на кого теперь взираешь ты в надежде,—
Забвеньем отплатил за множество щедрот:
Ахава дочери он царствовать дает,
И, следуя царей израильских примеру,
Терпя золотых тельцов, переполняя меру,
Он на высотах жечь дерзает фимиами,
Сколь ни противен дар подобный небесам.
Нет, господу служить для кары, им сужденной,
Лишь правый должен муж с рукой неоскверненной.
Нет, нет, лишь с господом мы победим одним.
Пусть явлен будет всем теперь Элиаким
В уборе царственном, увенчан и помазан;
И час ускорю я, что мною был указан,
Пока свой умысел Мафан не завершит.

Явление седьмое

И о д а й, И о с а в е т, А в а р и я, за которым следует х о р
и несколько левитов

И о д а й

Итак, Азария, надежно ль храм закрыт?

А з а р и я

Я пред собой велел задвинуть все преграды.

И о д а й

С тобой остались лишь священные отряды?

А з а р и я

Два раза обошел притворы храма я.
Не видно никого, толпа исчезла вся,
Как стадо жалкое, бежавшее в испуге;
И славят господа одни святые слуги.
С тех пор как гнался вслед народу фараон,
Подобным ужасом он не был поражен.

И о д а й

Род низкий, созданный для рабского удела,
Ослушник бога лишь! Продолжим наше дело.
Зачем, однако, здесь вы, дети, в этот час?

О д н а и з д е в х о р а

Что может разлучить с тобой, владыка, нас?
Иль чужеземки мы под кровлею святою?
Отцов и братьев здесь мы видим пред собою.

Д р у г а я

Ах, пусть не в силах мы отмстить за наш позор,
Как древле Иаиль, и, распахнув шатер,
Колом пронзить главу противника господня, —
Хоть жизнью можем мы пожертвовать сегодня.
Когда настанет час поднять мечи за храм,
Быть может внемлет бог молениям и слезам.

И о д а й

Так вот, о промысел, кого ты плешь на битву —
 Детей, священников, читающих молитву!
 Но кто их сокрушит, коль щит над ними твой?
 Ты властен нас воззвать из ночи гробовой;
 Ты меч и ты оплот, ты жизнь и глубь могилы.
 Не доблестью они себе стяжают силы
 И не заслугами, но именем твоим,
 Твоими клятвами пред их царем святым,
 Здесь в храме, что твоим благоволеньем славен
 И в долготе времен пребудет солнцу равен.
 Но в сердце чувствую священный ужас я.
 Иль дух божественный нисходит на меня?
 То он! Я им горю: вот очи прояснились
 И темные века передо мной раскрылись.
 Левиты, вторьте мне! Пусть ваших гусель строй
 Сопровождает речь созвучною игрой.

Х о р

(поет, сопровождаемый игрою всех инструментов)

Господень глас нам раздается внятно.
 Вещанье неба преданным сердцам
 Живительно и благодатно,
 Как вешним травам свежесть по утрам.

И о д а й

Пусть гласу моему земля и небо внемлет.
 Иаков, не дерзни сказать, что бог твой дремлет!
 Восстал он. Грешники, пусть ужас вас объемлет!

(Музыка возобновляется, и Иодай тотчас продолжает)

Как золото чистое свинца прияло вид?
 Первосвященник кем во храме здесь убит?

Восплачь, Иерусалим, о город вероломный,
Пророков, посланных тебе, убийца темный;
Своей любви господь тебя лишает сам
И отвратителен ему твой фимиам.
Владыку городов, величие вселенной
Разрушил ныне бог десницею своей;
Он предал нас ярму, отверг своих царей;
В какой влекут полон и женщин и детей?
Вы, кедры, вспыхните; разрушья, храм священный!
Иерусалим, печаль моя, ответь,
Кто всю красу твою похитил так жестоко?
Кто даст моим очам два слезные истока,
Чтоб о тебе скорбеть?

А з а р и я

О храм!

И о с а в е т

О царь Давид!

Х о р

Господь, не будь суровым,
Сиону прежние дары свои верни.

(Музыка опять возобновляется, и Иодай вскоре прерывает ее.)

И о д а й

Иерусалим в сияньи новом
Восходит от пустынь, сверкая, как огни,
И на челе печать нетленья с вечным словом.
Воспойте, племена земли:
Иерусалим воскрес, одет красы покровом.
Со всех концов к нему пришли
Те чада, что в чужом доме произросли.

*

Воспрянь, Иерусалим, воспрянь в былой гордыне!
 Цари изумлены всей славою твоей;
 Ты видишь пред тобой простершихся царей,
 Что лобызают прах пустыни,
 И к свету твоему спешат народы ныне.
 О, счастлив тот, кого воспламенит
 Священное к Сиону рвенье!
 Приняв от неба окропленье,
 Пусть нам земля спасителя родит!

И о с а в е т

Увы, откуда нам великих ждать щедрот,
 Когда спасителя пресекся царский род...

И о д а й

Готовь, Иосавет, венец тот драгоценный,
 Который на главе Давида был священной.

(Обращаясь к левитам)

А вы пред битвою последуйте за мной
 В часть храма дальнюю, в чертог тот потайной,
 Где копий и мечей запас неисчислимый —
 Дань филистимских сеч — лежит, толпе незримый.
 Те копьа в старину Давид на склоне лет
 В дар богу посвятил, подателю побед.
 Возможно ль им найти достойней примененье?
 Идем, я сам хочу раздать вооруженье.

Явление восьмое

С у л а м и ф ь, х о р

С у л а м и ф ь

О сестры, смертная объемлет душу тень!
 Всесильный бог, такие ли куренья,

Первины, жертвоприношенья
На алтарях твоих пристойны в этот день?

О д н а и з д е в х о р а

О грозный вид для робких взоров!
Кто мог бы ожидать, что тут
Мечи разящие среди боевых уборов
В чертогах тишины сверкнут!

Д р у г а я

О сестры, почему, не думая о боге,
Молчит Иерусалим в такой зловещий час,
И доблестный Абнер не защищает нас
И не спешит сюда, когда мы все в тревоге?

С у л а м и ф ь

Насилье при дворе — единственный закон;
Там прихоть властвует слепая,
А саном тот лишь награжден,
Кто служит, рабскую угодливость являя.
Увы, невинность защищая,
Возвысит ли свой голос он?

Д р у г а я

Средь бедствия, в час грозный и смятенный
Кому готовится венец священный?

С у л а м и ф ь

Господь во храме говорил;
Но те слова, что он премудрому открыл,
От слуха нашего сокрыты,

Чего нам ждать, — его защиты,
Иль ждать, чтоб меч нас поразил?

В е с ь х о р *(поет)*

Угроза и обет! О тайна под покровом!
Что́ благ, что́ бедствий нам вещают вновь и вновь!
Как можно с гневом столь суровым
Такую сочетать любовь?

О д и н г о л о с

Не станет более Сиона; огонь жестокий
Убранство всё его сожжет.

Д р у г о й г о л о с

Бог охранит Сион: навек ему оплот
Глагол творца высокий.

П е р в ы й

Весь блеск его красы исчез в моих очах.

В т о р о й

По всем краям земным Сиона свет излился.

П е р в ы й

Он в бездну темную навеки погрузился.

В т о р о й

Чело Сиона в небесах.

Первый
О мрак падения!

Второй
О слава и сиянье!

Первый
Стенанья скорбные!

Второй
Победы ликование!

Третий
Не станем унывать: дождемся дня того,
Когда господь рассеет мрак великий.

Все три
Пред гневным склонимся владыкой,
Надеясь на любовь его.

Другой
Любви сердечной
Кто может возмутить покой?
Ища во всем твоей лишь воли вечной,
Она полна тобой.
Во всей вселенной бесконечной
Иного счастья нет, как радость и покой
Любви сердечной.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Явление первое

И о а с, И о с а в е т, З а х а р и я, С у л а м и ф ь, л е в и т,
х о р

С у л а м и ф ь

Младой Элиаким так мерно выступает;
Мой брат и мать моя его сопровождают.
Под покрывалом что несут они своим?
Что значит этот меч, предшествующий им?

И о с а в е т (*обращаясь к Захарии*)

Приблизимся, мой сын, и, помня приказанье,
Ты возложи сюда священное писанье.
С ним рядом возложи ты, милый отрок мой,
Давида царственный венец на аналой.
Ты ж Иодаево, левит, исполни слово:
Меч царский утверди вблизи венца святого.

И о а с

Обряд сегодняшний мне непонятен весь.
Зачем венец и меч на аналое здесь?
По воле господа при храме я с рожденья,
Но не видал еще подобного служенья.

И о с а в е т

Твои сомнения рассеются вполне.

И о а с

На голову надеть венец ты хочешь мне?
Страшись унижить тем его святую славу!
Царя, носившего его, почти державу.
Дитя ль несчастное, что кинуту зверям...

И о с а в е т *(примеряя ему венец)*

Оставь: я делаю, что повелели нам.

И о а с

Увы, что слышу я? Царевна, ты рыдаешь?
Какую жалость ты в душе своей скрываешь?
Быть может и меня, свершая грозный суд,
Как Иеффая дочь, здесь в жертву принесут,
Чтоб этим гнев смирить творца и господина?
Отцу принадлежит и жизнь родного сына.

И о с а в е т

Вот кто тебе небес веленье возвестит.
Идемте! А тебя ничто пусть не страшит.

Явление второе

И о а с, И о д а й

И о а с

(бежит и бросается в объятия первосвященника)

Отец мой!

И о да й

Что, мой сын?

И о а с

Что здесь готовят?

И о да й

Я разьясню тебе, что это означает,
И прежде всех других пристало знать тебе
О воле господи и о своей судьбе.
Верь и мужайся, — нет сильней вооруженья:
Пора явить тот дух усердия и рвенья,
Что в сердце я твоим старался воспитать;
Ты должен господу признательность воздать.
Скажи: ты чувствуешь, какая в том отрада?

И о а с

Готов я жизнь отдать за господи, коль надо!

И о да й

Тебе читали здесь деяния царей:
Скажи, ты помнишь ли, мой сын, каких путей
Держаться должен царь в своем служенье строгом?

И о а с

Царь мудрый — сказано самим предвечным богом —
Не мнит, что золото — один ему оплот,
Боится господи, закон его блюдет,
Слова писания как должно почитает
И братьев никогда своих не угнетает.

И о да й

Но все же из числа тех, кто носил венец,
Кого бы ты, мой сын, избрал за образец?

И о а с

Давид, сын любящий, пред господом смиренный —
Пример для всех царей благой и совершенный.

И о да й

И не пошел бы ты вослед таким царям,
Каков Охозия, неверный Иорам?

И о а с

Отец!

И о да й

Ответь: о них что мне твой разум скажет?

И о а с

Всех, кто подобен им, пускай господь накажет!

(Иодай падает ниц у его ног.)

Что вижу я? Отец, ты пал к моим ногам!

И о да й

Как моему царю, тебе почет воздам!
Давида, праотца, будь, Иоас, достоин.

И о а с

Я? Иоас!

И о д а й

Узнай: господь, кем мир устроен,
 Всю ярость матери жестокой отразил,
 И в час, когда тебе убийцы нож грозил,
 Тебе, избраннику, он даровал спасенье.
 Еще тебя ее не мпновало мщенье:
 С такой же злобою, с какой она тогда
 Всех внуков извести хотела без следа,
 Теперь она тебя настигнуть замышляет
 Под этим именем, что здесь тебя скрывает.
 Но я уже собрал под сень твоих знамен
 Народ, которым, верь, ты будешь отомщен.
 Вступите же сюда, главы семей почтенных,
 Вы, что облечены чредою служб священных.

Явление третье

И о а с, И о д а й, А з а р и я, И с м а и л
 и три другие начальника левитов

И о д а й

Царь, вот кто за тебя отмстит твоим врагам!
 Священники, вот царь, что мной обещан вам!

А з а р и я

Как! То Элиаким?

И с м а и л

Как! Этот отрок стройный...

И о д а й

Наследник истинный, престол занять достойный.
 Последним из детей Охозии рожден,

Он Иоасом был, мы знаем, наречен.
Цвет, срезанный рукой безжалостной злодея,
Уже оплакала в печали Иудея.
Он с братьями в тот день убит бы вместе был,
Когда б удар ножа господь не отвратил;
От ранней гибели младенца он избавил
И жизни искру тлеть в груди его оставил.
Тогда-то, обманув всю зоркость палачей,
Иосавет его, укрыв от злых очей,
Окровавленного, взяла и утаила,
И с ним кормилицу во храме водворила.

И о а с

Увы! Тебе и той, кто больше мне, чем мать,
Как я признательность сумею доказать?

И о д а й

В другое время ты исполнишь обещанье.
Вот перед вами царь, все ваше упованье!
Я охранял его и не жалел забот.
О слуги господа, отныне — ваш черед!
Иезавели дочь, не мешкая ни часа,
В могилу страшную низвергнет Иоаса,
Узнав, что он в живых и видит исбосклон:
Еще неведомый, ей ненавистен он.
Гнев упредить ее настало ныне время:
Должны позорного мы сбросить рабства бремя,
Отмстить за царский род, закон восстановить
И юного царя двум племенам явить.
Нам подвиг предстоит великий и опасный:
Мы осуждаем трон царицы самовластной;
Под знаменем ее средь множества людей —
Наемник дерзостный, неверный иудей;
Но бог — наш вождь — от нас не отвращает взоры.

Ведь в этом отроке — Израиля опора.
Уже царицу бог тревогою смутил;
Уже, презрев запрет, я вас соединил.
Царица думает: мы безоружны в храме.
Пусть будет Иоас немедля венчан нами.
За нового царя бестрепетной стопой,
Взывая к богу сил, мы двинемся на бой,
Уснувшей веры дух в сердцах опять воздвигнем
И во дворце самом противницу настигнем.
Кто, равнодушный, кто, постыдным спящий сном,
Увидя, как святым мы шествием идем,
К нам не примкнет, таким примером увлеченный?
Царь, господом самим во храме воскормленный,
Первосвященник с ним, ведущий за собой
Левитов множество, готовых выйти в бой.
А в их руках блеснет не серебро, не золото, —
Мечи, что посвятил творцу Давид когда-то!
Бог ужас наведет на всех врагов своих.
Тирийцев лейте кровь, израильтян самих —
Пусть будут и они, как грешники, убиты.
Не ваши ль праотцы те славные левиты,
Что, увидав народ, покинувший творца
И идолом себе воздвигнувший тельца,
Любимых сродников мечом своим пронзили
И руки кровью их, неверных, освятили,
И вам стяжали честь тем подвигом своим
У алтарей святых прислуживать одним?
Но вижу я: за мной вы следовать стремитесь.
Так на писании священном поклонитесь
Перед лицом царя, что послан вам опять,
Сражаться за него и жизнь свою отдать.

А з а р и я

О да, клянемся здесь мы клятвою законной,
Что Иоас взойдет на трон отцов исконный,

Что не опустим мы мечей, врученных нам,
Доколе всем его не отомстим врагам.
Клятвопреступника ж за грех и вероломство,
О боже, покарай, и с ним его потомство!
Чтоб доли он лишен в твоём наследьи был
Со всеми мертвыми, которых ты забыл!

И о д а й

Закону, правилам священного писанья
Клянешься ль, царь, и ты быть верным до скончанья?

И о а с

Как я могу закон творца не соблюдать?

И о д а й

О сын мой, так еще дерзну тебя назвать:
Я слезы лью, поверь, тебе не в огорченье —
Их справедливое исторгло опасенье.
Воспитанный вдали придворной суеты,
Отравы сладостной еще не знаешь ты;
Соблазнов власти ты не ведаешь манящих,
Ни голоса вельмож, царю усердно лстящих.
Услышишь ты от них, что и святой закон,
Над чернью властвуя, владыкам подчинен;
Что царь покорен лишь своей же мощной воле
И попирает все, блистая на престоле;
Что подданных удел — нужду и труд нести,
И надобно жезлом железным их пасти,
И что, не угнетен, народ сам угнетает:
От бездны к бездне так их голос увлекает.
Растлит он скоро твой еще невинный нрав,
Посеет ненависть к тому, кто чист и прав,
В ужасном облике все доброе являя.

Грешил — увы! — и царь премудрый, им внимая!
 Так на писании клянись при людях здесь,
 Что господом твой дух исполнен будет весь;
 Что, добрых милуя и злых карая строго,
 Меж бедным и собой возьмешь ты в судьи бога,
 Затем, что сам ходил в одежде ты льняной,
 И сам был бедняком, и сам был сиротой.

И о а с

Клянусь, что соблюдать закон во всем я буду.
 Господь, казни меня, коль я тебя забуду!

И о д а й

Идем: помазанье ты должен воспринять.
 Иосавет, войди: ты можешь здесь предстать.

Явление четвертое

И о а с, И о д а й, И о с а в е т, За х а р и я, Су л а м и ф ь,
 А з а р и я, И с м а и л, три другие начальника левитов, х о р

И о с а в е т *(обнимая Иоаса)*

О царь, Давидов сын!

И о а с

О мать, чье имя свято!
 Приди, Захария, обнять меня, как брата.

И о с а в е т *(обращаясь к Захарии)*

Колени преклони перед своим царем.

Захария бросается к ногам Иоаса.

И о д а й *(видя, как они обнимаются)*

О, если б быть вам век в согласии таком!

И о с а в е т *(обращаясь к Иоасу)*

Узнал ты, что за кровь тебе дана судьбою?

И о а с

И знаю, от кого спасен я был тобою.

И о с а в е т

Итак, тебя назвать могу я: Иоас?

И о а с

Верь: Иоас любить не перестанет вас.

Х о р

Как! Это...

И о с а в е т

Иоас.

И о д а й

Левит нас ожидает.

Явление пятое

И о а с, И о д а й, И о с а в е т, За х а р и я, Су л а м и ф ь,
А в а р и я, И с м а и л, три другие начальника левитов, х о р

Л е в и т

Не ведаю, что враг на бога замышляет,
Но медь грозящая звенит со всех сторон,

Сверкают факелы средь веющих знамен;
 То Аталии рать выходит, без сомненья.
 Уж неоткуда ждать нам больше подкрепленья:
 Холм храма заняли тирийские войска;
 Их богохульная толпа уже близка,
 И крикнул нам один из воинов суровых,
 Что беззащитны мы, и что Абнер в оковах.

И о с а в е т (обращаясь к Иоасу)

Чтоб жизнь твою спасти, любимое дитя,—
 Увы! — по мере сил все совершила я:
 Господь от праотца Давида отступился.

И о д а й (обращаясь к Иосавет)

Как! Или хочешь ты, чтоб гнев его излился
 На нас и на царя, столь дорогого нам?
 Ведь если бог его, не вняв твоим мольбам,
 Возьмет, Давида дом навеки истребляя,
 То вспомни: разве здесь не та гора святая,
 Где руку патриарх безропотно простер
 На первенца, и, сам соорудив костер,
 Плод старости своей готовил на закланье,
 Смиренно возложив на бога упованье
 И в сыне жертвуя возлюбленном своем
 Надеждою на род, обетованный в нем?
 Друзья, разделимся. Час наступил урочный.
 Будь стражем, Исмаил, со стороны восточной;
 Ты у полночных стань, ты — у закатных врат,
 Ты — у полуденных. И, рвением объят,
 Пусть ни один из вас отсюда не ступает
 И замыслы мои врагу не открывает;
 Но также каждый пусть, священник иль левит,
 До смерти на посту указанном стоит.
 Противник яростный во гневе ослепленном

Считает стадом нас, на бойню обреченным,
И думает, что всех в смятении найдет.
Пусть за царем везде Азария идет.

(Обращаясь к Иоасу)

Последний из сынов прославленного рода!
Отвагу новую пролей в сердца народа;
Венец наследственный прими пред алтарем,
И если погибать, то погибай царем.

(Обращаясь к Иосавет)

Иди за ним.

(Обращаясь к одному из левитов)

А ты мне дай вооруженье.

(Обращаясь к хору)

Начните господу невинное моление.

Явление шестое

Суламифь, хор

Весь хор *(поет)*

Вы, Аароновы сыны,
Идите ныне в бой священный:
Достался жребий несравненный
Вам, Аароновы сыны.
За бога, за царя вы меч поднять должны.

Один голос

О, где громов твоих удары,
Что в правом гневе ты метал?
Иль час возмездья не настал?
Иль ты не бог суровой кары?

*

Д р у г о й г о л о с

О бог Иакова, где милости твои?
 Иль среди ужасного смятенья
 Неправды голоса ты услышал одни?
 Иль ныне ты не бог прощенья?

В е с ь х о р

О бог Иакова, где милости твои?

О д и н г о л о с

То на тебя, о боже, стрелы
 Дерзают направлять ходящие во зле.
 «Служеньям богу на земле
 Положим, — говорят они, — пределы.
 Довольно под его страдали мы ярмом;
 Разрушим алтари, святых его уьем,
 Пусть имя божье и сиянье
 Навек умрет в воспоминаньи.
 Помазанника мир напрасно ожидал».

В е с ь х о р

О, где громов твоих удары,
 Что в правом гневе ты метал?
 Иль час возмездья не настал?
 Иль ты не бог суровой кары?

О д и н г о л о с

О луч, обрадовавший нас,
 Прекрасной ветви цвет, желанный вестник мира,
 Ужели матери безжалостной секира
 Тебя, спасенного, настигнет в этот раз?

Скажи, то ангел ли над колыбелью твой
Чудесно отразил убийц жестоких силы,
Иль мощным гласом бог живой
Воздвиг твой хладный прах из сумрака могилы?

Д р у г о й г о л о с

Мятеж его отцов, всё, чем грешны они,
Ты отроку в вину, о боже, не вмени!
Ужели он твое утратил снисхожденье?

Х о р

О бог Иакова, где милости твои!
Иль ныне ты не бог прощенья?

О д н а и з д е в х о р а *(говорит)*

Труба военная, звеня,
Тирийцев яростных вещает приближенье.

С у л а м и ф ь

Уж крики воинов свирепых слышу я.
О, страшное мгновенье!
Бежим, сокроемся, уйдем
Во мрак неизреченный,
Под сенью алтаря священной.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Явление первое

Захария, Суламифь, хор

Суламифь

Захария, мой брат, что скажешь ты? Мы ждем.

Захария

Удвойте к господу усердные моления:
Настали, может быть, последние мгновенья;
К ужасной битве дан, сестра моя, приказ.

Суламифь

Где царь?

Захария

Венчание совершено сейчас:
Был на его главу излит елей священный.
Сверкал в очах у всех восторг неизреченный
При виде юного, воскресшего царя.
Еще заметен след ножа, сестра моя.
Пред нами верная кормилица предстала,
Что, скрытая досель, хранила и питала
Бесценный и святой, ей вверенный, залог.
И ведали о том лишь мать моя да бог.

Левиты юные от радости рыдали
И слезы с кликами веселыми мешали.
А он среди толпы, нимало не гордясь,
Порою обращал лучистый взор на нас,
Приветствовал иных своим рукопожатьем
И нежность изъявлял к отцам своим и братьям.

С у л а м и ф ь

Повсюду ль разнести успела весть о том?

З а х а р и я

Об этом знают лишь у нас, в доме святом.
Здесь на отряды все левиты разделились
И стражею у врат в молчаньи разместились.
Все выступят вперед, лишь будет дан приказ,
Крича: «Да здравствует властитель Иоас!».
Но выходить царю отец мой возбраняет.
Царя Азария повсюду охраняет.
Царица между тем, спеша с кинжалом к нам,
Смеется, что врата мы заперли во храм,
Чтоб их разбить, велит катить сюда тараны
И жаждет видеть лишь развалины и раны.
Священники отца хотели умолить
В старинных тайниках по крайней мере скрыть
От полчищ вражеских ковчег наш драгоценный.
«Ах,— молвил мой отец,— откуда страх презренный?
Ковчег завета наш — святыня из святынь,
Он башни повергал надменные твердынь,
Он Иордану вспять повелевал струиться,—
С ним дерзкой женщины должны ли мы страшиться?»
В тревоге очи мать возводит на царя,
Порой склоняется к подножью алтаря,
Под бременем тоски, безмолвная, бледнея.
Возмог бы лик ее растрогать и злодея.

Сжимая царь ее в объятиях порой,
Ласкает... Сестры, все последуйте за мной,
И если днесь падет царь, нами обретенный,—
Мы примем вместе с ним удар, ему сужденный.

Суламифь

Кто дерзостной рукой стучится там у врат?
Куда левиты все, смятенные, спешат,
Скрыв под одеждами оружие святое?
Иль враг ворвался в храм?

Захария

Пребудьте все в покое:
Бог нам Абнера шлет.

Явление второе

Абнер, Иодай, Иосавет, Захария, Суламифь,
Исмаил, два левита, хор

Иодай

Поверю ли очам?
Каким путем, Абнер, ты смог проникнуть к нам?
Вкруг храма сомкнута упорная застава
И, как сказали нам, злодейка, дочь Ахава,
Чтоб замыслы свои свободно довершить,
Посмела на тебя оковы наложить.

Абнер

Да, моего она должна бояться рвенья;
Но малой я ценой избавился от мщенья.

В темницу ввергнутый, ждал, удрученный, я,
 Что станет этот храм добычею огня,
 И, не утолена всей кровью, что струится,
 От жизни и меня освободит царица,
 Чтоб никогда моих не омрачала дней
 Печаль, что я своих переживу царей.

И о д а й

Какое чудо вновь тебя нам возвращает?

А б н е р

Жестокой помыслы господь единый знает.
 Я призван ею был; смятения полна —
 «Храм осажден — смотри, — промолвила она, —
 Огонь отмщения до тла его изгложет,
 И ваш господь его спасти едва ли сможет.
 Священников я все ж, — но надо поспешить! —
 На двух условиях готова пощадить:
 Чтоб тотчас выдали они Элиакима
 И то сокровище, которое хранимо
 Первосвященником за стенами палат, —
 Давидом собранный в былые годы клад.
 Такой ценою я дарую им прощенье».

И о д а й

Какое ж ты принять советуешь решенье?

А б н е р

Все это золото — коль правда, что оно
 Со дней Давида здесь в тиши сохранено,
 И все спасенные от рук ее богатства,
 Чтоб оградить алтарь и храм от святотатства, —

Отдай. Иль хочешь ты, чтоб дерзостных набег
 Проник в святилище, не пощадив ковчег,
 И херувимов сжег святыне изваянья,
 И кровь, твою же кровь, пролил без состраданья?

И о д а й

Но подобает ли возвышенным сердцам
 На истязание и смерть предать врагам
 Дитя несчастное, что вверено мне богом,
 Затем, чтоб нашу жизнь купить таким залогом?

А б н е р

Все богу ведомо! О, пусть он повелит,
 Чтоб Аталией был ребенок тот забыт,
 Чтоб ею пролита была лишь кровь Абнера,
 И завершилась тем деяний страшных мера!
 Но отрок будет ли от гибели спасен?
 Когда погибнут все, останется ли он?
 Велит ли нам господь бороться с невозможным?
 Как повелел тиран законом непреложным,
 Младенцем Моисей опущен в быстрый Нил
 И в нем, едва рожден, погибнуть должен был;
 Однако бог дитя от гибели избавил
 И возрастить его тирана же заставил.
 Кто знает, для чего рожден Элиаким
 И для какой судьбы он господом храним?
 И, может быть, сломив дух злобы и гордыни,
 Цареубийцу он умилоствовал ныне?
 Могли заметить здесь Иосавет и я,
 Как ласкова она, с младенцем говоря.
 Смягчился взор ее и не сверкал так гневно.

(Обращаясь к Иосавет)

Ты в этот грозный час безмолвствуешь, царевна!
 Иль ради мальчика, чужого для всех вас,

Допустит Иодай, чтоб кровь семьи лилась,
И пламя вспыхнуло, и жертвою бесплодной
Погиб весь храм — творцу единственно угодный?
Что сделали бы вы, когда б Элиаким
Был царственных отцов потомком дорогим?

И о с а в е т

Он чтит наш царский род. Сними же с сердца бремя
И все ему открой!

И о д а й

Теперь еще не время.

А б н е р

Нет, время дорого, поверь моим словам!
Пока вы медлите и я взываю к вам,
Мафан, рассвирепев, царицу убеждает
И, чтоб начать резню, лишь знака ожидает.
Иль должен я к стопам твоим святым припасть?
Во имя господя, чья здесь почует власть,
Во имя алтаря и скинии завета,
Внемли мольбе моей — пусть тяжело бремя это —
И непредвиденный удар предотврати.
Лишь дай мне отдохнуть и силы обрести:
До утра меры я приму без промедленья,
Чтоб, оградив наш храм, отмстить за оскорбленья.
Но доводы мои и слезы, вижу я,
Бессильны убедить, сурового, тебя.
Твой непреклонен дух. Нам все пути закрыты.
Так пусть у двери иль меч мне принесут левиты,
И пусть у двери в храм, где неприятель ждет,
По крайней мере смерть Абнер в бою найдет.

И о д а й

Совет разумный ты мне дал. Я уступаю.
 Предотвратим, Абнер, столь многих бедствий стаю.
 Ты прав: Давида клад бесценный сохранен,
 Был верности моей вручен когда-то он!
 Я от лучей дневных берег его со тцаньем:
 Он иудеев был последним упованьем.
 Царица требует, чтоб ей открыли клад?
 Что ж! Стража перед ней расступится у врат.
 Пусть ей сопутствуют вернейшие из свиты;
 Но полчища ее, свирепые наймиты,
 Не смеют наш святой порог переступить:
 От разоренья храм ты должен оградить.
 Иль старцев и детей она страшиться будет?
 Число придворных пусть она с тобой обсудит.
 Тревогу и боязнь внушает ей дитя?
 Но правоту твою довольно знаю я,
 Открою перед ней тебе его рожденье:
 Ты скажешь, властно ли над ним ее веленье;
 Меж ним и ей тебя я делаю судьей.

А б н е р

О, я хранить его клянусь перед тобой!
 Не бойтесь ничего. Я поспешу к царице.

Явление третье

И о д а й, И о с а в е т, З а х а р и я, С у л а м и ф ь,
 И с м а и л, д в а л е в и т а, х о р

И о д а й

Вот жертва, господи,— она в твоей деснице!
 Послушай, Исмаил.

(Шепчет ему на ухо.)

И о с а в е т

Царь неба и земли,
Вновь пеленой глаза виновной застели,
Как в ночь, когда ему смерть от ножа грозила,
Я жертву нежную в моих объятьях скрыла!

И о д а й

Так, мудрый Исмаил, не медли — час настал;
Исполни в точности все то, что я сказал;
Пусть у дверей ее одно молчанье встретит,
Пусть ничего она во храме не заметит.
Вы ж Иоасу здесь воздвигните престол,
Чтоб перед воинством он на него взошел.
Пусть явится его кормилица пред нами,
Царевна, ты очей не омрачай слезами.

(Обращаясь к одному из левитов)

Едва переступив порог, войдет она,
Безумной гордостью своей опьянена —
Чтобы отрезать ей навеки отступленье,
Пусть грозный клич трубы в то самое мгновенье
На стан противника смятенье наведет.
Царю на помощь вы зовите весь народ
И разносите весть повсюду громким гласом,
Как дивно бог простер покров над Иоасом.
Вот он.

Явление четвертое

Иоас, Иодай, Иосавет, Захария, Суламифь,
Азария, множество священников и левитов,
х о р

И о д а й

Служители святого алтаря!
Повсюду станьте здесь, чтоб охранять царя.

Во всем доверьтесь мне; вам надобно таиться,
Пока мой голос вас не призовет явиться.

(Все священники и левиты скрываются.)

Твои обеты, царь,— надежд твоих залог.
Во прахе недруга увидишь ты у ног.
Та, ненавистница, окружена врагами,
К нам приближается поспешными шагами;
Но не страшись ее; подумай: в этот час
Сам ангел мщения на-страже возле нас.
Взойди же на престол и... Но врата раскрылись.
Дозволь, чтоб над тобой завесы опустились.

(Задерживает завесу.)

Царевна, побледнел твой лик!

И о с а в е т

О страшный час!

Толпа убийц во храм священный ворвалась.
Ужель не видишь ты всех воинов и свиты...

И о д а й

Я вижу, что врата во храм опять закрыты.
Всё в безопасности.

Явление пятое

И о а с, А т а л и я, И о д а й, И о с а в е т, А б н е р, с в и т а
А т а л и я

(Иоас скрыт завесою.)

А т а л и я *(обращаясь к Иодаю)*

Так вот где ты, злодей,
Прельститель юных душ, зачинщик мятежей,

Ты, что в тиши таишь свой замысел греховный
 И власти искони противишься верховной!
 Ты думал, что твой бог — незыблемый оплот.
 Ты видишь ли, к чему подобный путь ведет?
 И храм, и жизнь твоя в моей всецело власти.
 На алтаре, где жег ты жертвенные части,
 Тебя б... Но выкуп твой готова я принять.
 Что мне обещано, обязан ты отдать:
 Где то дитя, тот клад, что у тебя хранится?
 Я жду!

И о д а й

Сейчас твое желание свершится:
 Обоих сразу ты увидишь пред собой.

Завеса отдергивается. Виден Иоас: он сидит на престоле; справа кормилица его, коленопреклоненная; слева стоит Азария с мечом в руке; а подле него, на коленях, Захария и Суламифь на ступенях престола; несколько левитов, с мечами в руках, стоят по сторонам.

Явись, дитя, царей потомок дорогой!
 Наследника царя Давида не признала
 Ты в нем? Признай же след от твоего кинжала.
 То сын Охозии, твой царь, глядит на нас.
 Народ и ты, Абнер, — пред вами Иоас.

А б н е р

Творец!

А т а л и я (обращаясь к Иоаю)

Предатели!

И о д а й

Еврейку ты забыла,
 Что от своих сосцов его в те дни кормила?
 Рукой Иосавет он от тебя спасен,

Во храме здесь укрыт, и богом сохранен.
Таков Давида клад, хранимый свято мною.

А т а л и я

За все поплатится он тяжкою ценою.
Избавьте, воины, от призрака меня!

И о д а й

Господни воины, к оружию, за царя!

В этот миг глубина сцены открывается. Видна внутренность храма, и вооруженные левиты со всех сторон выходят на сцену.

А т а л и я

Где я? Несчастливая! Я шла на зов измены!
Оружье и врагов скрывали эти стены!

И о д а й

Твой взор блуждает вкруг, но некуда уйти —
Самим творцом тебе заграждены пути.
Нам предал он тебя, ослушницу завета:
За кровь, что ты лила, он требует ответа.

А т а л и я

Страх низкий воинов моих оледенил.

(Обращаясь к Абнеру)

В какую западню меня ты заманил!

А б н е р

Царица, видит бог...

А т а л и я

Оставь его, предатель,
И за меня отмсти!

А б н е р *(бросаясь к ногам Иоаса)*

Кому? Царю? Создатель...

А т а л и я

Он царь, мятежники? Он царь ваш, Иоас?
Но знайте: кары меч опустится на вас.
Я слышу войска клич, готового к защите.
Спешат на помощь мне. Злодеи, трепещите!

Явление шестое

И о а с, А т а л и я, И о д а й, И с м а и л и все лица
предыдущего явления

И с м а и л *(обращаясь к Иодаю)*

Освобожден наш храм от вражьей тучи всей.
Бежит наемник прочь, покорен Иудей.
Как ветер в воздухе клубы уносит дыма,
Глас всемогущего рассеял рать незримо.
Был сын Охозии народу возвещен,
Который от меча в младенчестве спасен.
С высоких ступеней левиты объявили,
Что сети наши дочь Ахава уловили.
С их кликами слился мгновенно трубный звук,
И он навел на стан противников испуг,
Как в оный день, когда над полчищем разбитым
Могучий Гедеон грозил мадианитам.

Спеша оружие на землю побросать,
 Бежала первую тирийцев дерзких рать;
 С ней в бегство многие евреи обратились;
 Но те, что промыслу господнему дивились,
 Воскликнули, что царь над ними — Иоас.
 Стал общим торжества и ликованья глас,
 Все люди радостно друг друга обнимают
 И посланного им творцом благословляют,
 Поют они, что сын Давидов воскрешен,
 Ваал разгневанной толпою окружен,
 Разбиты в капище врата, народ ликует,
 Мафан убит.

А т а л и я

Так бог евреев торжествует!
 Да, это — Иоас; сомненья больше нет:
 Удара моего я вижу явный след;
 Охозии черты, осанка и движенья —
 На всем лежит печать проклятого рожденья.
 Ликуй, ликуй, Давид! Ахава свергнут дом.
 Неумолимый бог, рука твоя во всем!
 Ты, мстью легкою мой разум обольщая,
 Вступать меня в разлад с собою заставляя,
 То жалость к мальчику в моей душе будил,
 То блеском золота глаза мои слепил,
 Чтоб я не отдала твой храм на расхищенье.
 Так пусть же царствует твой сын, твое творенье,
 И в день, когда его к престолу ты ведешь,
 Для вящей славы пусть вонзят мне в сердце нож!
 Но вот что мать ему пред гибелью желает,
 На что неизменно и твердо уповает:
 Что в день, когда ему наскучит твой закон,
 Ахава семени пребудет верен он;
 Родившему его и праотцу подобный,
 Венца Давидова наследник, духом злобный,

Твой осквернит алтарь, нетронутый досель,
За Аталию мстя и за Иезавель.

(Аталиа уходит, левиты следуют за ней.)

И о да й

Пусть тотчас изведут ее без промедленья.
Но в храме допускать не должно оскверненья;
Отмстите за царей, чью кровь она лила,
И если б в этот час внезапно мысль пришла
Вступиться за нее коварному злодею, —
Пусть ярости меча он предан будет с нею.

Явление седьмое

И о а с, И о да й, И о с а в е т, А б н е р и все лица
предыдущего явления

И о а с *(сойдя с престола)*

О боже, видящий всю скорбь в моей груди,
Жестокой от меня проклятье отведи.
Пусть надо мной оно ни часу не пребудет:
Пусть Иоас умрет, коль он тебя забудет.

И о да й *(обращаясь к левитам)*

Пора явить царя. Зовите весь народ:
Пусть клятву верности ему он принесет.
Пусть будут песни вновь хвалебные воспеты.
Народ, левиты, царь — мы принесем обеты
И, свой исполнив дух раскаяньем святым,
Завет Иакова с творцом возобновим.
Абнер, ты при царе пребудешь в прежнем званьи.

*

Явление восьмое

И о а с, И о д а й, л е в и т и все лица предыдущего явления

И о д а й *(обращаясь к левиту)*

Итак, свершилось ли над дерзкой наказанье?

Л е в и т

Она умерщвлена карающим мечом.
Иерусалим, давно стенавший под ярмом,
Создателя теперь за избавленье хвалит,
Злодейки видя труп, который кровью залит...

И о д а й

Ты, видевший, куда ведет нечестья путь,
О иудеев царь, познай и не забудь,
Что в небе есть господь, простерший длань над миром,
Судья земным царям и покровитель сирым.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ифигения в Авлиде. С гравюры по рисунку Гравело	6—7
Федра. С гравюры по рисунку Гравело	94—95
Эсфирь. С гравюры по рисунку Гравело	174—175
Аталия. С гравюры по рисунку Гравело	244—245

*Иллюстрации заимствованы из «Oeuvres de Jean Racine»,
Paris éd. Louis Cellot, 1768.*

СОДЕРЖАНИЕ

Ифигения в Авлиде. Перевод М. Тумповской	7
Федра. Перевод С. Шервинского	95
Эсфирь. Перевод Б. Лившица	175
Аталия. Перевод под редакцией Е. Якобсон	245
Перечень иллюстраций	341

Редактор *Е. Якобсон*
Лит.-технич. наблюдение
В. В. Чешинский
Технический редактор
Н. П. Макишева
Наблюд. на производстве
Г. А. Батков

★

Сдана в набор 15.XI.1936
Подписана к печ. 20.II.1937
Индекс А-Г. Изд. № 245.
Тираж 5300. Уполномоч.
Главшта № Б-9076. Заказ
№ 1097. Бумага 82×110¹/₃₂.
Печ. л. 24,5. У.-а. л. 10,55.
Бум. л. 5,4.

★

Отпечатано во 2-й типо-
графии ОГИЗа 'СФСР' тре-
ста «Полиграфкима» «Пе-
чатный Двор» им. А. М.
Горького. Ленинград, Гат-
чинская, 26.

Цена Р. 7.—

Переплет Р. 2.—

ПОПРАВКА

*На стр. 46 после заголовка «Явление седьмое»
пропущен перечень действующих лиц:*

Ахилл, Эрифила, Дорида.

